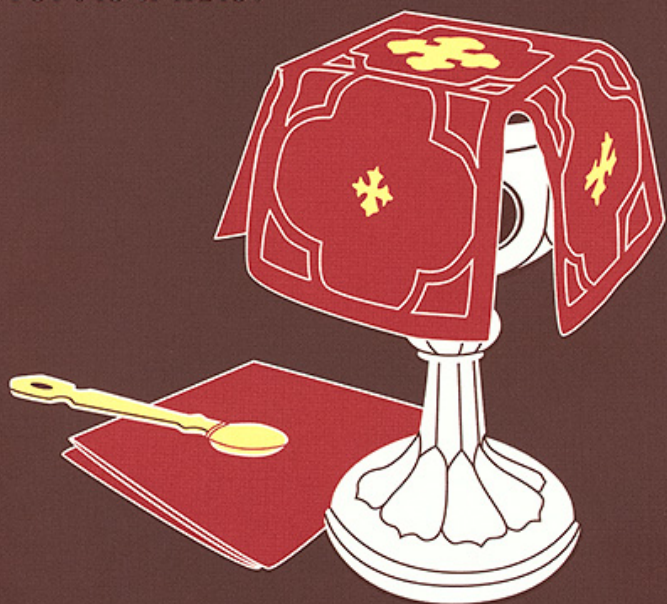

Протоиерей
Александр Шаргунов

СВЯТЫЕ ДАРЫ

МОЖЕТЕ ЛИ ПИТЬ ЧАШУ,
КОТОРУЮ Я ПЬЮ?

Современное
благовестие

Протоиерей
Александр Шаргунов

СВЯТЫЕ ДАРЫ

МОЖЕТЕ ЛИ ПИТЬ ЧАШУ,
КОТОРУЮ Я ПЬЮ?

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СРЕТЕНСКОГО
МОНАСТЫРЯ

Москва
2020

УДК 271
ББК 86.372.24-50
Ш25

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-005-0171

Шаргунов Александр Иванович, протоиерей

Ш25 Святые Дары. «Можете ли пить чашу, которую Я пью?». — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2020. — 445 с. — (Серия «Современное благовестие»).

ISBN 978-5-7533-1644-8

«Скажи, как ты относишься к причастию, и я скажу, какова твоя вера» — так можно кратко передать содержание новой книги протоиерея Александра Шаргунова. Привыкание к святыне — это самое опасное для духовной жизни христианина. Книга отца Александра призвана пробудить те чувства трепета и благоговения, с которыми мы должны подходить к Святой Чаше. Ее особенно полезно читать при подготовке к Святому Причащению.

УДК 271
ББК 86.372.24-50

ISBN 978-5-7533-1644-8 © Шаргунов А.И., протоиерей, 2020
© Сретенский монастырь, 2020

Каждый раз, когда мы
приступаем ко причастию,
Господь задает нам тот же
самый вопрос:

***Можете ли пить чашу,
которую Я пью?***

Предисловие

Два ученика идут по дороге в Эммаус после распятия на Кресте Христа. Они очень опечалены. Тот, в Кого они верили как в Избавителя и Спасителя Израиля, умер. Они идут, отягченные скорбью. Внезапно незнакомый Путник присоединяется к ним — воскресший Христос, и они не узнают Его. Но постепенно начинают ощущать просветление от этого Божественного Присутствия, когда Путник объясняет им все, что касается Мессии Христа в Писаниях. Слушая Его, они приблизились к Эммаусу, их сердце горело. Путник хотел идти дальше, но они сказали Ему: *Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру* (Лк. 24:29). Их ум стал открываться, они ни за что не желали разлучиться с этим чудным Путником. При преломлении хлеба они узнали воскресшего Христа. Источник, текущий в жизнь вечную, был перед ними. После этого Он стал невидим для их внешнего зрения.

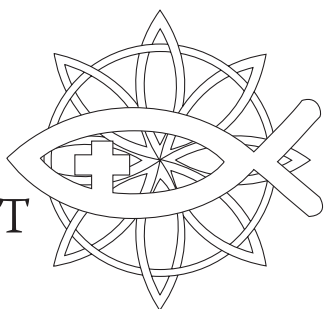
Все человечество совершает свой путь по образу этих двух учеников. Люди несут в своих сердцах неизбывную печаль, так нуждаются они в общении с Богом — не мимо-летном, не ложном, — с Тем, Кто наполнит Собой их одиночество, встретит их на долгом пути жизни. Приближается вечер, и никто не знает своего часа. Время движется неумолимо, для каждого из нас положен предел на земле, история мира близится к завершению.

На Тайной Вечере в Великий Четверг Христос установил таинство Евхаристии. С этого дня Своим Пречистым Телом и Кровью и Своим Божеством Он присутствует на всех престолах Церкви. И мы тоже узнаём Его, если наши глаза откроются. Каждый день приносится священная

жертва Евхаристии руками священников, и Христос с нами до скончания века. Не существует большего чуда на земле, чем это живое присутствие нашего Бога, предлагающего Себя под видом хлеба и вина и дающего возможность нам, убогим и недостойным, приобщаться Его Божественной жизни.

Все отцы Церкви, множество святых с благодатной мудростью и великой любовью с самого начала во все века говорили — не упустив ничего, во всех драгоценных подробностях — об этом неиссякаемом Таинстве. Они проявляли великую заботу о том, чтобы передать новым христианским поколениям сокровище, содержащее всю полноту нашего исповедания. Ими написано столько дивных страниц, но человеческий язык никогда не сможет выразить эту неизреченную тайну. Тем не менее каждый самый скромный, искренне совершающий свое служение священник (как и каждый благочестивый мирянин) мог бы из своего опыта поведать о том, что не вычитано из книг, хотя и абсолютно совпадает со знанием, которое хранит Церковь в первом, десятом и двадцать первом веке. Более сорока лет своего священства в проповедях или в общей исповеди перед Причастием я тоже пытался донести до прихожан эту веру Церкви. В предлагаемой книге — некоторые из этих проповедей. Цель одна: Церковь зовет нас узнать ни с чем не сравнимое значение евхаристической тайны и жить ею на большей, на подлинной глубине. Потому что каждый раз, когда мы приступаем ко Причастию, Господь задает нам тот же самый вопрос: *Можете ли пить чашу, которую Я пью?* (Мк. 10:38).

НЕ СУЩЕСТВУЕТ ДРУГОГО ПУТИ СПАСЕНИЯ

Святые Дары

Всякий раз, когда совершается литургия, мы благодарим Господа. Жизненно важно понять, что Евхаристия, которая совершается в храме каждый день, может превратиться в самое опасное, что есть в духовной жизни, — в привычку к святыне. В особенности к той святыне, которая дает нам саму жизнь воскресшего Христа.

Да будет дано нам постигнуть смысл нашего причащения! Евхаристия — прежде всего дар Божий. Мы говорим «дар Божий», в то время как Евхаристия — не дар Божий в ряду бесчисленных даров Божиих Святой Церкви. Мы знаем, что первым из даров Божиих, полученных богоизбранным

народом, был дар манны в пустыне. Это было прежде всего прообразованием Евхаристии. Испытывая веру Израиля, Бог дал ему дар нищеты.

Что это значит? Почему после обретения свободы от рабства в Египте этот народ был введен в пустыню? Моисей отвечает: «Помни, Израиль!» Израиль должен помнить о долгом странствовании, которое он совершил в пустыне. Господь дал ему это испытание, чтобы он познал свою нищету. Богоизбранный народ должен был испытать и узнать, что в его сердце.

В нищете открывается правда наших отношений с Богом и с другими людьми. Даже обычная человеческая смертная любовь имеет исключительное значение. Во многих местах Священного Писания, не только в Книге Песни песней, искание человеком благодати сравнивается с земной любовью. Когда юноша и девушка обретают взаимную любовь, естественно их изумление перед этой тайной: за что он так любит меня? Неужели за мои глаза, за мои волосы, за мою красоту, за то, что у меня есть, он избрал меня? Этот же вопрос всегда ставит перед нами Писание. Что для нас важнее всего: Бог, Которым мы любимы — непостижимо, непонятно за что, — или дары, которые Он нам дает?

В этом смысл всех наших испытаний пустыней жизни, через которую мы проходим. Когда нам кажется, что мы лишены даров Божиих, остается ли у нас любовь к их Подателю?

Главная подготовка к причастию заключается в том, как мы отвечаем на этот вопрос. Почему? Просто потому, что Евхаристия не может быть тем, чем она порой нам представляется. Как часто причастие кажется нам помощью, силой, способной поддержать нас в той жизни, которой мы живем, в обычном человеческом существовании, с его радостями и скорбями, — в том, что имеют люди, даже не знающие Бога. Мы называем жизнью ту жизнь, которую мы ведем, — это для нас важнее всего. И мы намереваемся продолжать жить согласно нашему выбору, нашим желаниям, порой даже освобождающим нас от требований Божиих. Мы просим у Бога, чтобы Он дал нам силы для этого.

Какое заблуждение! Евхаристия — это Сам Бог, отдающий Себя нам, не для того, чтобы утверждать эту нашу жизнь, искаженную грехом и смертью. Причащаясь Святых Христовых Таин, мы призваны узнать, что Господь отдает Свою жизнь, чтобы взять на Себя нашу жизнь. Евхаристия — это отвержение наших собственных перспектив, которые всегда открываются в поисках себя, нас самих. Войти в Евхаристию — это прежде всего приобщиться тайне нищеты, первой заповеди блаженств. Совлечься себя, того, что мы собой представляем, всего эгоистического, чем запечатлена наша жизнь. Чтобы все способности разума и любви отдать на служение Господу Иисусу Христу,

Который желает продолжить Свою жизнь в нас, ту жизнь, что Он вел на земле. Именно об этой тайне говорит апостол Павел: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20). Евхаристия — не дар среди других даров. Она — Сам Податель: Бог, Который хочет войти в нас и пребывать с нами.

Вот почему Евхаристия не кончается с окончанием литургии. Разумеется, Евхаристия начинается с литургии. Однако она не подлинна, если не преобразует наш новый день на земле и не возвышает жизнь всей наступающей недели. Наши талантами, всеми нашими способностями, которыми мы часто сияем среди людей, а иногда даже господствуем над ними или подавляем их, мы ищем, как служить себе, как продолжать эту бессмысленную игру. Но причастием Святых Христовых Таин мы входим в противоположное. Во всех наших делах (в том числе профессиональных, мирских), если мы верны Причастию, мы желаем отныне служить другим, как Иисус Христос всегда желает так поступать среди людей. Теперь наши таланты, наши способности мы стараемся употреблять так, чтобы они помогали спешить на помощь другим, спасать людей, наших ближних. Мы хотим уже не жить для себя, но дать Господу действовать через нас во всем человечестве, начиная с тех, кто является нашими ближними. Это трудное обращение к Богу подлинно и со всей очевидностью, если мы узнаем благодать

причащения, будет Евангелием, Благовестием истинно христианской жизни.

Мы — люди Нового Завета

В таинстве Причащения по-новому раскрывается, обретает основание вся наша христианская жизнь. Разве не сказал Господь: *Сие есть Тело Мое* и *Сие есть Кровь Моя Нового Завета* (Мф. 26:26, 28)? Мы, христиане, — люди Нового Завета между Богом и человеком. Будучи причастниками Нового Завета, попытаемся определить его смысл и подлинное значение.

Этот Завет — абсолютен, потому что после него невозможно даже помыслить о каком-либо новом этапе, еще более углубляющем это соединение Бога и людей. В таинстве, которое Господь совершает в Сионской горнице, этот Завет становится евхаристическим. *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6:54), — говорит Господь. Апостол Павел выразит это другими словами: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20). Христианская вера — это Евхаристия.

Само это слово «Евхаристия» — «благодарение» — выявляет прежде всего глубину нашего участия в таинстве. Помним ли мы, каким было

наше первое и каким было наше последнее причастие? Существует общепринятое мнение, что главное отличие христиан от других людей — это участие в таинствах. Настоящий христианин — тот, кто регулярно исповедуется и причащается. Кто будет спорить с таким определением?

Причастие — в центре нашей веры, подобно тому как Великий Четверг — в центре Страстной седмицы и всей Пасхи. Даром Евхаристии мы становимся участниками всех спасительных дел Христовых. Мы приобщаемся Его Кресту и Воскресению.

Самая скромная литургия в какой-нибудь глухой деревне, за которой молятся две дряхлые старушки, включает в себе всё богатство даров Христовых. Через нее дается реальное присутствие Христа в нашем мире и реальное присутствие всего мира через нас во Христе. Евхаристией мы вступаем в самые глубокие жизненные отношения со Святой Троицей и со всеми нашими братьями по вере, которые во всем мире совершают это же таинство. В литургии мы молимся о всех и за вся, выражая вселенское общение всех и всего в Боге.

И теперь самое время задуматься вот о чем. В нашей стране, с более чем тысячелетней историей христианства и небывалыми гонениями, с новыми попытками возрождения его, так что семьдесят процентов населения называют себя

православными, как невелико число тех, кто причащается Святых Христовых Таин! Это не может не вызывать у нас чувства тревоги за будущее православия. Хорошо говорить на всех перекрестках о возвращении к вере вчерашних безбожников, но, увы, это стремление к духовной жизни проявляется более в росте сект, в распространении разного рода эзотерических учений, нежели в переполненных людьми храмах.

Какие же выводы должны мы сделать из этого? Будем остерегаться обмануться в наших оценках. Если мы побеждаемся разочарованием и отчаянием, значит мы еще нуждаемся в том, чтобы идти по пути углубления нашей веры. Так естественно желать, чтобы не было у нас страха смерти, чтобы не было боязни поражения и даже ощущения, что Бог оставил нас. Но именно всей этой нашей немощи Господь приобщился в дни Своих страшных страданий, и именно этот Свой путь Он хочет запечатлеть для нас. Это часть нашего креста. Торжество Пасхи невозможно без Креста, которому мы можем приобщиться только нашим крестом.

Потому «нет нам дороги унывать». Ибо если мы на самом деле христиане, мы также и дети Адамовы, грешники. Будучи безгрешным, Христос на Кресте пострадал из-за наших грехов. Мы — не безгрешные. Скорбные обстоятельства, через которые проходит наша Церковь, должны приводить нас к строгому испытанию нашей совести.

Разумеется, это не упраздняет того, что мы говорим о раскрытии «тайны беззакония», о стремительном росте в сегодняшнем мире зла, которое становится все более наглым и открытым и уже почти не встречает сопротивления. Но мы должны также увидеть, что то, что происходит, является результатом и нашего греха. Речь не идет только о наших бесчисленных грехах, маленьких или больших, которые мы раскрываем время от времени в таинстве Покаяния. Хотелось бы выделить один весьма распространенный грех, в котором почти никто не сознает себя особенно виноватым. Мы говорим о грехе фарисеев, которые первыми наущали толпу убить Христа. Этот грех заключается в убеждении, что если мы соблюдаем все церковные установления, мы спасены. И наоборот: те, кто их не соблюдает, погибли. Этот грех заключается в абсолютизации всего внешнего. Этот грех начисто упраздняет учение Христа, Который ищет прежде всего обращения к Богу нашего сердца.

Как бороться с этим грехом? Необходимо спросить себя, чем является то, что мы свято и законно храним: исполнением обрядов или исполнением Евангелия? Ни через что внешнее мы не достигнем спасения. Увлечься можно, как потрясаяще сказал святитель Игнатий (Брянчанинов), чем угодно, даже служением Божественной литургии, которое тоже может стать для нас внешним и при этом потерять самое главное.

Что означает для нас совершение Евхаристии, Крови изливаемой, если мы ни за что не хотим пролить собственную кровь за наших ближних? Литургия имеет цену только тогда, когда она выражает наше реальное желание предать наше тело, самих себя для служения Христу и людям. Если будет среди нас много таких, кто готов поставить все на свое место, вне сомнения, наша вера, которой мы живем, вновь привлечет к себе других. Мы на самом деле будем причастны Телу и Крови Христовым, Его Кресту, о котором Он сказал: *И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин. 12:32).

Каждый христианин — дарохранительница

Преподобный Серафим Саровский, это солнце Церкви Русской, тысячу дней и ночей молившийся на камне молитвой мытаря с безмерной печалью о своих грехах и грехах других людей, открывшийся всем по благословению Божией Матери после многих лет отшельнической жизни и встречавший всех приходящих к нему словами «Радость моя, Христос воскресе!», — где он нашел эту радость и этот свет? В Евхаристии. «Кто причащается, — говорил он, — тот спасен будет, а кто не причащается — не думаю».

Святой праведный Иоанн Кронштадтский, великий литургийный чудотворец, каждый день совершавший Божественную литургию и через нее исцелявший множество болящих душой и телом, всегда предстоял перед этой непостижимой тайной и говорил: «Что еще нам нужно? Может ли быть большее блаженство, чем быть рядом с Богом и единым с Ним?»

Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский причащением безнадежно болящих Святых Христовых Таин являл, подобно святителю Николаю, чудотворную силу Церкви в наши маловерные, отступнические времена.

Мы взяли эти три всем известных примера. Но мы знаем, что спасение миллионов и миллиардов людей из века в век совершается в тайне Пасхи и Евхаристии, открывающей доступ к жизни Пресвятой Троицы. Потому Евхаристия — это реальное осуществление грандиозного замысла соединения в Новом Завете Бога с человеком. И в Плоти распятого и воскресшего Христа мы принимаем залог нашего спасения. По видимости крошка хлеба и капля вина — такая малость, но она возвышает нас до Бога и пребывания в Боге.

Евхаристия дает нам возможность стать членами Тела Христова и Его Церкви, возрасти в меру возраста Христова. Стать Им и через Него совершенным человечеством. Евхаристия делает из человека дарохранительницу. Это таинство

обожения. Христос входит в нашу жизнь не как система самой высокой нравственности и самых прекрасных идей, а как живая и любимая Личность. Встречая Христа в Евхаристии, человек узнаёт тайну своей жизни. Господь дает нам понять смысл, ради которого мы родились, и увидеть самую главную цель нашей жизни, куда она направлена, чтобы этот дар не оказался для нас напрасным. Каждый из нас вписан в Его Божественный замысел, в Тайную Книгу Жизни. Мы не всегда можем получить ответы на наши вопросы. Но Он опережает нас. Он отдает Себя нам, чтобы мы узнали, что сущность христианства заключается в откровении: *Бог есть любовь* (1 Ин. 4:8) и что каждая человеческая жизнь — великий духовный путь, священная история и потому — тайна, превосходящая нас. Человек имеет смысл, но он не есть смысл. Только Христос подлинно сообщает ему этот смысл.

Мы думаем, что во время причащения мы вкушаем Его, но на самом деле Он соединяет нас с Собой. И чем больше со страхом Божиим и верою мы вкушаем Его, тем больше мы алчем и жаждем.

Из своего двухтысячелетнего опыта Церковь знает, как, отдавая Свою Плоть миру, Христос делает слабых сильными, трусливых смелыми, порабощенных свободными, подлых благородными, грязных чистыми, жестоких милосердными.

Никто не спасается один. Причащаясь, мы становимся едиными со всеми членами Церкви

земной и небесной. Как ничто иное, Евхаристия напоминает нам, что быть христианином — значит быть всегда верным своему Господу и тем, кто любит Его. Сердце, приобщившееся Святых Таин, может гореть, но самая великая любовь может быть предана. Тот, Кто *есть прежде всего, и все Им стоит* (Кол. 1:17), употребляя выражение апостола Павла, хочет уподобить любящих Его Себе.

Поистине, это страшные Тайны: Евхаристия — источник жизни — становится нашей пищей. *Моя пища*, — говорит Спаситель, — *есть творить волю Пославшего Меня* (Ин. 4:34). Так бесконечно возрастает способность нашей души принимать Бога. Прежде принятия Святых Христовых Таин мы творим земной поклон перед Чашей. Мы принимаем Евхаристию в поклонении, ибо *Отец ищет поклонников в духе и истине* (ср.: Ин. 4:23).

И вот еще на чем хотелось бы остановиться, приводя примеры великих святых. Один почтенный пастырь, известный своей благочестивой и благодатной жизнью, сказал, приняв перед смертью Святое Причастие: «Какая печаль — причащаться в последний раз!» Что он хотел сказать, если шел уже, кажется, в непосредственное видение Бога?

Попытаемся объяснить его слова. Какая печаль — соединиться с Богом в последний раз на земле, среди этого мрака, а не среди света, в со-

крытости хлеба и вина — этих евхаристических составляющих, — а не в открытой ясности. Причащаясь, он мог также засвидетельствовать о своей чистой любви только в голой вере, а не в видении очевидности. Лучше сказать, он хотел выразить: какая печаль, что время, отпущенное ему на земле, кончается, и он больше не может возрасть во Христе. Лучше сказать, и это будет еще прекрасней: какая печаль — причащаться в последний раз, потому что причащаться для него было возможностью показать свою любовь ко Христу, явить свою любовь. Или еще лучше сказать: какая печаль для него причащаться в последний раз, потому что причащаться для него — дать Богу бесконечную радость о спасении еще одного человека.

Быть святым — не значит быть безгрешным. Перед Чашей Христовой каждый христианин, как бы ни был он праведен, повторяет вслед за апостолом Павлом и святым Иоанном Златоустом: «От них же (грешников) первый есмь аз». Начало святости (постараемся по-настоящему понять эти хорошо известные слова святых отцов) — видеть свои грехи бесчисленными, как песок морской. И не только начало. Преподобный Сисой Великий на смертном одре говорил окружавшему его множеству монахов: «Молитесь за меня, братия, чтобы не быть мне осужденным в вечный огонь». — «Как, — отвечали ему монахи, — ты столько лет провел в молитве, воздержании и покаянии

и боишься суда Божия?» — «Поистине, я еще не начинал покаяния», — сказал преподобный, и лицо его просияло как солнце.

Покаяние не имеет конца, как не имеет конца свет, который хочет дать нам Господь в Своих небесных и страшных Тайнах. Не потому ли сказано: *на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии* (Лк. 15:7)? Это и есть та радость Господа, бесконечно исполненного любви к Своему Небесному Отцу в Духе Святом и ко всем приносящим покаяние. Приобщиться этой радости для нас — непостижимый дар. Что может быть желаннее, чем услышать от Него: *Добрый и верный раб! войди в радость господина твоего* (Мф. 25:21).

Тело Христово

Многие, наверное, знают известные слова индийского философа Ганди, стремившегося к высокой нравственной жизни: «Я люблю Христа, но не люблю христиан». Что мы можем ответить на это? С одной стороны, с этим нельзя не согласиться, видя, какое несоответствие с Христовым учением и какой соблазн для мира нередко представляют христиане. *Ибо ради вас, как написано, имя Божие*

хулится у язычников (Рим. 2:24), — писал еще апостол Павел.

А с другой стороны, тот же апостол в Первом послании к Коринфянам говорит: *вы — тело Христово* (1 Кор. 12:27). Постараемся услышать то, о чем он свидетельствует. Этими словами — «члены тела Христового» и «тело Христово» — апостол обозначает тайну Церкви и тайну нашего соединения со Христом. Подобно тому как каждый орган в нашем теле имеет свое значение, так каждый христианин имеет значение в этом живом организме, который есть Церковь, и полнота всех членов составляет то, что апостол называет Телом Христовым.

Патриархи, епископы, священники, диаконы, монахи и миряне являются членами одного Тела, каждый исполняя свое служение для блага Церкви под действием Святого Духа. Об этой тайне непрестанно возвещает апостол, начиная со своего обращения, когда по дороге из Иерусалима в Дамаск он услышал слова, перевернувшие его жизнь: *Савл, Савл, что ты гонишь Меня?* (Деян. 9:4).

Чтобы лучше понять этот образ, зададимся вопросом: что такое мое тело? Это то, благодаря чему я существую в этом мире. Ибо «быть в мире» означает что-то видимое, осязаемое. То же самое можно сказать о Церкви: Церковь — это то, благодаря чему Христос присутствует в мире. Апостол Павел говорит: Христос есть глава Церкви, которая есть

Его Тело. Такое отождествление Церкви с Телом Христовым не есть просто сравнение. Однако глава отличается от тела.

Последуем за мыслью апостола. Возьмем такой пример. Допустим, я родился слепым. Я существую, но я не могу вследствие нарушения работы одного органа — глаз — в полноте развиваться и совершенствоваться. И апостол говорит, что Церковь *есть Тело Христово, полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1:23). Вот почему святые отцы говорят о Церкви: «всецелый Христос».

Следовательно, любить Христа и не любить христиан — значит не любить Христа. Христа можно любить только с христианами — Его членами. Он не является «всецелым Христом» без нас. Глава без членов не есть тело. Члены без главы не есть тело. Глава — Христос. Мы — члены. Члены получают от головы способность действовать. Наши назначения в теле различны. Разве ноги могут заменить руки? Вся совокупность членов, несмотря на их множество, составляет одно тело. Через нас Христос являет Свое присутствие в мире. И мы должны осознать то, чем мы призваны быть.

Но неужели это возможно? Да, через Евхаристию, где все мы составляем одно тело. Во время проскомидии священник вынимает из Богородичной просфоры частицу и полагает ее одесную просфоры, изображающей Агнца Божия, — той, которая во время Евхаристии даром Духа Святого

становится Телом Христовым. Затем девять частиц в честь всех чинов святых, которые он располагает на дискосе рядом с Агнцем. А после этого вынимается множество частиц согласно именам в записках, поданных в алтарь. Все эти имена едины с именами святых. И с Самим Агнцем. А в конце литургии священник опускает их в евхаристическую Чашу с молитвой: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Своею честною, молитвами святых Твоих».

Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба (1 Кор. 10:16–17). С каким страхом и трепетом мы должны относиться к Божественной литургии, как дорожить ею, как участвовать в ней, как готовиться к причастию! Чтобы имя Божие славилось, а не хулилось среди язычников.

Христос — без Церкви?

Многие хотели бы Христа без Церкви. Один батюшка рассказывал не без юмора о споре со своим знакомым, который хотя и ходил время от времени в храм, но это не мешало ему без конца

критиковать Церковь. Особенно после того, как его друга, замечательного проповедника, ни за что, как он был убежден, перевели в глухой сельский приход. И вот этот совопросник говорит:

— Христос — да! Христос — это несравненно прекрасней Будды, Христос — это прекрасней, чем всё. Но Церковь!

— Если бы не было Церкви, ты не узнал бы, что существует Христос. Ведь вначале Церковь состояла только из тех, кто принял Его слово и старался распространить его и исполнить в жизни.

— Да, да. Вначале! Но потом!

— Есть святые.

— Святые — да, не спорю, но Церковь!

— Ты не узнал бы святых без Церкви. Они тоже Церковь. И потом, догмат Воплощения — Воскресение, Пятидесятница. Чистоту веры надо было сохранить, как в Ветхом Завете богоизбранный народ сохранил догмат Единого Бога.

— Да, да. Догматы! Но Церковь!

— Без Церкви у тебя не было бы таинств — прежде всего Крещения, Покаяния и Евхаристии, не было бы силы, которую дают таинства, этой живой связи с Богом.

— О да, таинства! Но Церковь!

И в конце батюшка сказал ему:

— Но разве твоя вера не была бы слишком легкой, если бы в Церкви не было несовершенств, о которых ты говоришь? А Крест?

— Пожалуй, что так, — вынужден был согласиться критик.

Вот до каких глубин эта тема может идти. Не зря говорят, что самое трудное — страдать не за Церковь, но страдать от Церкви. Как вы хотите не страдать от недостатков вашей матери? Так не бывает.

И еще. Не забудем никогда, какую войну против Церкви ведут врата адовы. Когда им не удастся стереть ее с лица земли, они пытаются разрушить ее изнутри. Сколько раз говорили наши враги, что Церковь умирает, что она скоро исчезнет. И всякий раз она восставала прекрасней, чем прежде. Этой надеждой силы непобедимого Бога мы призваны в Церкви жить. Видимость происходящего — против нас, но кто может быть против Бога!

Как часто нужно причащаться

Почему в течение всей нашей жизни мы должны как можно чаще, по слову преподобного Серафима, исповедоваться и причащаться Святых Христовых Таин? Может быть, достаточно делать это один раз в году, как советовали до революции некоторые духовники, или даже один раз в жизни перед смертью, как преподобная Мария Египетская?

На самом деле не «один раз в году», а *хотя бы* один раз в году, чтобы совсем не отпасть от Церкви, — в этом был смысл наставлений святителя Игнатия (Брянчанинова). Но, разумеется, причащаться так, чтобы жить этим даром до следующего причастия. Кто может вместить, да вместит. Что касается преподобной Марии Египетской, для нее причащение было действительно увенчанием всего ее духовного пути — вечным пасхальным соединением с Господом. И самый главный урок ее исключительного подвига, наверное, заключается в том, чтобы напомнить нам, каким должно быть наше приготовление к великому таинству.

Вера — это не просто твердое принятие пусть даже самых высоких идей. Вера — это движение ко Христу, которое нужно без конца поддерживать и укреплять. Она далека от того, чтобы покоиться на однажды принятой истине, она — постоянное сражение. Нельзя поверить раз и навсегда, надо идти ко Христу, и до самой смерти мы не достигнем Его совершенно. Вот почему на земле нельзя просто полюбить раз и навсегда, потому что требуется еще и еще веровать, еще идти к тому, кого любишь. Мы должны всегда заново любить, чтобы любить всегда, и мы должны каждое мгновение веровать с первоначальной свежестью и вдохновением.

Бывает, что человек признает существование Бога и Христа, к Которым он не испытывает ничего,

кроме ненависти. Вера не есть явление чисто интеллектуального порядка, она — явление нравственного и сверхъестественного порядка. Будучи движением к Богу, спасающему нас, она предполагает желание спасения, начало смирения, хотя бы самую малую каплю любви к Богу. Даже те, кто имеет одинаковое религиозное знание, могут разделяться перед лицом Христа, принимать Его или отвергать Его. Слово Божие подчеркивает личный характер веры и более всего настаивает на необходимости внутреннего предрасположения к ней в нашем искании истины. Надо быть сыном света, чтобы идти к свету, принадлежать определенным образом Царству Божию, чтобы войти в него: *Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога* (Ин. 8:47).

«Любовь — это начало, середина и конец всего, — говорит Блаженный Августин. — Мы веруем в Бога, потому что любим Его». Мы веруем в Него, потому что то, что открывает Христос, дороже нам всего на свете. Любовь — самая лучшая предрасположенность к тому, чтобы уверовать. Если для того, чтобы прийти к вере, необходимо это начало, нет более надежного способа для поддержания и укрепления веры, чем возрастание в любви. Вера заключается в движении к Богу всего, что еще не утверждено у нас в Боге, — с этого начинается приобщение Богу. И чтобы укрепить его, сделать непоколебимым, единственно действенной

является любовь, которая влечет к Богу, укрепляет в Боге и дает жить Богом. Вот почему святые отцы говорят: мы уже дома, но еще в пути. Мы уже дома, когда благодатно причащаемся Святых Христовых Таин. Но христианин, поскольку он земной, еще в пути. Он укоренен в вечных глубинах началом вечного — любовью, которой он приобщился в таинстве Церкви. Он уже в Царстве, открываемом дверью Сионской горницы, через которую он продолжает всю жизнь входить. До того дня, когда открытая дверь станет ненужной, когда любовь охватит все, когда христианин будет полностью дома. Но до смертного исхода он в пути — трудном, крестном, требующем отдачи всего его до конца.

Вот почему Церковь не может рассчитывать на веру христиан, которые привычно и регулярно причащаются Христовых Таин, привычно живут вне любви, в грехе. В мире, где все противится вере, устоят в вере лишь те, чья вера утверждает-ся в любви, даруемой Господом, и в их ответной любви.

Молитва хвалы и благодарения

«Дочка, пойдй причастись, и Бог даст тебе здоровье. И брак у тебя будет счастливый, и во всех делах твоих будет помощь». Так ли это? Церковь

имеет смысл только в той мере, в какой она отличается от мира всеми богатствами, которые она призвана сообщить ему, — в приобщении Господу. Ее отличительные черты — в ее первоначальной связи по дару Христа с Отцом в Святом Духе. И эта связь, которую она имеет с Богом, создает новые отношения людей друг с другом. Христианин — это тот, кто молится, и главная его молитва, молитва хвалы и благодарения, — за Божественной литургией. Потому молиться и причащаться Святых Христовых Таин, иначе говоря, являть эту связь — не только средство для получения благодати спасения или лучшее осуществление своего призвания. Молиться и причащаться Святых Христовых Таин — значит раскрыть смысл человека в его животворящем приобщении Христу. Таково, особенно сегодня, первое призвание Церкви и каждого христианина.

Не следует противопоставлять деятельность и созерцание. Мы должны просто напомнить себе, что деятельность христианина в человеческом обществе раскрывает свое первородство только тогда, когда это деятельность человека, который молится, деятельность члена Церкви молящейся. Такое напоминание — не для того, чтобы сказать, что молитва помогает во всех делах, — это очевидно для верующего, — но чтобы сказать, что молитва придает смысл деятельности христианина. Кто так трудится ради созидания лучшего человеческого

общества, тот утверждает в своей связи с Богом во Иисусе Христе. Для него необходимо и законно, когда некоторые из его собратьев-христиан отказываются от всякой деятельности в обществе, чтобы посвятить себя исключительно выражению этой связи с Богом. Он признаёт нормальным существование людей, которые ведут жизнь, как будто не приносящую пользы обществу, но которые, трудясь для обеспечения себя в минимальных потребностях, посвящают себя молитве хвалы и благодарения, молитве, которая «ничему не служит», но вводит в мир значение дара.

Нет нужды напоминать в связи с этим все, что сказано и написано о недавних временах, когда подвергались жесточайшему преследованию, как бесполезные, священники, монахи и все верующие, а теперь, осуждая эти гонения, мир по-прежнему и в еще несравненно большей степени возводит «эффективность» в высшую ценность. Кто будет спорить с тем, что человек судится и ценится по своей полезности для общества и по своим способностям отдачи для него? Это значение «эффективности» до такой степени определяет современное сознание, что все без конца устремляются к ней, и многие люди испытывают уныние, доходящее до невроза, когда чувствуют себя бесполезными и спрашивают себя, для чего они нужны. Как если бы жизнь была нужна для чего-то! Как если бы она не имела цены сама по себе, оттого что это — жизнь

и дар Божий. Это значение «эффективности» до такой степени составляет часть современной культуры, что многие христиане ничего не знают, кроме молитвы просительной, и смотрят на Бога как на Того, Кто служит чему-то. Бог стоит в ряду того, что полезно. Как если бы Бог был природным явлением и как если бы Он служил чему-то. Еще немного, и мы будем спрашивать: для чего служит вера? Редко кто имеет дерзновение сказать: она ничему не служит, она дает полноту жизни. Причащаться Святых Христовых Таин, посвящать себя молитве хвалы и благодарения, посвящать свою жизнь бесполезному — значит сегодня свидетельствовать о человеке. Это значит утверждать, что человек не определяется пользой, выгодой, «эффективностью», но что он имеет цену, потому что он существует. Молитва хвалы и благодарения вводит человека в свободу и радость — в каком бы состоянии он ни находился. Она ведет человека к узнаванию себя как дара, и дара, незаслуженного им, она ведет его к узнаванию себя как чуда, дарованного Богом.

Об утраченной благодати

Когда касается нас благодать во время причастия Святых Христовых Таин, все меняется. Жизнь наша становится драгоценной и осмысленной.

Мы исполняем решимости ничего не пожалеть для Господа, отдать себя Ему. Мы совершенно по-новому оцениваем наши отношения с людьми, с миром и с Богом. И мы хотим всегда жить на этой глубине.

Но бывает так, что человек, однажды пережив дар благодати, лишается ее. И он говорит, что он уже ничего не чувствует в Церкви. Вне сомнения, такое может случиться с нами в какой-нибудь любимый наш праздник. Мы ждем с замиранием сердца повторения небесной радости, которую мы однажды вкусили, — и вот Бог ничего не дает нам. Мы все, наверное, это испытали, и не один раз. Но если это происходит с нами неделя за неделей, месяц за месяцем и год за годом, если то, что совершается в Церкви, оставляет нас просто холодными, тогда мы должны, как говорит святой Феофан Затворник, испугаться и задуматься, где мы находимся. Что мы ищем в жизни, куда стремимся? Открывается ли наше сердце молитвам Церкви, словам Писания, воле Божией — или они только вызывают раздражение у нас? Когда мы начинаем жить так, будто Бог не имеет большого значения для нас, — практически безбожной жизнью, — тогда, приходя в храм, мы ничего не выносим из него, мы не встречаем в нем Бога.

На самом деле Бог по-прежнему любит нас, как в дни, когда впервые открывалась нам благодать. Он по-прежнему ждет с нами встречи в храме, но Он не может одобрять тот образ жизни,

в который мы все больше погружаемся. Этой оставленностью Он зовет нас к верности и послушанию Ему — к тому, что мы должны бы всякий раз выносить из храма. Он ждет от нас покаяния.

Один человек, прошедший сталинские концлагеря, рассказывал, благодаря чему ему удалось перенести все испытания и выжить, в то время как другие просто сдавались и умирали: «Произошла полная перемена по отношению к жизни, — сказал он, — надо было научиться понимать, что важнее не то, что мы ожидаем от жизни, а то, что жизнь ожидает от нас. Вместо того чтобы спрашивать, что все эти ужасы значат, надо было отвечать на требования жизни, которые она предъявляла нам каждый день и каждый час». И таким же должно быть наше искание встречи с Богом, которую, нам кажется, мы безвозвратно потеряли. Требуется полная перемена нашего отношения к Богу.

В этом смысле важнее не то, что мы ожидаем от Бога, а то, что Бог ждет от нас. Мы должны перестать сетовать, что мы ничего не получаем от Него, а вместо этого постараться услышать, чего ждет от нас Бог каждый день и каждый час. Может быть, кто-нибудь скажет: жестоко слово сие, кто может его воспринять? Но если мы знаем, что Бог — это действительно Бог, мы должны строить наши отношения с Ним, идти к встрече с Ним так, как Он хочет, а не так, как мы хотим. Да, в нашей духовной жизни бывают дни, а иногда

недели и месяцы, а может быть, и годы, когда вера перестает быть видящей ясно и живой, какой она была, когда Бог утешал нас. И в этом нет ничего неожиданного. Быть христианином никогда не было легко. И тем более сегодня — нелегко. Все делается в мире — больше, чем когда-либо, — чтобы размыть нашу веру, притупить нашу способность восприятия Бога.

Но спросим себя: что мы делаем в эти периоды оставленности, когда Бог представляется нам далеким, почти абстракцией, и кажется, что жизнь может продолжаться также и без Него? Если мы начнем строго судить себя, то увидим, сколь часто мы были безответственны в разные моменты нашей жизни. Жили так, будто Бога нет и не было никогда у нас встречи с Ним, уступали почти без сопротивления наглому греху, заполняли свой ум и сердце пустотой — и хуже, чем пустотой, — мира, в котором мы живем. И все это вместо того, чтобы устремляться к Богу, жить той реальностью, которая открыла нам встречу с Ним, когда мы услышали, почему Он говорит о Себе: «Аз есмь Сущий» — единственный, Кто существует, а все остальное существует постольку, поскольку связано с Ним. Это и есть жизнь веры.

А если мы начинаем жить так, будто Бога не существует, то не надо удивляться, что душа наша мертва, и, стоя в храме за Божественной литургией среди ликования Церкви, мы ничего не чувствуем.

Вот почему Церковь снова призывает нас к покаянию. Встреча с Богом была дана нам, чтобы чудесно изменилась наша жизнь. А изменение жизни во Христе уготовляет для нас новые, еще более радостные встречи с Ним.

Существует опасность искать в вере прежде всего сладостные переживания. Это желание можно понять, потому что душа человеческая создана для жизни с Богом и задыхается в этом трехмерном мире. Но потому-то мы и оказались изгнанниками из рая, где благодатное приобщение Богу длилось всегда, что наши отношения с Богом, наша вера должны быть основаны на чем-то более прочном и надежном, чем наши переживания. Это есть обетования Божии, то есть истина и правда Божия, и наша жизнь по истине и правде. *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11:28), — говорит Христос. «Кто душу свою погубит ради Меня, тот спасет ее» (см.: Ин. 12:25), — обещает Он. *Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком* (Ин. 10:10) — таковы Его обетования. Если мы знаем, что слова, которые Он говорит, есть жизнь вечная, если мы по ним будем жить, наша надежда на благодатную встречу с Господом будет основана на Его непреложных обетованиях. Как можем мы вступить в покой этой встречи, если не возьмем на себя иго Его? Как уготовим душу свою для радости всегда видеть Господа,

если не отвергнемся себя? Как узнаем жизнь с избытком, которую Он обещает нам дать, если не будем отдавать Ему нашу земную жизнь? Это невозможно. И потому нет другого пути, кроме пути покаяния. Что пользы встретить однажды Христа, вкусить благодать и потом только просить о ней? *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего* (Мф. 7:21), — говорит Христос.

Верую и покаянием, послушанием Богу во всем Царство Небесное — мир, радость, прощение грехов — снова и снова будет дано однажды вкусившим его. Жизнь на земле не должна быть пустой, унылой и мертвой. Она должна быть путем к встрече со Христом, непрерывным предпраздником вечного приобщения Господу и Божией Матери и всем святым. Но все это дается, когда мы принимаем этот дар так, как Господь предлагает нам, а не так, как мы хотим получить.

Обыденная трапеза и Евхаристия

Святые — это те, кто уже всегда в присутствии Божиим. А мы еще на пути к небу и очень нуждаемся в милосердии Господа. Мы знаем, как оно велико, Он являет его нам изо дня в день во всей нашей жизни. Самое главное для нас — всегда

помнить о небе и о благодати, которую мы получили от Господа, особенно во времена искушений и уныния, ныне переживаемых нами. Святые — великое множество наших друзей — могут помочь нам не только потому, что свет их примера сияет перед нами и дает нам возможность лучше увидеть, что мы должны делать в новых исторических условиях. Но и потому, что они заступаются за нас своими сильными и мудрыми молитвами, в то время как наши молитвы столь часто слабы и слепы. «О, блаженные души, — взываем мы к ним сегодня, — вы, которые так оценили Христово сокровище и купили на него своей жизнью и смертью вечное наследство, скажите нам, как вы достигли этого, будучи такими же обыкновенными людьми, как и все мы?» И среди многих чудесных ответов, которые мы можем найти в их писаниях и житиях, есть один — очень важный.

Мы неоднократно читаем о том, как во время обычной трапезы кто-то сподоблялся благодатного Божия посещения. Совсем не случайно, являясь Своим ученикам по Воскресении, Христос совершал иногда таинство «преломления Хлеба» — Евхаристию, а иногда разделял с ними обычную трапезу. Но и в том и в другом случае ученикам открывался Господь. Я помню, мой дедушка говорил: «Стол — это Божия ладонь». И наша молитва о хлебе насущном соединяет прошение об обычном хлебе и о небесном, евхаристическом.

Мы говорим об этом, потому что эта тайна дает нам возможность увидеть, что у жизни всегда есть священная сторона. Мы очень сильно ошибаемся, когда отделяем священное от жизни. Наш Господь взял хлеб и вино, то есть то, что составляет самую обычную трапезу, — самую обыденную, самую каждодневную, самую бедную. Именно для того, чтобы могли увидеть священное в жизни самой бедной, самой обыденной и самой обыкновенной. Мы восприняли эти знамения, мы поставили их на недостижимую высоту. И это так и должно быть, потому что на самом деле таинство Евхаристии превосходит все, что мы можем помыслить. У нас в алтаре никто, кроме посвященных, не может прикоснуться к престолу, на котором приносится Бескровная Жертва. Только в Православной Церкви хранится свято этот древний обычай — еще одно свидетельство, что только в ней полнота истины. Именно благодаря этой высоте таинства может освящаться все самое обыденное в жизни. Но беда заключается в том, что часто мы неправильно понимаем эту недостижимость и неприкосновенность. Мы можем думать, что существует мир сакральный и профанный, священный и обыденный. И что обыденное — враг священному. Но в христианстве нет места для мира профанного, потому что весь мир сотворен Богом, весь мир создан для Царства Божия. Мы всюду с Господом, едим ли, пьем ли, как точно обозначил это апостол

Павел (см.: 1 Кор. 8:8), — все должно совершаться во славу Божию.

Мы постоянно напоминаем, что сегодня как никогда для христиан существуют две опасности. Чтобы избежать их, мы должны помнить, что *мир лежит во зле* (1 Ин. 5:19), и не забывать, что этот мир сотворен Богом. Одна опасность — раствориться в лежащем во зле мире, другая — ожесточиться против него. Чтобы идти путем святости, мы должны, во-первых, из всех сил противостоять злу и, во-вторых, учиться жить в Божьем мире. Именно это мы должны различать и отделять в жизни, а не священное и обыденное. Мир, в котором мы живем, — Божий. И потому все в нем, кроме греха, может и должно быть путем к Богу. Для того и существуют таинства, и столь свято они нами хранятся, чтобы, приобщаясь им, мы могли освящать все обыденное. Эти таинства запечатлены земной жизнью и исполнены жизнью Божественной — именно для того, чтобы все соединить. Это вопрос первостепенной важности, потому что от понимания его зависит вся наша христианская святость.

Различным было служение, которое совершали наши святые, — святители, преподобные, князья, юродивые, мученики, — и в этом заключен особый смысл. Для Бога каждый из нас — единственный. Каждый из нас идет к Богу своим личным путем. И в то же время несет в себе других

и принимает в своей единственности и неповторимости их молитвы, их страдания, их ожидания и надежды — в конце концов, то, что происходит со всем нашим народом и со всем миром. Вы помните замечательное слово воспитателя царских детей Пьера Жильяра о царе-мученике: «Государь умер не только за Россию, но за все человечество». Потому для нас должно быть совершенно ясно, что христианская святость — это не только святость людей, посвятивших себя всецело во внешней деятельности служению Богу, — монахов, священников, богословов, — хотя она исключительно драгоценна, если это служение искренне и глубоко. Христианская святость столь же многообразна, сколь многообразны человеческие души — то бесчисленное множество крещеных людей, которые составляют Тело Христово — Церковь.

Потому призыв к святости обращен к каждому из нас, где бы мы ни были, каким бы земным делом ни занимались, какие бы ни были у нас дарования, характеры и вкусы. Я помню, один почтенный батюшка говорил, что может совершаться колоссальной важности событие в жесте подметальщика улиц, труд которого сам по себе не является чем-то славным и великим. И в этой работе он может быть не просто полезным для многих, но обретать благодать для себя и для всех людей — для всего мира, — если движение метлы он совершает с мыслью о единстве всех в служении друг

другу. И соединяет свою работу с работой Плотника из Назарета, Который зарабатывал Свой хлеб как все — трудом Своих рук. Святые напоминают нам, что у нас не должно быть чувства, что мы — вне, что есть избранники Божии — те, кто вошел в совершенно особые отношения с Богом, которых не может быть у нас. Мы не должны думать, что будем обязательно исключены из этой святости, даже той, которая явлена в самой высшей степени, как бы ни были мы грешны. Для того-то из года в год, из поста в пост и на каждый день — до последнего дня нашей жизни — Святая Церковь в лице Господа, Божией Матери и всех святых не перестает напоминать нам о покаянии. У многих из тех, кто созерцает сейчас лицо Божие, были заблуждения и грехи, и может быть, тяжкие грехи. Но они знали великое чудо исповеди, они каялись и, споткнувшись, начинали все сначала. Они не были всегда святыми. Напротив, были убеждены, что более, чем кто-либо, нуждаются в милосердии Божиим. Их жизнь оказалась исполненной добрых плодов, потому что они много возлюбили и научились жертвовать всем ради Христа.

Святость — для всех, как хлеб — для всех, как Христос — в каждом из нас и одновременно во всех. Мы должны попытаться освятить нашу жизнь, увидеть ее всю как Божественную реальность, чтобы жить с чувством обновления, вдохновения и любви, — занимаясь своим делом, работой наших

рук, — в устремленности нашего духа ко Господу. И если мы будем верны тому, что заповедано нам, не должно быть сомнений, что мы войдем в замысел Божий о нас и станем причастниками той жизни, которая и есть святость. Потому что святость для христианина заключается в том, чтобы просто дать Христу жить в нас, по чудесному слову апостола Павла: *для меня жизнь — Христос* (Флп. 1:21). Дела любви — тоже молитва. Надо, чтобы все наши дела стали делами любви. Потому что могут быть дела без любви и молитва без любви. *Если... любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий* (1 Кор. 13:1). Те, кто достиг неба, не походили друг на друга. Их пути были различными, но у всех была в этой земной жизни одна отличительная черта — они являли любовь к Богу и к тем, кто их окружает. Все делается святым — в любви. Все дороги ведут ко Христу, когда они открыты любви, потому что есть только одно совершенство в Церкви Христовой, одно для всех, — отдача себя, и в этой отдаче себя — отдача всего, что у нас есть. Ибо что бы мы ни делали, мы — Господни. И Он хочет возвести всех на одну Божественную гору — преображения и любви. *Заповедь новую даю вам, — говорит Господь, — да любите друг друга, как Я возлюбил вас... По тому узнают все, что вы Мои ученики, — и не по чему другому! — если вы будете любить друг друга, как Я возлюбил вас* (ср.: Ин. 13:34–35).

Не существует другого пути спасения

В Евангелии об исцелении кровоточивой и воскрешении дочери Иаира (см.: Мк. 5:22–43) мы видим две, как говорят теперь, экстремальных ситуации, которые близки к тому, что мы переживаем в нашей России. В той и другой Господь дает Свою благодать и избавление — в каждой по-своему. В первой речь идет об умирающей двенадцатилетней девочке. Вот она уже мертва, и ее отец перестает просить Спасителя об исцелении. Во второй — женщина, страдающая течением крови уже двенадцать лет. Она хочет исцелиться. Вера ее так сильна, что она пренебрегает запретами закона, — согласно Моисееву закону, она была нечистой. Преодолевая все преграды, тайно, чтобы не компрометировать Христа перед людьми, прикасается она к краю Его одежды.

Кого из этих людей напоминаем мы в наших нынешних экстремальных ситуациях? Эту женщину, которая проявляет такую необыкновенную настойчивость в желании прикоснуться ко Господу? Или этого человека, который уже ни на чем не настаивает, потому что его обращение ко Христу оказалось напрасным? В то время как Христос ради его дочери и ради него будет сражаться со смертью до победного конца. Для большинства из нас, вероятно, ближе первая ситуация. Потому что, подобно кровоточивой женщине, в исцелении

нуждается — невозможно сказать «наша Церковь», но то, что мы из нее делаем. Жизненно необходимо, чтобы Церковь, которую мы составляем, искала прикоснуться к своему единственному Господу, к своему единственному Спасителю. Церковь Божия, оттого что она есть дар Бога, начиная от Пречистой Девы Марии, — дева, *не имеющая пятна, или порока, или чего-либо подобного* (Еф. 5:27). Она не связана союзом ни с какой властью этого мира. Если она это делает, последствия для нее бывают очень плохими. Среди молитв перед причащением есть такие слова: «Приими мя, приходяща и прикасающася Тебе, яко блудницу и кровоточивую: ова убо края ризы Твоея коснувшись, удобь исцеление прият, ова же пречистеи Твои нозе удержавши, разрешение грехов понесе. Аз же, окаянный, все Твое Тело дерзая восприяти, да не опален буду».

Мы — эта Церковь, все, каждый из нас, со своим служением и на своем месте. Мы должны исполняться решимости никого не искать, кроме Господа, и желать с предельной настойчивостью прикоснуться к Нему. Как говорит апостол, наша жизнь хранима силой Христа, *возлюбившего нас и предавшего Себя за нас* (ср.: Гал. 2:20). Потому и может сила исходить из живого Тела Христова, которым должна быть реально Церковь для каждого из нас. Этому Телу живому сообщает *жизнь с избытком* благодать Начальника жизни.

Но это предполагает призвание нашей Церкви к новому просвещению людей, вере не наученных или от веры отворачившихся. И мы сами прежде всего должны обновиться. Это означает, что мы и те, кого мы хотим просветить, должны питаться словом Божиим, вместо того чтобы по привычке изо дня в день питаться продуктами средств массовой информации, какими бы они ни были, отравляясь ими, наполняясь духом мира сего, а не Духом Божиим. Дух Божий, и только Он, может дать нам увидеть все наши ситуации, как видит их Отец наш Небесный, как Христос видит их. От того, как мы слушаем Слово Божие, зависит наша молитва и покаяние. Как мы каемся в таинстве Исповеди, говорят святые отцы, так причащаемся мы и Святых Христовых Таин. Возможно ли быть христианином, не приобщаясь евангельскому видению? Как приобщаться Святых Христовых Таин без этого видения? Глядя взором истины, но также и любви на все, что происходит, на все, что касается нас, мы можем начать восходить к тому, что в полноте открывает нам Причастие. Учитесь истинно относиться к другим, любить их Христовой любовью. Любить тех, кто смотрит на все по-другому, кто противоречит нам, тех, кто делает нам злое, думая, что делает доброе, потому что такими, несмотря на все наши немощи и грехи, Бог любит нас. Он любит нас, чтобы мы познали истину, увидели причину всех наших неисчислимых

бед и принесли Ему подлинное покаяние, чтобы мы любили Его, чтобы мы любили всех, кто хочет быть с Ним, безгранично — по дару любви, которую Он дает нам. Тогда с нами произойдет то, что произошло с отцом умершей девочки, когда Христос возвратил ей жизнь.

В нашей стране семьдесят или восемьдесят процентов крещеных, и большинство из них далеки от Церкви. Но Церковь для всех них — Мать. Она по-матерински относится ко всем своим детям, не различая добрых и злых. Все — дети Божии, в том числе и те, кто «не двора сего», все призваны войти в Церковь Христову. И евангельская двенадцатилетняя отроковица — это, может быть, дочь нашей Церкви в России, как бы умершая. Как она, кто-то из русских детей только что умер, великое множество различного возраста наших соотечественников умерли. Некоторые убиты, другие покончили жизнь самоубийством. Но там, где Бог, ничто не потеряно. Они принадлежат Церкви, которой дан Дух Святой, жизни Податель. Господь дает нашей Церкви жизнь, прикасаясь к ней. Он берет ее, как умершую отроковицу, за руку, и это подобно тому, как, сойдя во ад, Он выводит человечество из смерти. Мы знаем это изображение на наших иконах. Если бы мы научились во Христе Иисусе, Господе нашем, брать друг друга за руку, Он через нас передал бы сегодня многим умершим силу Духа истины, исцеляющую сердца.

Не существует другого пути спасения людей от всех болезней и смерти.

Евхаристия и некрещенные

Накануне Недели о Страшном Суде Церковь, прежде чем участь наших близких определится на вечные времена, приносит свое ходатайство за всех. Церковь возвещает о том, что Бог хочет всех спасти. Это самое главное в евангельском благоговении. Бог наш, говорит апостол Павел, *Спаситель всех человеков, а наипаче верных* (1 Тим. 4:10). Бог не создал человека для смерти. Бог — Податель жизни, и жизни истинной и совершенной. Для того чтобы ясно показать Свою волю о спасении всех, Он послал Сына Своего Единородного. Зримо явлено было это желание Бога о спасении всех. Господь наш Иисус Христос жизнь Свою на Кресте отдал ради спасения всех людей. Крест Христов, который будет предвещать Его Второе Пришествие явлением на небе, да будет всегда напоминанием нам о том, что оно — не наказание, а прежде всего спасение, что от Креста Христова исходит жизнь, блаженство, вечное избавление от греха и смерти. *Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе* (Ин. 12:32), — говорит Господь о тайне Своего Креста. Когда Он будет возведен на Крест, когда жизнь

Свою отдаст за спасение мира, Он всех людей привлечет к Себе. Не некоторых только, а всех людей. Это великое Божественное откровение — главное исповедание нашей веры, к которому мы должны постоянно возвращаться. Христос пришел спасти не праведников, а грешников. Тех, кто погибает в грехах, кто не имеет никакой надежды на спасение, кроме как на Господа. Поэтому слово Божие напоминает нам *совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех людей* (ср.: 1 Тим. 2:1). Снова звучит это слово: «за всех людей». Ни один человек не может быть исключен из любви Христовой, из тайны Креста, на котором Он обнимает весь род человеческий.

Но возникает вопрос: почему же Церковь в Духе Святом непреложно установила, что за Божественной литургией, там, где совершается самое главное, победоносное ходатайство за души наших умерших, мы можем вынимать частицы только за крещеных, и крещеных в вере православной? Ответ на этот вопрос дает нам Синаксарь Недели о Страшном Суде, где рассказывается о видении преподобного Макария Великого, когда он размышлял о судьбах всех людей, о том, что каждый человек создан по образу Божию и призван ко спасению. В пустыне он увидел череп некоего языческого жреца и молитвой своей, Духом Божиим вызвал душу умершего человека и спросил, где тот сейчас пребывает. Прозвучал ответ:

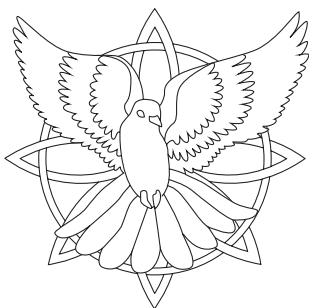
«Мы находимся в несветимой страшной тьме». — «Бывает ли у вас какое-то облегчение?» — спросил его преподобный. «Да, — ответил он, — когда вы совершаете Божественную литургию, принося Бескровную Жертву, мы начинаем немного видеть друг друга». Это говорит языческий жрец — тот, который служил не просто лжи, а темным силам в течение всей своей жизни. Но благодаря тому, что в Церкви Христовой совершается Божественная литургия, где вынимаются частицы за крещеных усопших и соединяются с Кровью Христовой, одновременно происходит ходатайство за всех людей. Вот ответ на нашу печаль о тех, кто, может быть, не сподобился крещения, кто жил неизвестно как, не задумываясь о том, что такое жизнь и что такое смерть.

Святой Ириней Лионский говорит, что наше учение согласно с Евхаристией и Евхаристия в свою очередь подтверждает наше учение. Или, как рассказывал один простой старый священник, что в молодости ему было видение огромного числа верующих, идущих к Чаше с пением: «Тело Христово приимите, учения чуждаго не приимите». Это значит, что если мы хотим помочь умершим некрещеным людям, то должны все сделать, чтобы сохранить в чистоте истину исповедания нашей веры. Потому что где нет чистоты исповедания веры православной, там не может совершаться подлинная Евхаристия. Там не может

совершаться спасение и наших близких православных людей, не может быть ходатайства за тех, кто не знал истинного Бога. Между прочим, бывший языческий жрец сказал преподобному Макарию, что в несравненно более горших муках находятся те, кто был благодатствован Господом, а потом жизнью своей пограл правду Христову.

Кровь Христова говорит больше, чем все наши молитвы. Мы знаем свидетельство об этом святителя Феодосия Черниговского. Когда накануне его прославления благочестивый архимандрит облачал тело святого, тот явился ему. Старец в ужасе пал ниц перед святым и сказал: «Что еще я могу для тебя сделать?» Тот ответил: «Поминай на проскомидии, это больше молитв святых». Это больше, чем все молитвы Церкви. В день Вселенской родительской субботы мы все приходим на Божественную литургию. Дай Бог, чтобы мы пришли все помолиться за тех, кто дорог нам, о ком мы печалимся, с памятью о том, какое великое событие — поистине всемирного спасения — совершается за Божественной Евхаристией. С обещанием Господу хранить верность Ему и Церкви Его Святой во всех тайнах нашей веры. Ради нашего собственного спасения, ради спасения наших близких, ради спасения всех.

КАК ГОТОВИТЬСЯ К ПРИЧАСТИЮ

«Не хотите ли и вы отойти?»

С самого начала христианства Евхаристия была откровением, которое каждому дало возможность определить себя. Многие ученики, как сказано в Евангелии от Иоанна, когда Христос говорил им об этой тайне, отошли от Него, — это было слишком непосильно для них. Двенадцать влеклись к истине, и они стремились преодолеть свои колебания молитвой. Но во все времена откровение Христово о Евхаристии было преткновением в подлинной вере. Оно остается таковым и донныне для каждого приходящего в Церковь. Можно так перефразировать древнее изречение: «Скажи мне, как ты веришь в Причастие, и я скажу, какова твоя вера».

Как мы предстоим перед этой превосходящей всякое разумение тайной? Не уподобляемся ли мы порой неким ученым мужам, отвергающим тайну, которую наука не может объяснить? Тем, кто, реалистично и критически, как им кажется, анализируя доступное их естественному разуму, полагают, что такое просто невозможно? Прежде всего, они недооценивают тайну видимого мира и забывают, что самая простая реальность жизни — хлеб, вино, вода — могут быть незримыми символами и свидетельствовать о реальном присутствии Творца.

Мы знаем, что в Западной Церкви, особенно после Второго Ватиканского Собора, появилось много «богословов», которые не видят в хлебе и вине литургии ничего, кроме простого воспоминания о Тайной Вечере. Как внимательна и бескомпромиссна должна быть наша Церковь в хранении чистоты православия! Понимаем ли мы, что отступничество от истины веры начинается с равнодушия и теплохладности, когда стоящие в храме не сознают ни с чем не сравнимую реальность евхаристической Трапезы? Или мы из тех, кто столь строги в испытании себя перед Чашей Христовой, что считают себя недостойными к ней приблизиться, потому что не верят в непоколебимость любви Божией, идущей впереди этого дара? Не говорите, что вы недостойны причащения. Это правда, вы недостойны его. Есть древние каноны, ставящие в известном смысле предел этому

недостойнству: неверие или поправление основополагающих заповедей Божиих. Например, за блуд, за убийство во чреве полагается лишение причастия на весьма продолжительное время. Но по нашим временам допустимо сокращение продолжительности этих сроков, которое должно быть восполнено глубиной покаяния.

Не подходим ли мы к Христовой Чаше по привычке, рассеянно, забывая, что принимаем Божественную Любовь, реально предлагающую нам всю Себя, как на Кресте?

Не говорите, что Церковь наша безблагодатна, оттого что в ней есть те, кто препятствует действию благодати. Горе нам, если мы теряем самые драгоценные минуты общения со Христом! Принадлежим ли мы к тем двенадцати, к той Церкви, которая имеет единую, неповрежденную ничем веру во Христа: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную* (Ин. 6:54)? Как может называться христианином тот, кто не причащается Святых Христовых Таин и не сознает глубоко необходимости соединиться со Христом?

Будем с радостью и восхищением вспоминать о первых христианах, которые, просвещаемые Духом Святым, приближались к евхаристической Трапезе. Им было невыносимо лишение причастия — как лишение вечной жизни. Они не могли дождаться часа благодатного причащения, потому что знали, что пищи вчерашнего дня недостаточно

для сегодняшнего. «Хорошо христианину причащаться каждый день, — говорит святитель Василий Великий, — впрочем, мы причащаемся четыре раза в неделю». В этом мера и рассудительность. «Пища должна быть усвоена», — говорит святитель Иннокентий Московский. Мы помним о чудесном евхаристическом служении святого праведного Иоанна Кронштадтского и святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского. А отец Иоанн (Крестьянкин) советовал ревностным христианам причащаться раз в две-три недели. Для наших святых вопрос причастия — вопрос жизни и смерти, вопрос серьезного духовного возрастания. Говорят, что преподобная Мария Египетская после того, как она ушла в пустыню на многие годы, причастилась только один раз — перед смертью. Да, но какая была подготовка к этому причастию! Потому оно и было ее вечным соединением с Богом, обожением.

Те, кто причащаются один раз в году, рискуют заболеть духовной анемией или духовно умереть. Но мы всегда должны помнить и предупреждение апостола Павла тем, кто, не рассуждая, приступают к Чаше: *Оттого, — говорит он, — многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11:30).

Мы говорим: святой — значит любящий. Но своей любовью ко Господу и к людям святые обязаны Евхаристии. У Христа в Его Евхаристии

эта любовь. Не для того, чтобы храниться в золоченых дарохранильницах, Христос сходит каждый день с небес, но для того, чтобы найти другое небо, которое Ему бесконечно дороже первого, — небо нашей души, созданной по образу Его, живой храм поклоняемой Троицы. И тем более не для того, чтобы остаться в дарохранильнице сердца, но для того, чтобы соединить все сердца, принятые в Его Тело, которое есть Церковь. «Этой жертвой (любви) они цементируют свое единство», — говорили язычники о христианах первых веков. Поистине, они не ведали, что говорили! Церковь дает нам Хлеб Евхаристии, и этот Хлеб Божественный созидает Церковь.

Причащение невозможно без покаяния

Все таинства Церкви святы, потому что они открывают нам общение с Богом. Все — если мы с должным расположением участвуем в них — сообщают нам Его святость. Однако таинство Евхаристии занимает среди них особое место, потому что Евхаристия выражает завершение всей истории спасения. Бог сотворил человека. Человек отвернулся от Бога. В своей непостижимой любви Бог решает спасти его. Ради этого Сын Божий стал человеком. Это дает возможность человечеству во Христе

победоносно преодолеть смерть и воссесть одесную Отца. То, что было дано по человечеству Господу, Бог предлагает каждому человеку. Евхаристия выражает осуществление этого обещания: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6:56).

Воскресший Христос зовет всякого человека принять Его жизнь, и Церковь свидетельствует об этом. Вследствие этого исключительного зова христиане ответственны за всю землю. Приобщаясь Святых Таин, мы становимся голосом Христа, обращенным ко всем людям. Мы — Тело Христова, которое доныне страдает и которое умирает, чтобы воскреснуть. Можно сказать, что все другие таинства уготовляют Евхаристию в самые главные моменты нашей жизни, начиная с крещения, открывающего нам дверь в здание Церкви.

Как величественна и непостижима тайна Крови Христовой! Мы знаем, что Своей Кровью *изливаемой* Христос осуществляет то, что прообразовали древние ветхозаветные жертвы, и прежде всего показывает значение пасхального агнца. При исходе из Египта Моисей повелел своему народу закалать агнца и помазать косяки дверей его кровью. Когда Ангел Божий придет наказать Египет за отказ дать освобождение сынам Израилевым, он увидит двери, отмеченные кровью, и не накажет живущих в этом доме. Кровь агнца уже означала защиту Божию и спасение от гибели.

Но кровь животных имела ограниченное действие, и Послание к Евреям ясно говорит об этом. Самое большее, что она могла дать, — это внешнюю чистоту. Но Христос приходит, совершая очищение сердец, обожествление человека. Вот почему Он говорит: «Это Я — Аз есмь Сущий». Христос бесконечно превосходит все ветхозаветные обряды. Он упраздняет их. Он не хочет, чтобы продолжалось жертвенное приношение животных, хотя оно и имело значение в перспективе истинного спасения людей. Ибо только любовь может спасти. Вот почему Он запрещает всякий путь насилия.

Христос — истинный Священник — не принесет ни одной подобной жертвы. Он раскроет истинный смысл всякого насилия и крови изливаемой. Не Бог требует этого, не Богу это нужно, как если бы Он мог удовлетвориться кровью. Отныне *кровь изливаемая* — раскрытие зла людей, их греха.

Не Бог повелел, чтобы Иисус Христос был возведен на Крест. Это люди предают Его такой страшной казни. Бог восхотел только одного — Воплощения Сына Единородного в человеческой жизни. Бог восхотел, чтобы Его Слово было произнесено в человеческих обстоятельствах, заранее принимая все последствия так произнесенного слова. Ибо это Слово было отвергнуто, отринуто человеческой злобой и коварством — обвинением в богохульстве, осуждением, распятием.

Кровь Христова изливаемая — это наш отказ от Слова Божия. Вот, говорит нам *Кровь Христова изливаемая*, к чему приводит ваш отказ от Бога. *Итак покайтесь* (Деян. 3:19), — возвещает людям апостол Петр, первый из покаявшихся. Вот почему невозможно причащение без покаяния. Бог готов простить проливаемую Кровь.

Когда Христос возвестил, что следует прощать своих врагов, Он только перевел на человеческий язык то, что Бог постоянно совершает по отношению к этому человечеству, способному пролить Кровь Сына Божия. Кровь Христова — знамение и источник истинной жертвы. Этой жертвой Бог делает освященным, делает божественным всякого человека, дерзающего смотреть на *Кровь изливаемую* и узнавать в ней знамение и источник самой великой Любви.

Об исповеди перед Святым Причащением

Исповедуясь перед Святым Причащением, мы сознаем грехи, которые совершили. И самое главное, начинаем сознавать ту глубину греха в нас, о которой говорит апостол Павел, когда *доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю* (Рим. 7:19). Одно дело — сознавать грехи, которые мы совершили, они как будто очевидны,

и другое дело — сознавать грех, живущий в нас. Можно осознать, что ты совершил зло по отношению к кому-то, что у тебя много грехов, не сознавая по-настоящему, что такое грех. Я знаю человека, который с легкостью признавал свои грехи, но прошли годы, прежде чем он смог понять, какой ужасной жизнью он живет. Кто из нас не узнаёт в этом человеке самого себя?

Апостол Петр видел Христа, слышал Его проповедь в синагоге, принимал Его в своем доме, где Он исцелил его тещу, но не признавал, насколько он грешен, пока Христос не остановился однажды на берегу озера, вошел в его лодку, чтобы проповедовать народу, стоящему на берегу. Мы помним из Евангелия, как, окончив проповедь, Христос сказал Петру: *Отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова* (Лк. 5:4). По слову Его Петр, который трудился всю ночь и ничего не поймал, забросил сеть. Когда он вытащил сеть, разрывающуюся от множества рыб, какова была его реакция — радость, благодарность? Нет, в то время как его товарищи извлекали рыбу, он упал на колени перед Господом и сказал: *Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный* (ст. 8). Разве он не знал до этого, что у него есть грехи, что он человек грешный? Разумеется, знал. Но теперь он внезапно увидел, как глубок в нем грех, что падение Адамово — его падение. Когда Петр встретил Христа как Бога, единого, благого, он узнал зло, которое в нем живет.

О покаянии на такой глубине говорит нам Святая Церковь. Церковь предлагает нам образ покаяния, но само покаяние дается ищущим истинной жизни по благодати Духа Святого. В Евангелии от Иоанна есть таинственные, трудные для понимания многих слова. Спаситель говорит: «Дух Святой, когда Он придет, обличит вас о грехе» (см.: Ин. 16:8). Что это значит? Это значит, что только в свете Духа Святого может раскрыться вся тьма грехов. Когда Дух Святой приходит к нам, внезапно становится понятен смысл того, что мы много раз уже слышали: «В бездне греховней валяйся, неизследную милосердия Твоего призываю бездну». Мы на самом деле тогда признаём себя грешниками.

Признать себя грешником есть начало вхождения в общение с Богом; не признать себя грешником, не видеть греха там, где присутствует грех, есть отделение от Бога, знак того, что мы еще не встретили Христа. Мы знаем пророчество Исаии: *Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом* (Ис. 5:20). Мы не будем сейчас говорить об этом исключительном грехе последних времен, о том, что всё вокруг нас: на телеэкранах, в газетах, уличной рекламе — напоминает непрестанно о диавольском перевороте ценностей в мире. Горе им, говорит Дух Святой, *но время начаться суду с дома Божия* (1 Пет. 4:17). Мы говорим сейчас прежде всего о нашем личном покаянии, о том

покаянии, от которого зависит не только наша судьба, но судьба всего мира, о том, что наш Бог — Бог кающихся, Бог прощения, но не оставляющий без наказания, потому что Он также Бог правды. Его слово зовет нас постоянно и непрерывно возвратиться к Нему.

Бог наш человеколюбивый и многомилостивый, всегда готовый простить нас, но Его прощение проходит через наше покаяние. Он не может, Его правда не позволяет Ему простить нас там, где нет покаяния. Покаяться — значит войти в замысел Божий о нас, принять суд Божий над нами, принять суд Божий над миром и над всеми людьми, когда Он противоположен нашему собственному суду. Покаяться — значит глубоко страдать оттого, что нет в нашей жизни Бога, потому что отделяет нас от Бога грех. Покаяться — это значит увидеть грех таким, каков он есть. Но этого недостаточно.

Одно из имен сатаны — обвинитель. На мытарствах и на Последнем Суде он будет немилосердным истязателем, который как будто будет говорить то, что было у нас на самом деле плохого, но с одной целью — поставить на нас печать принадлежности злу, что мы ему, диаволу, принадлежим. Христианин — это тот, кто имеет доверие к любви Божией, тот, кто хочет быть с Богом и через покаяние, по дару Христа, становится человеком Божиим. Вот о каком покаянии возвещает Церковь. Как говорит апостол Петр в своей первой

проповеди после Пятидесятницы, после рождения Церкви: «Покайтесь, и получите дар Святого Духа» (см.: Деян. 3:19). Прощение нельзя заслужить, оно — дар свыше, дар, всегда предлагаемый нам, и все заключается в том, чтобы мы подлинным покаянием сумели его принять.

Вся Церковь в день причащения, как свидетельствует святитель Феофан Затворник, облачается в белые одежды Христовой победы. Принадлежим ли мы этой Церкви? «Примири и соедини его Святей Твоей Церкви о Христе Иисусе, Господе нашем», — будет читать священник, предвзяв разрешительную молитву на исповеди. Наше покаяние завершается принятием таинства прощения грехов и таинства Евхаристии. В обоих таинствах всем, кто истинно покался, будет дан дар Святого Духа — благодатного соединения со Христом. Покаяние — второе Крещение, то есть обещание Богу доброй совести, которая спасает нас Воскресением Христовым, Пасхой Господней, присутствующей среди грешников кающихся.

Во оставление грехов

Мы причащаемся Пречистого Тела и Крови Христовых — во оставление грехов. И снова согрешаем. Даже если нам дано было благодатно

причаститься. Что же такое грех? *Всякий согрешающий*, — говорит апостол Иоанн Богослов, — *не видел, не познал Христа* (ср.: 1 Ин. 3:6). Что же тогда значит наше причащение? Оно выявляет, что грех связан с сокровенностью жизни Христовой как личная неверность Ему. Всякий грех идет против веры во Христа. Он есть невнимание ко Христу, глухота к Нему, вытеснение Его на второстепенное место.

Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога (1 Ин. 3:9). Эти слова апостола относятся в полной мере к тайне причащения и выражают то, что является нормальной логикой жизни во Христе, той жизни, которая есть рост Божественного семени — Святого Духа, благодати, просвещения небесным светом нашего самосознания, приемлющего весь человеческий путь в целом и в каждой его части верою во Христа. Грех — это жизненная несовместимость с тем, что относится к Богу. Быть чадом Божиим, следовать за Святым Господом Иисусом Христом, любить всех, за кого Он умер, — это все вступает в абсолютное противоречие с грехом. Грех противостоит не только закону, даже если он и Божественный. И не только идеалу, пусть он будет самый величественный. Надо помнить, что Бог Свят, Христос Свят, что христианин призван быть святым, как Бог, следуя

за своим Господом Иисусом Христом, чтобы понять подлинную реальность греха.

Когда я грешу, я отвергаю свою запечатленность Духом Святым и внутренний закон следования за Христом, который должен заполнить все мое существование. Я иду против самого себя, против своего Божественного призвания, против всемирного замысла Божия, в который Господь хочет включить всю мою жизнь. Может быть, когда-то я соблюдал заповеди как отрок, по слову апостола, может быть, потом я следовал сокровенным зовам как юноша. Но это было лишь частичным выражением моего христианского призвания. Оно не перестает налагать на меня все большие требования, охватывающие все подробности моего существования. Кто не узнал бесконечной устремленности к вхождению в тайну соответствия нашей жизни со Христом, тот не может понять природу и глубину греха. «Вы есть свет в Господе, — говорит нам Святая Церковь, — ходите в свете» (ср.: Мф. 5:14; Еф. 5:8; Ин. 12:35). *Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы* (Еф. 5:10–11). В той мере, в какой мы на самом деле устремляемся к святости, заповеданной нам Богом, познаём мы подлинный смысл греха. *Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил* (1 Ин. 3:8). Нет ничего страшнее греха, и никакими нашими подвигами не сможем мы победить диавола, который одним коготком, по

слову преподобного Серафима, мог бы перевернуть весь мир, если бы попустил Господь.

Что же нам делать? Каждый день устами священников Христос возглашает во всех храмах: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов» и «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов». Эту тайну нашего спасения многими падениями и восстаниями мы должны воспринять до конца, чтобы совершенным покаянием и совершенной любовью ответить Тому, Кто на Тайной Вечере прежде Пасхи явил, что возлюбил сущих с Ним до конца.

«Первое примирился ты опечалившим»

Эти слова, поставленные перед молитвами ко Причащению, напоминают нам, что, не примирившись с другими, мы не только не имеем права причащаться, но даже произносить молитвы Церкви о даре Евхаристии. Потому что речь идет о приобщении Христовой любви. Любовь — это великая заповедь, *заповедь новая*, поистине единственная. Прощать, просить прощения — в этом сущность любви. Прощение — условие наших подлинных отношений с Богом. Прощать — значит участвовать в деле Христа Спасителя.

Всякий раз, когда мы прощаем, мы свидетельствуем, что любовь Божия, явленная во Христе, сильнее зла. Всякий раз, когда мы не прощаем, мы утверждаем, что насилие, зло и смерть сильнее любви Божией, явленной во Христе Иисусе. Прощение свидетельствует о реальности Воскресения. Оно утверждает, что любовь Христова может преобразить смертельные раны в раны, открывающие жизнь. Прощение есть исповедание веры. Не формулируя ее, преподобномученица великая княгиня Елизавета сказала убийце своего супруга, великого князя Сергея Александровича: «Мы — христиане, мы простили». Потому что бескомпромиссной верностью правде Христовой достигла высоты Креста.

Всякий раз, когда прощают, когда испрашивают прощения и когда принимают прощение, исповедуют, что любовь Христова может преобразить путь смерти в пути жизни. Прощение есть свидетельство и живая проповедь благовестия мира. Оно есть возвешение Евангелия. Оно есть сила, распространяющая Христов мир вокруг нас.

Кто не прощает, роет сразу две могилы — себе и другому. Вот Закон, говорит слово Божие, и этот Закон есть жизнь. И вот отказ от него — и это есть смерть. Сделай выбор! Это касается в полной мере прощения. Здесь выбор жизни или смерти, свободы или рабства. Выбор исходит от нас. А речь идет о Боге. О Самом Боге. Рана, нанесенная нам, и наше прощение могут стать покаянием,

возрастанием в любви, в общении с Богом, началом духовной жизни для нас и для другого.

Один священник рассказывал, как однажды, еще до своего священства, он услышал в церкви Евангелие, всем нам хорошо известное: *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой... и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5:23–24). И его обожгло как огнем, по милости Божией, ему открылась реальность того, что совершается в храме — за Божественной литургией, в таинстве Покаяния или за слышанием слова Божия. Он понял, по благодати Божией, что нет нам участия в таинстве Тела и Крови Христовых, — Господь не примет нашего поста и нашей молитвы, не будет на нас Божия благословения, если мы не сделаем все от нас зависящее, чтобы исполнить Его завет. *Когда стоите на молитве, — говорит Господь, — прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши* (Мк. 11:25). Невозможно нам молиться, бескрылой станет наша молитва, Господь не примет наше покаяние, если мы не будем прощать друг друга.

Мы должны понять, что прощение не означает примиренчество со злом, это не есть какая-то индульгенция, согласие с несправедливостью, оно всегда обращено к личности живого человека, а не к тому греху, который он, может быть, совершил

против нас. Грех всегда остается грехом. Еще в Ветхом Завете сказано: *Не враждуй на брата твоего в сердце твоём, но обличи ближнего твоего* (ср.: Лев. 19:17), то есть научись противостоять всякой неправде. Непрощение другого человека связано как раз с нашим общим состоянием греховности, которая выявляется здесь в очень высокой степени. Это уже не спрячешь и не скроешь — это конкретное отношение с человеком, которого ты знаешь. Все твои грехи, осознаваемые тобою или неосознаваемые, присутствуют в этом главном грехе нелюбви. Потому Господь и говорит так о тайне прощения, потому Он и предупреждает, что непрощение может привести нас к разрыву с Богом. Оно уже означает именно это. И если мы легко будем относиться к непрощению других людей, то наступит горшее.

Я знаю человека, который перестал ходить в свой храм, чтобы не встречаться там с одним знакомым, которого не хотел видеть, а потом в конце концов вообще перестал ходить в храм, отпал от Церкви. Господь предупреждает нас, что непрощение другого человека с неизбежностью ведет к умалению духовного роста. Не надо мечтать ни о каких подвигах — ни о поклонах, ни о строгом воздержании. Все слишком серьезно, и мы должны с полной ответственностью осознать это.

Если вы не прощаете, говорит Господь, должникам вашим, *то и Отец Небесный не простит*

вам (ср.: Мф. 6:15; Мк. 11:26). Каждый день и несколько раз в течение дня все мы читаем молитву Господню «Отче наш...» и эти слова: «...и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». С какой легкостью мы произносим их, не задумываясь о том, что они значат, эти самые главные слова, какие существуют на свете! Действительно ли мы прощаем так, как хотим, чтобы Господь простил нас? Если мы этого не делаем, значит мы молимся о том, чтобы Господь нас не простил, чтобы мы были осуждены.

Есть великая надежда в том, что предлагает нам Церковь Христова. Да, прощение грехов на самом деле исходит из великой глубины и высоты. Прощение нам даруется от Креста Христова. И Господь говорит, чтобы мы прощали семьдесят раз по семь. Сколько нужно прощать другому человеку? Один раз, можно сказать, достаточно, сколько можно прощать? И апостол Петр спрашивает: *Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?* А Господь отвечает: *Не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз* (Мф. 18:21–22). Ну а дальше что? Простим другому человеку четыреста девяносто раз его грехи и скажем — достаточно, потому что дальше нет сил? Значит, мы говорим Господу, чтобы дальше Он не прощал нас, — у нас нет сил, чтобы принимать Его прощение. Не имеет значения, виноват перед нами человек, который

имеет нечто против нас, или не виноват. Для Господа все равно остается обязательным условием, чтобы мы примирились с тем, кому кажется, что его оскорбили, обидели, тогда как у нас и в мыслях не было никакого зла против него, прежде чем приступать к Трапезе Господней.

Наш Бог не ведет счет всем нашим хорошим и плохим поступкам в большой книге, суммируя их и согласно подсчетам определяя души в ад или на небо. У Бога есть несравненно лучший способ, как производить «сложения», и Он не ошибается в Своих «подсчетах». Наш Бог есть любовь и прощение. А кто любит, тот не ведет счета своей любви. Прощать — значит идти до предела самоотдачи. Бог дает, всегда дает и снова воздает, приобщая нас Своей бессмертной жизни.

О молитве перед Святым Причащением

Наше причастие Святых Христовых Таин зависит от того, как мы готовимся к нему. Прежде всего, от подлинности нашего покаяния и молитвы. Часто говорят, что молиться трудно, и это действительно так. Мы помним слова преподобного Силуана Афонского: «Молиться — это кровь проливать». Но теперь мы хотели бы сказать несколько о другом.

Спрашивают, как научиться молиться, как если бы речь шла о решении какой-то задачи, в то время как подлинная молитва — та, которая исходит из глубины сердца христианина, принявшего смиренный дух усыновления. Существует общепринятое правило ко Святому Причащению. Кроме обязательных канона и молитв ко Причащению, правило это может быть разным. И потому постоянно возникает вопрос: каково должно быть точное правило? Святые отцы говорят, что «умеренному правилу цены нет», но при этом непременно добавляют: «Только не следует становиться рабом правила». Потому что можно набрать множество канонов, акафистов, ежедневно вычитывать их «читательной», как говорит святитель Феофан Затворник, молитвой и быть обвешенным ими с головы до ног, как Давид доспехами Саула. Мы знаем, что они оказались слишком тяжелыми для него, но Господь даровал ему победу над Голиафом иным, самым простым оружием. Самое существенное в молитве — дух покаяния, сердце сокрушенное и смиренное и рождающаяся из него чистота и простота любви. Подлинная молитва произносится языком младенцев. Что бы они ни лепетали, их отец с радостью внимает им, потому что этот лепет исходит из сыновнего сердца. Таков Дух Святой, Который *ходатайствует* в нас *вздыханиями неизглаголанными* во время молитвы (ср.: Рим. 8:26).

Господь говорит нам ясно и решительно: *Молитесь же так: «Отче наш...»* (Мф. 6:9), остальное придет. Христианская молитва определяется не формулой, не местом, не чем-то еще, но прежде всего — личной встречей чада со своим Отцом. Апостол Павел настойчиво напоминает нам об этом: *Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»* (Рим. 8:14–15). Этого довольно. Бог слышит нас. Не Он удалился от нас, мы удалились от Него. Если подлинным будет наше покаяние, Дух Святой коснется нас, и от избытка сердца возглаголют наши уста. Молитва — первая потребность души и высшая ее радость. Чтобы войти в молитву, надо освободить наши сердечные глубины от плена, в котором держит их мир, в то время как они должны быть отданы общению с Богом.

Таким образом, вопросы, сколько надо молиться, как часто ходить в храм накануне причащения и как часто причащаться, теряют смысл. Не следует считать время, затраченное на молитву. Лучше было бы для нас считать время, которое не отдано молитве. Нормально, когда считают часы труда, но человек, любящий свою родную семью, не считает часы, проведенные дома. Пока наша молитва не будет исходить из всего нашего существа, которое создано для Бога и все устремляется

к встрече с Ним, слова молитвы будут только скользить по поверхности нашего сознания. Жизнь будет подобна колесу, ось которого проходит не по центру. Такое колесо будет кривым.

Возблагодарим Бога за сокровища молитв, собранные для нас святыми отцами в течение многих веков. Этими молитвами начинается для нас наш путь к Чаше Христовой, к Его Кресту и Воскресению. Мы созданы для этого молитвенного стояния, для этой любви, для этой встречи с Богом, для этой сокровенности, для этого покаяния в грехах, которые мешают нам быть с Богом. Не надо искать ничего другого — ни здесь, на земле, ни на небе. Эта связь с Богом — наше блаженство, наш центр, наша радость, наша жизнь. И кто знает эту тайну, не торопится выйти из нее, но хочет остаться в ней.

Так случается с нами, что мы порой усиленно ищем молитву там, где не находим ее. Быть может, мы ищем ее искусственно, в то время как она естественно проистекает из сердца, которое любит. Быть может, мы представляем ее слишком сложной, в то время как она проста. Быть может, она кажется нам слишком трудной, в то время как она легка. Быть может, мы исполняем ее как обязанность, как закон, в то время как она прежде всего — жизнь и дыхание любви. Быть может, мы ищем Бога вдали, в то время как Он совсем рядом. Быть может, мы ищем Его в далеком небе,

в то время как Он — в нашем сердце. Мы ищем Его в невозможном преодолении всего, что составляет нашу жизнь, в то время как преодолеть Его благодатью надо только грехи, и Он нас ждет на всех путях нашей жизни. Мы ищем Его за пределами всего, в то время как Он — в центре всего. Мы ищем Его как неприступного Бога, а это — наш Отец. И Он зовет стать единокровными Его Божественному Сыну по дару Святой Евхаристии.

Чего нам по-настоящему недостает

Бог делает так, чтобы неудовлетворенность обладанием материальными благами заставляла нас желать существенного. Христос становится Хлебом жизни, чтобы удовлетворить наш голод по Богу. Но мы — пресыщенные или жаждущие? Чего нам недостает? За нашими элементарными материальными нуждами скрыты самые основательные нужды.

Самое великое благо, которое мы можем совершить для других, — не передать им наши богатства, но открыть им их богатства. В этом самом великом благе — блаженство, которое открывает Спаситель в Своей Нагорной проповеди. Она начинается словами *блаженны нищие*, заключающими в себе все заповеди блаженств. Как, какими

трудами и скорбями можем мы передать нашу радость другим? Самая великая скорбь нищих — в том, что никто не нуждается в их дружбе, потому что все ищут только земного блага.

Человек алчет и жаждет, у него могут возникать всё новые потребности, которые невозможно ничем удовлетворить. Если и получит он ответ на все свои материальные нужды и желания, то неодолимая потребность в насущном, в существенном все равно будет постоянно томить его.

Есть такая восточная притча об одном милостивом царе, готовом исполнить все просьбы нищего. Он приказал своим слугам наполнить золотыми монетами суму нищего. Но монеты, опущенные в суму, непонятным образом исчезали. Царь с изумлением спросил нищего: «Скажи мне, что за волшебную суму ты носишь?» — «Это ничем неутолимые человеческие желания, — ответил тот, — потому сума всегда оказывается пустой».

Поистине, человек алчет и жаждет. Он нуждается в том, чтобы быть созданным, спасенным, воссозданным. Он обращен к своему Творцу и Отцу, к своему Спасителю. Земля дает ему хлеб, чтобы насытить его тело, но кто даст ему хлеб, который требует его душа?

Чтобы подлинно ответить на нужду человека, Господь приходит к нему и предлагает истинный хлеб, совершенное питание, чтобы навсегда исцелить его от всякого голода и жажды. Толпы, теснящие

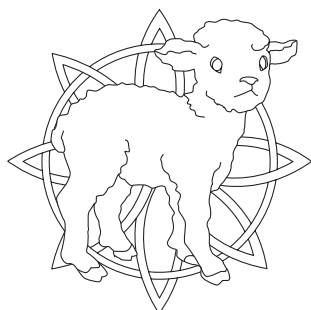
Его, как и многие из нас, только наполовину понимают Его: «Господи, давай нам всегда такой хлеб, чтобы нам не надо было больше выращивать его в поте лица и в страхе неурожая!» Разве и самарянка не просила живой, всегда текущей воды, чтобы не ходить ей черпать воду в колодце? И Господь уточняет: «Хлеб, сошедший с небес, — дар Отца, не имеющий никакого сравнения с манной пустыни. Это Я Сам, это новый дар Отца».

Теперь мы понимаем смысл Евхаристии. Господь стал Хлебом жизни, чтобы утолить наш голод по Богу. Этот Хлеб — как обыкновенный хлеб, чтобы мы могли принять то, что бесконечно превосходит наши способности и силы, и ответить на любовь, которую дает нам Бог.

Причащаться Святых Христовых Таин — значит дать Христу войти в нас. Если мы не препятствуем Евхаристии нашими нераскаянными грехами преобразить нас, мы будем едины с телом Христовым, как Он с нами, научаясь Его любви и потому входя в Его блаженство.

В течение всей нашей жизни нам дается приступить к святому святых — пить из неисчерпаемого источника. Все зависит только от нашего ответа на единственный вопрос: есть ли у нас эта жажда, или мы уже насыщены тем, что предлагает нам земная жизнь? Чего нам по-настоящему недостает?

ВЕЛИКИЙ ПОСТ И ЕВХАРИСТИЯ

Бодрствовать в ожидании Господа

Все наши дни, особенно Великим постом, — приготовление к Святому Причащению, к таинственному соединению с Господом. Задумаемся об этом серьезном вопросе, который столь глубоко касается каждого из нас. Что значит бодрствовать в ожидании Господа? Господь говорит нам: *Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте* (Мк. 13:35–37).

Как замечательно это слово «бодрствуйте», произнесенное нашим Господом! Замечательно

потому, что смысл его не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Мы должны не только веровать, но бодрствовать. Не только любить, но бодрствовать. Не только слушаться, но бодрствовать. Ради чего бодрствовать? Ради этого великого события, пришествия к нам Христа.

Когда мы размышляем об очевидном значении этого слова или предмета, к которому оно направляет нас, нам кажется, что речь в нем идет об особенной нашей обязанности, — об обязанности, которая не свойственна нам по естеству. Большинство из нас имеет общее представление о том, что значит верить, бояться, любить и слушаться. Но, может быть, мы недостаточно понимаем, что означает бодрствовать.

Что же такое бодрствовать? Наверное, это можно определить исходя из следующего. Знаете ли вы, что переживает человек в обыденной жизни, когда ждет своего друга, предвкушая его прибытие, а тот запаздывает? Знаете ли вы, что значит ждать, чтобы произошло что-то важное, при одном упоминании о котором бьется ваше сердце и которое является вашей первой мыслью, когда вы открываете глаза утром? Знаете ли вы, что значит иметь друга в далекой стране, ждать от него вестей и спрашивать себя день за днем, что он делает сейчас и все ли у него благополучно? Знаете ли вы, что значит жить привязанным к кому-то,

за кем вы следуете своим взором, в душе которого вы можете читать, в ком вы замечаете изменение в поддержке, чьи желания вы предупреждаете, с кем вы обмениваетесь улыбками и с кем вы разделяете печаль, когда он тесним, и радость, когда ему сопутствует успех? Слово Божие и святые отцы часто сравнивают духовную жизнь с человеческой дружбой и любовью.

Бодрствовать в ожидании Христа — подобно этим чувствам в той мере, в какой чувства нашего падшего мира могут передать это. Тот бодрствует в ожидании Христа, кто имеет сердце чуткое, открытое, все приемлющее с благодарностью, кто пламенно ищет и чтит Его, кто ждет Его во всем, что происходит, и узнает Его внезапное присутствие в счастье и несчастье. Тот бодрствует со Христом, кто, устремляясь в будущее, не небрежет о прошлом и не забывает, что Спаситель пострадал лично за него. И тот бодрствует со Христом, кто хранит память Креста и Страданий Христовых и переживает их в своей жизни, кто облачается с радостью в одежду поругания, которую Христос носил здесь, на земле, и которую Он оставил позади Себя, когда взошел на небо.

Вот почему вся Божественная литургия устремлена ко Второму Христову Пришествию, выражая память о Первом Его Пришествии. Она никогда не теряет из виду Его распятия, празднуя Воскресение.

Богослужение особой духовной красоты

С особым волнением совершаем мы первую литургию Преждеосвященных Даров.

Литургия Преждеосвященных Даров — богослужение особой духовной красоты, исполненной Божественного присутствия. Сам Господь среди нас. Собственно литургии-то и нет, есть только молитва о том, чтобы Господь сподобил нас причастия Святых Его Животворящих Таин. Святые Дары были освящены за воскресным богослужением, и Христос Своим Пречистым Телом и Кровью уже пребывает на престоле, наполняя Своим таинственным присутствием все, что совершается в церкви, — слова всех молитв, псалмов, ветхозаветных чтений, которые должны произноситься с особым страхом и благоговением.

Невозможно узнать, что такое Великий пост, не молясь за литургией Преждеосвященных Даров и хотя бы раз в течение Великого поста не причастившись за этой литургией. Эта литургия учит нас тому, как мы должны готовиться к принятию Святых Христовых Таин. Не так, как большинство из нас причащается чуть ли не каждое воскресенье — по инерции, прочитали несколько канонов, и все. Для того Великий пост и существует, чтобы выявить подлинную высоту и глубину того, что Церковь хранит и предлагает нам, показывая, как мы должны приступать к самому великому таинству.

За этой литургией, в первую среду Великого поста, мало кто причащается. Это как бы и нормально — все готовятся к тому причастию, которое будет в первую субботу, когда, как в Великий Четверг, вся Церковь приступает ко Господу, облачаясь в белые одежды победы Христовой. А кто причащается в этот день? Причащаются те, кто изнемогает, кто по болезни и немощи не может уже далее хранить пост, и, поговев в меру своих сил, приступают к Святой Чаше. Но не только такие. Приступают также и те, для кого жизнь невыносима, если они не причащаются Святых Христовых Таин. Тот, кто причащается сегодня, должен испытать, к какому роду причастников он принадлежит.

Есть глубокий смысл в том, что литургия Преждеосвященных Даров совершается только в среду и пятницу. Это напоминание нам, что в течение Великого поста все наши дни — сплошные среда и пятница. И таким образом эта литургия связана с тайной Великой Среды и Великой Пятницы — тайной Креста Христова, с той совершенной отдачей Своей жизни, которую Христос совершил нашего ради спасения. Напоминание нам, каким должен быть наш пост, который Церковь совершает в память поста Спасителя. Прежде чем принести Свое Пречистое Тело и Кровь на Кресте, прежде чем преподать его на Тайной Вечере Своим ученикам, Господь совершил пост абсолютного невкушения пищи и питья, всецелой отдачи Себя

Богу, так что Он имел власть сказать на Тайной Вечере об этом приношении Себя, уже Им совершённом: *Сие есть Тело Мое* и *сие есть Кровь Моя* (Мф. 26:26, 28). Это значит, что если мы дерзаем причащаться Пречистого Тела и Крови Христовых за литургией Преждеосвященных Даров, мы должны уподобляться в этом Самому Христу. Смысл причастия всегда в том, чтобы и мы сами, приняв Тело и Кровь Христовы, стали живой жертвой во Христе, соединились с Его Кровью и Телом и были способны самих себя принести ради Господа, ради других людей.

Эта жертва совершенной отдачи не может быть достигнута нами сразу. Разумеется, Господь не требует от нас такого поста, чтобы мы ничего не вкушали и не пили. Это было бы самонадеянной дерзостью, потому что все внешнее должно быть уравновешено внутренним нашим стоянием. Путь к этому — до самой смерти. До того часа, когда мы должны будем отдать свое тело и свою кровь, свою жизнь, — не потому, что пришел час, когда у нас отнимают нашу жизнь, а потому, что мы отдаем ее Господу и соединяемся свободно и сознательно с тем даром, которому мы приобщились и приобщались в течение нашей жизни не один раз. Восходя от силы в силу, не обязательно всегда ровно, пусть с поражениями, но всегда с устремленностью к тому единственному смыслу, который являет нам Божественная литургия.

Продолжим наш пост, вкусив и увидев, как благ Господь. Будем восходить через все покаяние Великого поста, через все главные богослужения к тому главному завершающему причащению, которое будет на Тайной Вечере, когда вся Церковь соберется в Сионской горнице вместе с апостолами. И далее — к предстоянию у Креста Христова, к Пасхе Господней, Воскресению Его, когда будет дано нам узнать в полноте то, чему мы, каждый в своей мере, приобщились уже сегодня.

Три измерения Евхаристии

Великий пост — время углубленной молитвы и чтения слова Божия, не только Нового, но и Ветхого Завета. В течение поста мы постоянно возвращаемся к Ветхому Завету с памятью о главном, что в нем есть, — устремленностью ко Христу. На память сегодня приходит образ Мелхиседека из Книги Бытия, этого таинственного царя и священника, в котором Церковь увидела прообраз Христа. Он приносит хлеб и вино и произносит молитву благословения, обращенную к Аврааму, возвратившемуся из похода с победой над четырьмя царями. «Благословение» — ключевое слово для понимания того, что есть Евхаристия. Это молитва, через которую выражается пожелание блага.

Благословить кого-то — значит засвидетельствовать в радости, в благодарении и приобщении благодати благо, полученное нами.

Когда мы приступаем к богослужению, мы благословляем Бога: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». Божественная литургия начинается с благословения: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа». Мы благословляем Бога за все, что Он совершил и продолжает совершать через Иисуса Христа, даровавшего нам спасение, и мир, и власть быть чадами Божиими.

Более того! Когда мы молимся за Божественной литургией, мы имеем дерзновение благословлять Бога и заранее благодарить Его за все, что Он осуществит для нас, для Церкви, для нашего народа, для всего человечества, — до конца времен. Мы благословляем Его за Его будущие деяния, потому что уверены, что Он не оставит нас и исполнит все обетования мира, спасения и вечной радости, которые Он дал нам.

Смысл поста — в том, чтобы мы духовно прозрели. И увидели Божественное присутствие и действие в нас, в Церкви и в мире, что бы в нем ни происходило. В дни сугубого покаяния будем испрашивать у Господа это благо. Тогда наша молитва благословения будет исходить из самого сердца, а не останется одними словами, произносимыми нами в суд и осуждение.

Путь Великого поста — к Страстной седмице, и все наши литургии — приготовление к Тайной Вечере Великого Четверга, за которой Господь говорит о Хлебе Евхаристии: «Сие есть Тело Мое, за вы ломимое» и о Чаше: «Сия есть Кровь Моя Нового Завета». Будем помнить всегда, что причастие существует для того, чтобы постоянно утверждать, обновлять и углублять наш Новый Завет, вечный союз, который Бог установил с нами. Даром Евхаристии, даром сего Хлеба, который мы вкушаем, и сей Чаши, от которой мы пьем, мы становимся единокровными Христу, братьями и сестрами во Христе, чадами Божиими по благодати. Да будет дано нам благодатно осознать эту тайну и это чудо! Увидеть в Духе Святом непостижимую страшную реальность этого дара и принести подлинное благодарение Богу — стать участниками Божественной Евхаристии.

Столь велико значение Евхаристии, что Господь уготовляет ее для нас не только в течение всей Священной истории через таинственные события Ветхого Завета, но и всей Своей земной жизнью. Во время чудесного умножения хлебов действия Господа во многом напоминают то, что Он совершит на Тайной Вечере. Он берет хлеб, благословляет его, преломляет и потом раздает. Точно так же Он будет делать во время Евхаристии.

Что общего в чуде умножения хлебов с Евхаристией? Господь говорит нам, что мы не должны

довольствоваться тем, что, принимая Хлеб Евхаристии, мы питаем им себя. Мы должны давать его тем, кто окружает нас, как сделали это апостолы. Что значит давать? Наша Вечеря — тайная, сокрытая от внешних, она уготована только для тех, кто со страхом Божиим и верою и покаянием приступает к ней. Но, узнав чудо небесного дара, мы должны по-новому молить Господа, чтобы Он дал есть тем, кто изнемогает от духовного голода. И для этого мы должны прежде взять все, что у нас есть, даже если это очень немного, и разделить это с другими. Тем более когда нам дается узнать, какое сокровище новой жизни предлагает всем Господь.

Не бывает ли наше служение Божественной литургии эгоистичным? Слишком часто мы сосредоточены только на себе и забываем о других, о тех, кто рядом с нами «голодом гибнут», голодом хлеба, голодом слова истины и правды, голодом внимания и любви? Этот вопрос мы должны задать себе Великим постом.

Просвещаемые словом Божиим, постараемся с сегодняшнего дня жить полнотой жизни — тремя измерениями Евхаристии, о которых напоминает нам Церковь. Будем благословлять Бога, благодарить Его за все, в том числе за скорби и испытания, которые Он посылает нам, за все Его милостивые дары и Его благодатное присутствие с нами. Засвидетельствуем о нашем желании жить всегда

согласно Завету, установленному Кровью Христовой. И не забудем разделять с другими то, что мы приняли от Господа. Это необходимое условие для всех, кто хочет причащаться Святых Христовых Таин.

Самое опасное — привыкание к святыне

Самое опасное в нашей жизни — привыкание к святыне. И вот с самого начала Великого поста, всего лишь после двухдневного перерыва в литургии, нам открывается снова, как впервые, чудо страшной крестной красоты Святых Христовых Таин.

Эти Дары освящены за Божественной литургией в воскресенье, и все наши первые покаянные службы, наше стояние на Великом каноне преподобного Андрея Критского исполнены, благодаря этому присутствию Тела и Крови Христовых на престоле, особенной глубины. Слава Божия, которая наполняет храм Господень, когда в нем освящаются Святые Дары, лежит на всех наших великопостных богослужениях.

Собственно, литургия Преждеосвященных Даров — это только причащение, и все священнодействия — пение, молитвы — только подготовка к причащению. Церковь хочет научить нас, как мы должны приступать к Чаше, как готовиться к этому.

Быть христианином и причащаться Святых Христовых Таин — это одно и то же. Как когда-то принесение жертвы идолам в демонских капищах означало быть язычником: в час, когда совершалось это бесовское приношение, несчастные слепцы падали ниц на землю в трепетном молчании. Человеку свойственно поклоняться «высшему». Чем выше человек, тем более он способен к поклонению перед «самым высшим». Но человек может быть обманут и глубину сердца своего отдавать не Богу, а врагу.

Мы говорим об этом, во-первых, для того, чтобы мы, христиане, никогда не забывали, *что* нам дано, и благодарили Бога со страхом и трепетом. До сих пор некоторые из нас не знают, как вести себя в храме даже в святейшие моменты: кто-то вдруг встал спиной к алтарю в то время, когда выносится Святая Чаша, кто-то позволяет себе разговаривать и смеяться. Мы должны дорожить тем, что имеем, чтобы это не было у нас отнято. И во-вторых, пример с язычниками напоминает нам, что мы *не можем пить Чашу Господню и чашу бесовскую* (ср.: 1 Кор. 10:21), как говорит Писание, *ибо что общего у света с тьмою?* (2 Кор. 6:14). Это относится к чистоте исповедания нашей веры, к нашей жизни по заповедям, к принципиальной духовной оценке нами всего, что происходит в сегодняшнем мире.

Знаем ли мы цену сокровища, которое находится на престолах наших храмов? Откровение

Божие говорит о грядущем гневе Божиим, который открывается на нечестие человеков. Но слова *елея же и вина не повреждай* (Откр. 6:6), по толкованию святых отцов, означают несокрушимое милосердие Божие к кающимся и непрекращающийся дар евхаристического приношения. Мир погиб бы тысячу раз, говорят святые отцы, если бы не совершалась Божественная литургия. Святые Дары как бы удерживают правосудие Божие от окончательного приговора.

Вот почему диавол ненавидит Церковь и стремится стереть ее с лица земли. Он не мог выносить присутствия Христова на земле и сделал все, чтобы возвести Его на Крест. И теперь, сокрушенный Крестом, с еще большей ненавистью обрушивается на тех, кто вкушает за трапезой Господней плоды от этого Древа жизни. По этой же причине он силится посредством еретиков упразднить Церковь. «Ибо учение наше согласно с Евхаристией и Евхаристия, в свою очередь, подтверждает наше учение», — говорят святые отцы. Диавол хорошо понимает, что где лжеучение, там нет Евхаристии, и что мы все погибнем без причастия.

Святой пророк Даниил говорит, что антихрист уничтожит Евхаристию в конце времен, что за беззакония наши дана ему будет сила против великой святости. Интересно, что для этой цели, согласно пророчеству, будет использована и военная сила: *И поставлена будет им часть войска, которая*

осквернит святилище могущества, и прекратит ежедневную жертву, и поставит мерзость запустения (Дан. 11:31).

Святой мученик Ипполит, как свидетельствует блаженный Иероним, описывая последние времена, говорит, что храмы Божии будут в предельном запустении, потому что не будет в них приноситься Бескровная Жертва. Нигде не будет Тела и Крови Христовых на земле, Евхаристия прекратится, и за это наступит конец мира, и он будет судим. Но пока совершается литургия, пока приносится в жертву Агнец Божий на престолах Божиих, этого не произойдет.

Осознаем, что мы имеем, и будем беречь то, от чего зависят судьбы всех людей. Здесь исцеление от всех наших болезней и скорбей. Это воистину Древо жизни (посмотрите, как оно цветет, когда священник держит в руках Евхаристическую Чашу), вкушая от которого мы можем обрести святость и бессмертие. Однако мы исполнены немощей, грехов и уныния. Мы умираем каждый день самой ужасной из всех смертей, в то время как находимся рядом со спасительным источником. Все зависит, оказывается, от того, как мы причащаемся, как готовимся к причащению.

В этот день некоторые из нас, уже изнемогшие от поста, приняли первое причастие, и те, кто готовятся — в том числе и этой литургией — к причастию вместе со всею Церковью в субботу,

уже сейчас тоже вкусили и увидели, что благ Господь. Продолжим наш пост, видя весь путь, которым мы идем, не боясь ни этого мира, ни того, что в мире. Нам это дано, чтобы снова коснулась нас жизнь, и мы стали мертвыми для греха и были живыми всегда во Христе. Чтобы знали, что Господь никогда не оставляет нас, чтобы для кого-то из нас это сегодняшнее богослужение стало решающим поворотом в жизни.

Лучшее приготовление к причастию

В первую субботу Великого поста Церковь поздравляет нас с первым причащением. «С первым причащением», — говорим мы, потому что верим, что это не единственное наше причащение. Видели ли вы, какая радость на лицах у тех, кто сподобился после первой седмицы Великого поста причастия, — и это есть только первый отблеск уже восходящего вдали солнца Пасхи.

Будем еще и еще причащаться животворящих Христовых Таин в течение Великого поста, помня при этом, как готовилась к первому причастию вся Церковь: какой молитвой, каким постом, каким покаянием. Для того чтобы наше причащение всегда было таким благодатным, к нему надо готовиться сугубым покаянием, постом и молитвою.

Будем помнить также и о том, что лучшим приготовлением к причастию является предыдущее причастие, и чем оно ближе, тем больше нас питает, тем больше освящает нас, тем больше дает нам видеть, где свет, каков наш грех и какое покаяние нам нужно приносить. Все, кто узнал сегодня радость, естественно, будут стремиться к тому, чтобы эта радость углубилась и это познание Господа стало еще более совершенным.

Все, кого Господь обошел сегодня по какой-либо причине радостным утешением, должны опечалиться по Бозе и увидеть, что наше покаяние должно было быть более серьезным. Господь хочет дать нам все, Он хочет поделиться всем, что у Него есть, с тем чтобы мы приняли всю правду, всю тайну жизни, всю любовь Его Креста и Его Воскресения, к которым мы будем идти все дни этого Великого поста.

Дай Господь нам, принявшим утешение Христово, хранить его в сокровенности своего сердца. Не стараться показывать его другим, говоря: «Вот чего сподобил меня Господь, какой я особенный сегодня», — а хранить это в сокровенности сердца, свидетельствовать об этой сокровенной радости своею жизнью, своими поступками, своим общением с другими людьми, своим покаянием, которое будет продолжаться. Свидетельствовать об этом своею жизнью в мире, где раскрывается тайна огня Христова, который Господь принес на

землю; в мире, который умирает от холода и отчаяния и который нуждается в надежде. Надеждой для нашей погибающей России, для всех погибающих людей является любовь Христова. Бог открывает нам сегодня тайну Своей любви в самоотдаче, когда Он Тело Свое дает нам в пищу и Кровь Свою дает нам в питье.

Когда христианство утратит свое бывшее имя

Когда христианство утратит свое бывшее имя, так что оно уже будет никому не опасно, тогда враги его, открытые или затаенные, обратят с восхищением свой взор ко временам его минувшей славы. Не страшась более опаляющей любовью сердца благодати, они не будут скупиться на похвалы монашеского делания, несравненной красоты богослужения, церковного слова, совершенства его философии. Это был, скажут они, великий момент нашей цивилизации. Они признают его способность проникновения в глубины человеческого духа. О его нравственных и культурных ценностях будут говорить с уважением, смешанным с грустью. Они подчеркнут, что, несмотря на некоторые его отрицательные черты, на излишний догматизм и элементы фанатизма, оно помогло человечеству в его становлении и развитии. Постепенно утратив

беспользную свою устремленность к небесам, оно сумело воплотиться в земном. Но, добавят они, в конце концов, как все на свете, оно исчерпало себя. В это время в прекрасных храмах с иконами-шедеврами будут звучать древние знаменные распевы и на глазах у любопытных будут демонстрироваться евхаристические сосуды — драгоценные предметы музея.

Когда христианство больше не будет никому мешать, ему воздадут наконец по справедливости, и это будет наподобие надгробной похвалы. И тогда наступит полное торжество греха и смерти. За *умножение беззаконий охладает любовь* (ср.: Мф. 24:12), *соль перестанет быть соленой* (см.: Мф. 5:13), *солнце померкнет и луна не даст света своего* (Мф. 24:29).

Мы видим, что намерения у врага серьезные. И потому не просто утешения среди невыносимой скорби, а Самого Утешителя Духа Истины ищем мы в Святом Причастии. Святитель Игнатий (Брянчанинов) молился за своего друга: «Господи, дай Леониду духовное утешение, чтобы его вера стала живой, сердечной, а не просто слушаньем слов!» Преподобный Силуан Афонский так молился за весь народ.

А Оптинский старец Нектарий, который часто повторял: «Как я могу быть наследником прежних старцев! У них благодать была целыми караваемы, а у меня — ломтик», — в ответ на вопрошание

одной своей почитательницы, правда ли, что все признаки Второго Пришествия исполнились, говорил: «Нет, не все. Но, конечно, даже простому взору видно, а духовному открыто, что раньше Церковь была обширным кругом во весь горизонт, а теперь он — как колечко; а в последние дни перед Пришествием Христовым она вся сохранится в таком виде: один православный епископ, один православный иерей и один православный мирянин. Я тебе не говорю, что церквей не будет, они будут, да православие-то сохранится только в таком виде». «Ты обрати внимание на эти слова, — добавлял он, — ты пойми. Ведь это во всем мире».

Наверное, не в буквальном смысле говорил преподобный Нектарий, что останется один епископ, один священник и один мирянин, а в том смысле, что пока есть в Церкви хоть один человек, подлинно ищущий спасения, ради одного только человека Господь не отнимет от нее благодати. И такие испытания наступают, что без сугубой благодати никто, ни один человек не может устоять в истине и любви.

Вот о чем должна напоминать нам каждый раз Божественная литургия. Среди торжествующей лжи каждый христианин должен быть богословом — тем, кто может сказать слово о Боге; не потому, что знает все о Христе, а потому, что знает Христа. Как Сам Христос говорит: *и знаю Моих, и Мои знают Меня* (Ин. 10:14). Так нам надо

пройти Великий пост, чтобы в конце его вместе с Церковью не одними устами принять Пречистое Тело и Кровь Христовы, не одними устами пропеть «Воскресение Христово видевше». Подобно апостолам, о которых мы слышали в Евангелии на всенощной, нам надо самим прикоснуться к ранам Его и к Воскресению Его, потому что без этого дальше невозможно жить. Чтобы мы могли говорить другим не только то, что мы слышали, но и то, что мы видели своими глазами, то, чего касались наши руки, — Слово Жизни, ибо Жизнь явилась нам. Богословами становятся молитвою и постом. Богословие — это продолжение молитвы (должен быть один и тот же язык — тот, на котором говорят с Богом) и продолжение поста, как ответная отдача себя, душой и телом, Христу Богу. Всем нам памятни эти слова: «Если ты богослов, то чисто молишься, и если ты чисто молишься, ты богослов».

Вот среди каких опасностей мы находимся. Вначале чисто человеческая мудрость, для которой требования жизни в Духе кажутся безумием, а за нею — распад сознания и гибель всего. Не сразу преступный, как говорит святитель Феофан Затворник, атеизм, но вначале просто как бы отрицание «высшего разума». Но наш Бог — больше, чем «высший разум», Он — Отец, который любит, и Сын, который был распят и победил смерть, и Дух Святой — свет, просвещающий всякого человека, приходящего в мир.

Время поста и молитвы. Время приобщения Пречистому Телу и Крови Христовых. Стой на- смерть, христианин, будь готов заплатить всей кровью своей за одну каплю благодати, купленной дорогою ценою! Мы должны им помешать, не дать им победить, удержать зло, быть «удерживающим» — теми, кто на самом деле причастны крепости Божией, благодати Святого Духа, заградить открытые уже для последнего приговора Церкви уста растления и лжи.

Вопросы Великого поста

К самому главному нашему причащению в Великий Четверг Церковь готовит нас продолжительным покаянием и постом. Каждый год, когда начинается Великий пост, мы должны спрашивать себя: действительно ли мы хотим участвовать вместе со всею Церковью в этом посте или нет? Готовы ли мы понудить себя жить подлинным постом или нет?

Чтобы жить подлинным постом, недостаточно благочестиво соблюдать все правила, воздерживаться от скоромной пищи и быть на всех главных богослужениях в течение этого времени. Требуется большее. Необходимо прежде всего спросить себя, есть ли у нас решимость приложить все

усилия, чтобы жить с Богом на той духовной глубине, которую Он будет нам открывать. Ибо таким должен быть добрый православный пост.

Чтобы жить на такой глубине, мы должны приготовиться к строгому испытанию своей жизни и задаться вопросом, как можем мы улучшить ее, чтобы она более соответствовала ожиданиям Божиим. Всегда ли я на добром пути? Каковы мои отношения с Богом, а также с ближними, начиная с моих домашних? В какой мере озабочен я тем, что происходит с другими, действительно ли я правдолюбив и готов направлять их к примирению, к миру и прощению? Всегда ли забочусь о своем духовном возрастании и о том, чтобы свидетельствовать о Христе там, где я живу?

Эти вопросы должны быть поставлены осмысленно, и они должны получить серьезный ответ в течение Великого поста. Так легко, кажется, жить христианской жизнью — такой знакомой, обыденной, привычной. Так легко жить христианством, исполняя все внешнее. Но Великий пост предлагает нам подлинную встречу с Богом. Великий пост должен стать, выражаясь современным языком, моментом истины.

Великий пост ведет к Тайной Вечере и к Пасхе. Одна из главных целей поста — приготовить нас к обновлению нашего исповедания крещенской веры, когда наступит Страстная седмица и Пасха.

В конце поста Церковь спросит нас: «Веруете ли вы в Бога Отца, Сына и Святого Духа? Веруете ли вы, что Христос после принятия Им крестной смерти воистину воскрес? Веруете ли вы, что Он Спаситель мира? И что Он присутствует посреди нас? Веруете ли вы, что Он единственный источник надежды для всех людей во все времена и как никогда сегодня? Готовы ли вы всегда следовать за Христом? Имеете ли решимость исполнять на деле заповеди жизни, которые Он открывает Своим учением и всей Своей жизнью?»

Очевидно, мы могли бы ответить на все эти вопросы прямо сейчас, как если бы они не представляли для нас ничего затруднительного. И это было бы признаком, что мы не воспринимаем по-настоящему время Великого поста. Если мы воспримем серьезно время поста, все будет несколько иначе, потому что нам необходимо будет освободиться от всего, что удаляет нас от Христа. Мы должны будем очистить наши сердца. Нам надо постараться, чтобы перед нашими глазами всегда стояли слова Евангелия Христова. Мы должны будем утвердить нашу волю в следовании за Господом.

Тогда наше исповедание веры не будет привычным. Это будет глубокое и серьезное вхождение в новую жизнь. Это будет происходить на глубине нашего подлинно кающегося сердца и потому включать в себя всю жизнь со всеми последствиями этого выбора для каждого дня.

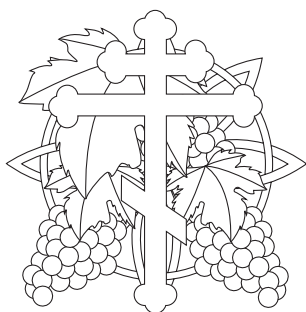
А пока мы не можем сказать, что находимся на той высоте, которую ждет от нас Христос. Или мы уже исполнили заповедь: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5:48)? Только безрассудные и ни о чем не задумывающиеся люди могут думать, что все у них в порядке. «Мы, — говорят они, — соблюдаем все: ходим в церковь каждое воскресенье и даже чаще, регулярно исповедуемся и причащаемся Святых Христовых Таин, у нас со всеми добрые отношения, мы не являемся соблазном ни для кого из окружающих нас людей».

Мы должны увидеть, что нам угрожает привыкание к святине, теплохладность, превращение небесного чуда в земную обыкновенность. Превращение непостижимого страшного Святого Бога в бога с маленькой буквы, в идола. Поклонение идолам — это такой образ мысли и жизни, который обесчеловечивает нас и делает закрытыми для мира Божественного. Все исполнять в Церкви как полагается и жить всегда для себя и почти никогда для других, не давать места Богу в своей жизни, соглашаться с общепринятой ложью и отказываться противостоять ей, не беспокоиться по поводу наглого торжества зла и несправедливости, питать себя обильно удовольствиями и всеми земными благами, не особо печалясь, что наш народ умирает и рядом со мной ближний мой погибает, жить по своей воле, лишь иногда поглядывая на

Бога и на небо, — разве это не признак того, что идола взяли над нами немислимую власть?

Великий пост ставит нас перед высшей истиной и правдой, наступает время испытания нашей жизни в свете слова Божия. Нам дается возможность встретиться с Богом — или не встретиться с Ним никогда, ни здесь, ни в вечности. Пусть в конце поста, когда мы будем идти к Христовой Чаше, наш ответ на заданные вопросы Церкви — о нашей вере, надежде и решимости всегда идти за Христом — будет дан не одними устами, а по вдохновению Духа Святого.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА И ЕВХАРИСТИЯ

Новая седмица нового творения

Бог чудесно создал человека — и еще более чудесно спас его. В начале Великого поста Церковь вместе с богодухновенным поэтом Книги Бытия созерцает творение мира. Нам открываются дела Божии в течение шести дней, заключаемые седьмым днем — покоем завершения. В этом радостном видении — пророчество надежды. Ибо зло, исходящее из сердца творения, устремляется ко ренным образом повредить дело Божие.

Пророчество надежды исполнится. Но этому надо будет посвятить новую седмицу, и эта седмица будет бесконечно дороже стоять, чем первая. Надо будет пройти через все глубины первого

творения. Но теперь недостаточно будет взять лишь немного земли, чтобы создать человека, — для этого потребуется вся земля. Недостаточно будет Превечного Слова: *И сказал Бог... И стало так* (Быт. 1:6, 11, 20, 24). Приняв плоть, Бог должен будет принести Себя в жертву. Только так мы можем войти в покой седьмого дня, в день Господень. В начале Бог дал человеку все, что Он сотворил. Теперь надо, чтобы Он отдал Себя. Это не восстановление. Это новое творение. Это уже не Адам, а Новый Адам. Это уже не человек, но Сын Человеческий. Поистине Бог силен зло обратить в добро. И эти люди, не зная, что творят, своими грязными руками будут лепить из грязной земли Нового Человека во время Его Страстей, возводя на Крест Солнце Жизни. Богу не нужно будет более вдохнуть в Него Дух — Он уже исполнен Им с самого Своего Рождества, с самого Своего Крещения. Но прежде создания нового творения Богу, как в самом начале, надо будет взять в Свои пречистые руки не немного земли, а немного хлеба и вина, произращенных землей, и предложить в них Себя Самого в пищу и питье возлюбленным Своим ученикам. Только после этого Он умирает на новом Древе жизни, от которого будет исходить Дух на новое человечество, на новое творение. Если в Великий Четверг мы соединим эти святые дни в одно и не будем мешать Господу творить нас такими, какими Он хочет, Духом, Которого Он дает нам, — мы узнаем силу Воскресения.

Великая Среда

Предательство Иуды

Описание Страстей Христовых в Евангелии от Матфея начинается с рассказа о возлиянии драгоценного мира на главу Спасителя женщиной, сердце которой разрывалось от покаянной любви к Нему. Но сразу же после исключительного примера жертвенной самоотдачи мы видим величайшее зло. Добро и зло в предельном их раскрытии окружают Христа даже среди Его последователей.

Наше слово сегодня о грехе, о корне всех зол и о предательстве, в котором квинтэссенция греха. Предателем был Иуда Искаротский. Об Иуде сказано, что он был одним из двенадцати, и это усугубляет его вероломство. Когда число учеников, как читаем мы в Книге Деяний, возрастало, неудивительно, что среди них появлялись такие, кто были позором и несчастьем для Церкви, вроде Анании и Сапфиры, лицемерно утаивших от Церкви часть своего имущества, или Симона-волхва, желавшего за деньги купить Божию благодать.

Но когда учеников было только двенадцать и один из них оказался диавол, мы понимаем, что мы никогда не должны ждать совершенного общества даже в Церкви по эту сторону небес. Никакие обеты долга, никакие особые отношения с Самим Господом не удержат того, кто имеет диавола.

Иуда приходит к первосвященникам и говорит: *Что вы дадите мне, и я вам предам Его?* (Мф. 26:15). Они не посылали за ним, не делали ему никакого предложения. Им и в голову не приходило, что один из учеников Христовых может оказаться предателем. Иуда не обещает им свидетельствовать против Христа, хотя им недоставало свидетелей. Ему не в чем было обвинять своего Учителя, ему нужны были только деньги. Только сребролюбие делало его предателем.

Что вы дадите мне, и я вам предам Его?.. «Как, Иуда, разве ты в чем-то нуждаешься? — говорит святой Иоанн Златоуст. — Может быть, в пище ты испытываешь недостаток, или в одежде, или чего-то еще тебе недостает, чего Бог не может тебе дать?» Но не недостаток денег, а любовь к деньгам — корень всех зол.

И первосвященники заключают с ним сделку, они отсчитали ему тридцать сребреников, согласно древнему иудейскому закону. Как написано в Книге Исход, тридцать сребреников — это цена раба. Вот в какую цену оценили Христа служители Божии. Они дали ему деньги тут же, в руки, наличными. Все надежно, не колеблясь, смелее вперед!.. Все они были в тот час иудами-предателями. Так назначают награду за преступника, которого ищут. Как страшно сребролюбие! Оно может сделать человека слепым к честности и чести. Человек может не задумываться о средствах достижения

своих целей. Мы знаем, что бывают наемные убийцы. А здесь Иуда сам приходит предложить свои услуги. Как говорится о печати антихриста: «волею прихожу к тебе». То, что происходило в мире вокруг Христа и у Его Креста, раскроется в полноте во времена антихриста накануне Второго Пришествия Христова, которое будет предваряться знамением Его Креста.

Наше слово об этом предательстве. О том, что всякий грех, и прежде всего сребролюбие, зависть, честолюбие, — это то, из-за чего был предан на смерть Христос. И то, из-за чего до сих пор предают Его. И чем ближе развязка истории человечества, чем больше возрастает в мире грех, тем больше предают. Чем больше изгоняется Бог из жизни, чем больше в ней присутствие диавола, тем больше предательство. Иуда — предатель, человек, который предал Бога и вступил в союз с диаволом. Только тогда, когда человек изгоняет Бога из своей жизни и принимает в нее диавола, может он опуститься до христопродавства. Двадцатый век и наступивший двадцать первый показывают, как близки последние испытания. Слова святого царя-страстотерпца Николая II «кругом измена, трусость и обман» оказались пророческими по отношению к России и не только к ней. Наше сегодняшнее поражение, говорим мы, не знает пределов. Может быть, рано делать последние выводы, историки напишут, как была уничтожена Россия,

если Бог продлит историю. Но совершенно очевидно, что Россия была предана всеми. Самое подлое, что произошло, — предательство со всех сторон.

Всегда было предательство, но надо было создать атмосферу, где предательство побеждает. Кругом предательство в самом широком смысле слова и в самом глубоком. В самом мрачном, легкомысленном и преступном. Время сейчас такое безнравственное, что если выгодно предать, то это уже не предосудительно. Уже не считается позором, как это было еще в девятнадцатом веке, потому что сребролюбие уже, можно сказать, становится добродетелью. Еще в детстве многие из нас могли слышать: «Самое ужасное — это быть предателем». Но теперь такая удивительная готовность к предательству, что не каждый еще найдет хозяев. Современная культура — сплошная апология предательства. И супружеская измена, то есть предательство самого близкого человека, разрушение основ жизни, восхваляется всюду не просто как норма, а как доблесть.

Последнее десятилетие вывело на свет таких иуд, что у всех на глазах продается и предается детство, девство, красота, чистота, любовь. И родину, и народ продают с молотка новоявленные иуды. Но что бы ни было, в истории человечества всегда остается самый страшный пример того, каких глубин может достигнуть сребролюбие. Поистине, зловеща фигура Иуды. Как какой-то

змея. Само слово «Иуда» с детства внушало ужас, в самом имени как будто звучало и «удавился», и «предательство», и «ад». У Бога ничего не бывает без смысла. Дело ведь не в самом имени. Мы знаем, что есть святой апостол Иуда. И удивительным образом то же самое имя звучит совершенно по-иному — победно, радостно. А Иуда-предатель с тридцатью сребренниками — это почти невозможно представить. Как будто все остальное в этом человеке исчезло: не только какие-то его добрые качества, но и сама его личность. Ничто остальное уже не имеет для него значения, потому что диавол вошел в него. Цель диавола — войти во всех людей. Но мы не должны ничего страшиться, если с нами Господь, крестная Его сила.

Христос знает, что ждет Его впереди, Он предвидит то, что неизбежно должно случиться. На Тайной Вечере Он говорит: *Вот, рука предающего Меня со Мною за столом; впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению* (Лк. 22:21–22). Он был предан на смерть по Совету и Предведению Божию. Но Господь предупреждает предателя: *Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы не родиться этому человеку* (Мф. 26:24). Хотя в Превечном Совете решено, что Христос будет предан, и Он Сам вольно идет к смерти ради нашего спасения, ради нашего воскресения с Ним в превечной славе, грех Иуды от этого не становится меньше.

Непостижима тайна свободы и ответственности человека, содержащаяся в деснице Божией. До скончания мира не прекращается война света и тьмы, и каждый из нас может быть орудием добра или зла. Так много зависит от нашего выбора. И во всех нас есть тьма греховная, и всегда существует покаяние, пока не станет слишком поздно. Неслучайно на Тайной Вечере, когда Христос сказал, что один из учеников предаст Его, все они спрашивали: «Не я ли, Господи?» «Не я ли?» — бесстыдно спросил Иуда, глядя в глаза Спасителю. И Господь ответил ему: «Ты». Однако это не остановило Иуду. Вот в чем заключается участие каждого человека в этой тайне.

Иуда тайно замыслил свое злодейство. Тайно, потому что если бы кто-нибудь из учеников узнал о его замысле, ему было бы несдобровать. Не унести было бы ему ног из Сионской горницы. Он мог скрывать свой замысел от своих товарищей, но он не мог его скрыть от Христа. И так всегда: человек может скрыть свой грех от людей, но никогда не может скрыть его от взора Христа, Который видит тайны человеческого сердца.

Такая минута наступила на Тайной Вечере, как будто там присутствовали только двое — Христос и Иуда и больше никого. Христос знал, хотя никто не знал, что намеревался совершить Иуда. Господь мог бы употребить Свою чудесную силу, которую Он столько раз являл в жизни,

чтобы сделать Иуду беспомощным, даже предать его смерти. Но мы знаем, что Он никогда не являл Свои чудесные силы ради спасения Себя, а только ради спасения других. И единственное, что употребляет сейчас Христос, — это зов любви. Одна из величайших тайн жизни — это уважение Бога к свободной воле человека.

Когда Господь хочет остановить человека от греха, Он ставит его прежде всего перед ужасом и реальностью этого греха. Святые отцы говорят, что нашей величайшей духовной безопасностью является способность ужасаться грехом. Мы живем во времена, когда более, чем когда бы то ни было, есть чему ужасаться, но когда люди все менее ужасаются самым мрачным грехам и преступлениям. Посмотри, вызывает к нам через стыд и совесть Господь, как невыносим грех и как страшны последствия греха. Неужели ты этого хочешь?

И далее Христос дает возможность человеку взглянуть на Него. Это уже последнее, что дается человеку. Может ли человек увидеть Христа, встретить взор Христа и после этого как ни в чем не бывало идти на грех? Так в конце концов совершается испытание каждого из нас. В решающих обстоятельствах Христос дает нам узнать ужас греха и благодать Своей любви, которая зовет к покаянию. Мы видим, как может раскрыться *тайна беззакония* (2 Фес. 2:7) в полноте.

Несмотря на призыв любви Господа, Иуда не поколебался в своем выборе. Ему было показано, что такое грех, замышляемый им, и он был поставлен лицом к лицу со Христом, но не повернулся вспять, не покаялся. Так открыл он сердце свое диаволу. Диавол, падший денница, знал, что знает противиться благодати Божией, но все равно захотел и дальше идти против Бога. В мире совершается эта *тайна беззакония*, отсутствие адекватной реакции на самые гнусные грехи, и это соединяется с отвержением дара любви Божией, с попранием святыни, с ненавистью к благодати, которая мучительней для человека всех терзаний совести.

В час ужаса Иуда увидел внезапно полную пустоту служения маммоне и предательства Бога и человека. И эта пустота убила его. Отчаяние — это когда человек близок к образу беса и когда он стоит уже во вратах ада. Бес — это отчаяние, и антихрист — это отчаяние. Мгновенный земной успех приводит внезапно к беспросветному мраку, когда все проходит. И грех обладает, оказывается, такой особенностью, всякий грех, и тем более то, что является корнем всех зол, — что человек начинает ненавидеть то, что он приобрел. То, чего он больше всего на свете хотел получить, — это то, от чего он больше всего на свете хотел бы избавиться. Когда Иуда искушался предать своего Учителя за тридцать сребреников, они сияли для него как

солнце, но когда грех совершился и он получил деньги, серебро стало жечь его совесть невыносимым огнем. И он дорого бы дал, чтобы избавиться от этих сребреников.

Что же такое наш выбор — верность Господу или предательство? Если бы Иуда, говорят святые отцы, и это слишком очевидно, остался верным Христу, он умер бы тоже, как другие апостолы, мученической смертью, но грехом предательства он утратил венец мученичества и наложил на себя руки, оттого что жизнь стала непереносимой для него из-за его греха. Святые отцы говорят, что есть грех и грех. Есть грех страстного сердца, когда под влиянием момента человек совершает плохое. Пусть не думает никто умалить такой грех. Последствия его могут быть самыми ужасными, если человек не покается. Но несравненно ужасней, когда человек сознательно, расчетливо и хладнокровно идет на грех, будучи предупрежден об ужасе своего греха и зная о благодати любви Христовой.

«Один из вас предаст Меня»

Один из вас предаст Меня (Мф. 26:21), — говорит Господь на Тайной Вечере Своим ученикам. Как происходит предательство? Предательство происходит, когда надо совершить переход от дела, которое нам поручено, к страданиям. И на вопрос: *Что мне делать?* (Деян. 22:10) — Он отвечает каждо-

му из нас, как Анании об апостоле Павле в Дамаске: *Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое* (Деян. 9:16). Сколько пострадать, а не что делать.

Что может означать это для нас, если мы не в больнице и не в темнице, а погружены в обычную жизнь с ее каждодневными заботами и трудами? Как понять нам, что главное достоинство и глубина нашей жизни — это страдания, заключенные в ней? Страдания неизбежны, если наша жизнь хоть сколько-нибудь глубока. Надо быть очень поверхностным человеком, чтобы не страдать. Вхождение в любовь, даже в простую человеческую любовь, — всегда страдание. Всегда. Страх потерять того, кого любишь. Трудности, возрастающие в нашей жизни с каждым днем. Не бывает ничего великого без страдания — надо, чтобы мы убедились в этом до конца.

Искушение предательства возникает всегда в момент, когда речь заходит о страдании, которое сокрыто в глубине всякого серьезного дела. Люди легкомысленно мечтают о том, как они будут заниматься важной деятельностью, не страдая. Здесь камень преткновения, для *цудеев* — соблазн, как говорит апостол Павел, а для *эллинов* — безумие (1 Кор. 1:23). Иначе говоря, христианская жизнь не может быть идиллией, это невозможно. Оттого, что сутью Воплощения Божия являются Его страшные Страсти и смерть на Кресте, невозможно

помыслить, чтобы моей жизни не коснулось страдание. Несколько дней достаточно будет, чтобы убедить нас в этом, хотя это и будет трудно, поскольку мы инстинктивно отталкиваем от себя страдание и смерть. И это естественно.

Когда мы рискуем стать предателями? Мы рискуем стать предателями, отказываясь идти в глубину жизни. Мы рискуем стать предателями, когда ухитряемся ловко вывернуться из любой опасной ситуации и воображаем, что следуем за Христом, но, разумеется, только не в восхождении на Голгофу. При этом не исключено, что при ураганном огне мы можем быть слегка оцарапаны. Мы можем не знать, кто предатели. Они не обязательно из тех, кто в годы гонений, когда открывалась слава Церкви, отказывался от своего священства или монашеских обетов. Мир всегда полон предательства. Христос предается с утра до вечера — в том числе теми, кто искренне решился вверить Ему свою жизнь. Как наступает это предательство? Когда переход от действия к страданию становится как будто непереносимым, вернее, когда человек больше не хочет переносить его? Именно это произошло с Иудой.

Мы спрашиваем себя: как стало возможным предательство Христа? Как случилось, что люди, ходившие рядом с Ним в течение нескольких лет, принятые Им в сокровенное общение, бывшие свидетелями Его молитвы, жившие с Ним одной

жизнью (как мы живем с Ним в Церкви), предали Его? Как стало возможным, что один из них мог решиться на это?

Пусть каждый из нас остановится перед той бездной, когда человек принимает решение предать. Блаженный Августин говорит: то, что произошло с одним человеком, может произойти и с другим. А по словам отца Серафима (Роуза), каждый из нас может стать предателем. И эта возможность становится реальностью почти неизбежной, если мы не стремимся достигнуть самой сути того, что являет Христос.

Задумаемся об этом предательстве Иуды, постараемся увидеть, какое страдание приносит зло мира Господу и как оно проявляется в наше время, в нас. Чисто человечески апостолов можно понять. Они недоумевали, когда же наконец их Учитель начнет делать то, что нужно делать, — изгонит римлян из страны, восстановит Свой престол, как Давид в Иерусалиме, чтобы царствовать на земле Божией, «наченши от Иерусалима». Когда Он совершит это? Путь с Ним — как плавание в лодке по озеру Тивериадскому: слишком долгий и медленный. Почему Он не предпринимает решающих шагов, теряет время со слепыми, хромыми и глухими? Занимается тем, что не имеет существенного значения? Апостолы ожидают, когда наступит Его земное царство экономического процветания, политической независимости. И чудеса, которые

Он творит, для них только залог этого замечательного будущего.

Это было во времена земной жизни Спасителя. И теперь, несмотря на то что Господь уже все совершил, многие из нас воспринимают Его все так же. Почему Он все время говорит о Царстве Небесном, о том, что это Царство подобно драгоценной жемчужине? Что это значит для нас — сокровище, найденное в поле? Какая польза от заповедей блаженств в борьбе с нашими оккупантами? Когда же, наконец, услышим мы от Него слово, подобное зову Маккавеев, вступивших в схватку с врагами Отечества? Удивительно, почему апостолы не сказали Ему этого раньше: «Ты не Тот, Кого мы ждали, Ты обманул наши ожидания»?

И были еще так называемые зилоты — члены движения сопротивления, в том числе среди апостолов. Симон Зилот, Иуда (имя Искарот, по некоторым толкованиям, означает «сикарий» — человек с кинжалом). Может быть, к ним относился и Симон Петр — иначе не очень понятно, как он оказался в Гефсиманском саду с мечом. Освобождение Отечества от иноземных захватчиков было для зилотов первостепенной задачей. Невозможно нам не сочувствовать им сегодня. Для каждого народа Родина — как родная мать. Но вот в чем вопрос: что для нас дороже всего — Бог, Его заповеди, Его святая воля или что-то другое, каким бы дорогим оно для нас ни было? Если не будет у нас

в первую очередь противостояния врагам Божиим, духовному растлению народа, останется только снова повторять: кому нужна такая Россия? Какой смысл имеет патриотизм Содомы? Не надо занимать Россию войсками НАТО или, наоборот, — почему бы им ее не занять, если все сердца уже заняли полчища сатанинские. Невозможно сравнивать с нашей Россией то, что было тогда в Израиле, но по сути ученики Христовы оказались перед тем же самым искушением — поставить земное впереди небесного.

Будем внимательны, потому что речь идет о Церкви, о том, чтобы нам не явиться неверными смыслу и духу того, что хочет совершить с нами Господь. Церковь идет вслед за Своим Господом путем исповедничества и мученичества. И сегодня ее снова поносят, злословят, пытаются смешать с грязью, радуясь тому, что она состоит из грешных людей.

Кроме того, у апостолов, несомненно, была личная заинтересованность. Ученики спрашивают, кто из них больший (см.: Мф. 18:1). А мать сыновей Зеведеевых говорит Христу: *Скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем* (Мф. 20:21). Это значит, что апостолы надеются получить власть в Царстве, о котором Христос все время проповедует. Даже после Воскресения, будучи свидетелями его, они спрашивают: *Не в сие ли время, Господи,*

восстанавлиешь Ты царство Израилью? (Деян. 1:6). И это происходит после Пасхи! Господь не отвечает на вопрос, но возвещает о пришествии Духа Святого, Который просветит их и откроет им ум к разумению Божественных тайн.

Может быть, следует удивляться не тому, что только один ученик предал Его, а тому, что не все. В самом деле, Петр отрекся от Него, а остальные, оставив Его, бежали.

Есть еще и такое объяснение предательства Иуды. Иуда решился на предательство после помазания Господа в Вифании драгоценным миром. Это было для него соблазном. Он не мог допустить такой немыслимой траты денег. Никто не употребляет такое количество мира за один раз, разбивая сосуд, достаточно капнуть всего несколько капель. В Евангелии сказано, что весь дом наполнился благоуханием (Ин. 12:3). Это благоухание исходило от женщины, щедрость дара которой диктовалась ее любовью. Знающий цену всему, Иуда был взбешен. «Разве не могло быть это миро продано и деньги розданы нищим?» (см.: Ин. 12:5). Может быть, именно в этот момент он решил предать Христа, заговорившего о Своей смерти. Господь сказал: *Она сберегла это миро на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда* (Ин. 12:7–8). «Если Христос должен умереть, — решил Иуда, — значит не Он избавит Израиль от римского владычества, и мне не стать никогда

министром финансов. Я обманулся, последовав за Ним, думая, что Он открывает великий путь. Но теперь все кончено. Какую пользу могу я еще извлечь из Него?» Только тридцать сребреников — цену раба, согласно Книге Исход (см.: Исх. 21:32), вот весь его интерес. Иуда надеется, может быть, еще заставить Христа совершить необыкновенное, зрелищное чудо. Может быть, он сказал фарисеям: «Я знаю Его хорошо. Уже три года я хожу с Ним. Он может сделать все что хотите. Я видел сам, как Он ставил на ноги хромых и возвращал зрение слепым. Он сможет, если захочет. Мы должны заставить Его. Надо прижать Его хорошенько, и вы увидите, Он Себя покажет. Это — невероятный человек. Надо арестовать Его, связать Его. И, скованный цепями, я знаю, Он обнаружит, на что Он способен: все цепи спадут, и в этот момент, наконец, мы можем использовать Его как надо». Использовать Бога! Христос сказал в Гефсимании: «Я мог бы призвать легионы Ангелов» (см.: Мф. 26:53). И они умоляли Его, наверное, сделать это. Но Он смирял Себя, ибо, если бы Он призвал легионы Ангелов, Он явил бы миру ложного бога, ложную силу, — бога, которого не существует.

Постараемся увидеть глубину происходящего: Его будут обвинять, Его загонят в угол, Его будут заставлять совершить поражающее всех чудо. «Если Ты Сын Божий, сойди с Креста, и мы поверим в Тебя» (см.: Мф. 27:40). Но Господь твердо идет

Своим путем, потому что Он может явить только одно чудо — любовь. А любовь заключается в том, чтобы умереть за тех, кого любишь. Не существует другого доказательства любви. Господь восходит к смерти. Он являет истинное всемогущество Божие, силу, которая идет до смерти, силу любви до смерти.

А Иуда говорит, что для него остается только одно — покончить с собой. Именно это он и делает, оказавшись в аду отчаяния. Как и всякий, кто, совершив предательство, не хочет с покаянием обратиться к Богу, предлагающему спасение Своим Крестом и Воскресением всем без исключения.

Любовь и сражение со злом едины

Христос знает, что Он исшел от любви, что Он идет к любви и что Он Сам любовь. Эту любовь Он хочет дать Своим всецело и с щедростью. Он явит эту любовь до конца, до Креста. Он весь обращен к Своим, к тем, кого Он возлюбил любовью, которую Он имеет к Отцу.

...Диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искарйоту предать Его (Ин. 13:2). Предельное нечестие диавола рядом с предельной любовью Господа. Но это близкое соседство совершенно сокрыто. Никто из апостолов, собранных вокруг Трапезы, не мог помыслить, что здесь в одном из присутствующих был Бог Живой, а в другом — диавол. И эти двое были за одной Трапезой — Господь,

весь любовь, и Иуда, одержимый преступным замыслом.

Любовь Господа столь сильна, что диавол ничего не может против Него. Но хрупкая любовь других учеников, сидящих вокруг той же Трапезы, присоединится к предательству Иуды, хотя они не знают сейчас об этом. Где христианская любовь, там сатана — недалеко. Он зорко высматривает, где ослабевает, охладевает подлинная любовь, где она уже только носит именование любви, а на самом деле противоположна ей. Присутствие диавола за той же Трапезой обязывает христианскую любовь даже в простых земных радостях, благословенных Богом, и тем более в прикосновении к святыне, бодрствовать без расслабления и быть готовой к нападению зла.

Неверие не может постоянно оставаться сокрытым. Рано или поздно оно перейдет в открытое отступничество. Раскрытие смысла Христова благовестия может привести не к «росту Церкви», а к противоположному. В Евангелии ясно показано, как открытое слово Господа о Кресте вызывает у Его ближайших учеников смятение. Не зря они спрашивают на Тайной Вечере: «Не я ли, Господи?» Все они были избраны Христом, и они с Ним — по Его избранию, не по своему выбору. Однако вера и неверие остаются реальными внутри Церкви, даже среди избранных Господом. Так было с самого начала. Господь избрал их и призвал их, но они

свободны — свободны быть с Ним или оставить Его. Господь никогда не изгонит никого из приходящих к Нему. Но никогда Он не будет заклинять, убеждать или подкупать кого-то остаться с Ним самой прекрасной перспективой. Поэтому всегда в Его Церкви будут и те, кто не верует и кто в конце предаст Его. Веровать — значит быть приведенным на место Тайной Вечери и к подножию Креста Господня, где человек узнаёт, что Он должен совершенно положиться во всем на Господа, и только на Него одного.

Мы не можем сказать, как обретаёт диавол доступ в человеческое сердце. Но есть такие грехи, исключительно греховные по своей природе, что ясно — сатана посеял их, и теперь они дают свои зловещие всходы. Чем неистовей злоба врагов Церкви, тем усердней должны мы готовиться к худшему, которое не замедлит наступить. Прежде Тайной Вечери Иуда уже попал в сеть диавола, и теперь диавол целится в Петра и всех присутствующих за Трапезой апостолов. Господь попускает злу раскрыться до конца, чтобы до конца испытать верность любящих Его. *Се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу* (Лк. 22:31). Но Господу надо укрепить Своих учеников против диавола. Когда волк схватит одну овцу, пастырь должен особенно бдительно заботиться о других.

Если христиане не будут осознавать, что они причащаются Господу, чтобы сражаться против

дьявола, их христианство превратится в поверхностный оптимизм, место серьезной любви займет легкомысленная восторженность. Любовь и сражение со злом едины. Любовь делает все, что в ее власти: она ограничивает себя, старается очистить себя, чтобы приготовиться к приходу Господа. Великий пост, например, служит для глубокого приготовления к Страстной седмице. Это время должно быть не просто ожиданием, когда Господь призовет нас к особому воздержанию. Мы должны сами устремляться к нему, как бы опережая установленное Церковью, свидетельствуя о своей благодарности Господу. Но мы знаем, что наши усилия немощны и все может совершиться только по дару благодати Господней. Точно так же — и во всех наших праздниках, и в служении Евхаристии. Божественные праздники становятся праздниками только тогда, когда мы совершаем их вместе с Господом, соединяясь с Ним во Святом Причащении. И за нашу решимость противостоять всем искушениям врага Господь сподобляет нас дара увидеть тайну, в которую *желают проникнуть Ангелы* (1 Пет. 1:12).

Предательство и верность

Прежде чем пригласить всех нас на великое причащение вместе с апостолами в Сионской горнице, Церковь вспоминает об исключительном даре грешной женщины Господу. Мы постоянно

говорим, что к причастию надо готовиться всю жизнь. Но чем ближе событие нашего соединения с Богом, тем строже должны мы испытывать себя.

В среду Страстной седмицы «во многие грехи впадшая жена» перед лицом всей Церкви со слезами совершает пророческое помазание погребения Господа и волосами отирает ноги Его. И в этом можно видеть посвящение на женское служение — пророчество и сострадание, а также — целомудрие и милосердие. Она сделала то, что только она одна могла сделать, что относится к служению женщины, и это служение должно быть продолжено во всем мире вместе с апостольской проповедью заповедей блаженств. Это действие сострадания соединяется со смиренной любовью, умывающей на Тайной Вечере ноги учеников. Два омовения нераздельны, одно — пророческое, оставленное преимущественно женщинам, другое — священническое, оставленное апостолам. Одно — со слезами сострадания, другое — с водою таинства.

Это было в Вифании, в селении недалеко от Иерусалима, в доме человека, которого Евангелие называет Симоном прокаженным. Может быть, он был одним из тех, кого Христос чудесно очистил от проказы, и хотел выразить свою благодарность Господу, позвав Его к себе на обед. И Христос, пришедший в мир исцелить род человеческий от проказы греха, не гнушающийся самыми великими грешниками, приходит к нему.

У этой женщины был сосуд драгоценного мира, который она, движимая благодатью, вылила на главу Христа, когда Он возлежал за трапезой. Даже чисто внешне тогда в Израиле это воспринималось как высший знак почтения и благоговения. Но здесь это было воистину исповедание ее веры в Господа, во Христа, в Помазанника Божия. Помазанник Божий должен быть помазан и здесь, на земле; Он должен быть и нашим помазанником.

Эта женщина, которая *возлюбила много*, умывает ноги Спасителя, возливает на Него миро, смешанное со слезами. Там, где подлинная любовь ко Христу, никто не должен удивляться тому, что здесь происходит. Потому что никакой дар не может показаться слишком щедрым там, где подлинная любовь. И невозможно сказать, что приношение, которое мы приносим, достаточно. Некоторые спрашивают, сколько раз нужно ходить в храм, сколько жертвовать на Церковь, сколько молиться... Святая Церковь говорит нам сегодня, что мы еще не начинали быть христианами, если мы думаем, сколько прилично будет принести Христу и Его Церкви.

Однако научиться жить по-христиански оказывается не так-то просто. «Зачем такая трата?» — говорит не кто-нибудь, а ученики Христовы! То, что мы порой принимаем как недостаток благоразумия, Бог принимает как избыточествующую любовь. Такое отсутствие щедрости любви,

такое благоразумие могут оказаться очень опасными. Ученики Христовы говорят о напрасной трате, в то время как Сам Христос свидетельствует об этом как о подлинной любви. Мы должны остерегаться считать излишним какой-либо труд или какое-либо дело, совершаемое нами или другими людьми ради Христа.

Посмотрите, как оправдываются при этом ученики Христовы: «Это миро могло быть продано за большую цену, а деньги розданы нищим». Господь упрекает Своих учеников за обиду, которую они наносят этими словами плачущей женщине: «Что труждаете жену?» Это значит, что немало огорчений могут доставлять подлинно благочестивым людям, то есть любящим Господа людям, те, кто хотели бы все ввести в рамки своей бездушной рассудительности. Или ничего для нас не значит, что Христос так опечален этим накануне Своих крестных страданий? Христос выступает здесь против всех Своих учеников и встает на сторону этой приносящей с рыданием миро женщины. И внезапно нам открываются в новом свете ранее сказанные Им слова: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих* (Мф. 18:10), потому что воистину эти «малые», те, кто «последние», — становятся первыми пред Господом.

Человек, которому больше всего не понравилось то, что делает эта женщина, как говорит Евангелие от Иоанна, был Иуда, один из Христовых

учеников. Иуда был апостол, проповедник Евангелия, и он был тот, кто осудил эту женщину за щедрость ее любви. Печально видеть человека в Церкви, когда его жизнь ограничивается только внешним служением. Но это был тот, кто должен был предать Христа.

Вместе с женой, помазывающей миром Господа, мы вспоминаем накануне Великого Четверга и предательство Иуды. С самым великим, что было принесено человечеством накануне Его крестной смерти, открылось и самое низкое и подлое, что может совершить человек. В течение всей нашей жизни постом и молитвой мы должны хранить память об этом дне. Церковь распространяет этот день на все среды года, заботясь о том, чтобы когда-нибудь мы наконец поняли, что такое предательство и что такое верность, и что эти качества прежде всего определяют человека.

Посмотрите, какой благочестивый предлог находит Иуда, чтобы скрыть свое неудовольствие. «Почему бы не продать это миро и не раздать деньги нищим?» (см.: Ин. 12:5) — ведь это он первый сказал эти слова. Перед нами мудрость мира сего, проникшая в Церковь. Всякую истинную ревность по Боге она готова назвать ревностью не по разуму. Те, кто гордится своей внешней деятельностью и свысока смотрит на других за их серьезное благочестие, имеют в себе больше «иудиного окаянства», чем они думают. Мы видим

нищелюбие, заботу о делах милосердия, которыми прикрывается сребролюбие. Корень всех зол — сребролюбие, а дверь, открывающая путь всем грехам, — предательство. Иуда же сказал это *не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор* (Ин. 12:6). Что ему нищие, для чего они ему, если не для того, чтобы они служили его низким интересам?

Церковь обращает наше внимание накануне самых великих событий нашей жизни на то, что лицемерие — самый гнусный грех и что этот грех очень распространен и в мире, и в ней самой. Так, иные могут на словах горячо отстаивать интересы Отечества и даже интересы Церкви, будучи совершенно равнодушными к судьбе Церкви и Отечества, и под предлогом этого думают только о том, как им лучше устроиться. А лучше всего было бы для Иуды получить цену этого благоуханного мира в деньгах, так сказать, наличными, как получит он, когда придет к первосвященникам и скажет: *Что вы дадите мне, и я вам предам Его?* (Мф. 26:15). Хлеб жизни примет в руку предатель, и в эту же руку вложат ему тридцать сребреников, так что он таким вот образом заключит сделку с дьяволом, и назад уже не будет для него дороги. Поразительно, что другие ученики поддаются не задумываясь этому чуждому гласу (см.: Мк. 14:5). Здесь ситуация, во многом напоминающая то, когда Христос сказал Петру: *Отойди от Меня, сатана! Ты Мне*

соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мф. 16:23).

Будем внимательны все к слышанному, не думая самонадеянно, что когда Господь скажет: *Один из вас предаст Меня* (Мф. 26:21), будто это к нам ни в коей мере не относится. Апостолы, услышав это, начали говорить друг другу: *Не я ли, Господи?* Никто из них не подозревал Иуду. Вор был Иуда, но никто из них даже не взглянул на него, никто не сказал: «Господи, это Иуда?» Лицемер может пройти через жизнь не только необнаруженным, но даже неподозреваемым, точно так же, как деньги, добытые преступным путем, выглядят как обычные деньги, так что никто не спрашивает, откуда они. Апостолы готовы были скорее подозревать себя, чем кого бы то ни было. *Не я ли, Господи?* (Мф. 26:22). Они боялись худшего и вопрошали Того, Кто знает нас лучше, чем мы знаем себя.

Не я ли, Господи? Мы знаем, сколь сильному искушению мы можем быть подвергнуты, но мы не знаем глубины того искушения, которое может попустить Господь. Мы не знаем, до какой степени мы можем быть оставлены Богом. И потому у нас есть причины сегодня и всегда молиться так, как Святая Церковь говорит сегодня в стихире: не высокая мудрствовать о себе, а исполняться страха.

И мы видим, как связано то, что произошло в доме Симона прокаженного, с преданием

на смерть нашего Господа. Христос говорит Своим апостолам: *Нищих всегда имейте с собою, а Меня не всегда* (Мф. 26:11). У нас воистину всегда есть возможность делать добро. Промысл Божий об этом очень хорошо заботится. Не бывает и не будет никогда такого, чтобы мы оказались лишены такой возможности. И мы должны стараться постоянно ее использовать. Никто из тех, у кого сердце стремится к добру, не сможет никогда пожаловаться, что ему недостает для этого возможности. И чем дальше идет история человечества, чем больше зла и беззакония в мире, тем больше несчастья у людей и тем больше дает нам Господь возможностей делать добро.

Но есть такое особенное добро, которое не слишком часто мы можем совершать, но которое должно быть всегда предпочтительно нами всему остальному. «А Меня вы не всегда имейте», — говорит Христос. Бог всегда должен быть на первом месте. Однако бывает особенное время, когда всё, даже наши добрые дела, должны как бы отступить на задний план, потому что Сам Господь приблизился к нам и Сам хочет вступить с нами в общение. От того, как мы Его примем, будет зависеть вся наша жизнь — земная и вечная. Такое происходит в Страстные дни. Наша жизнь зависит от того, как мы принимаем Господа, как мы участвуем в том, что с Ним происходит. На Страстной неделе не совершаются ни молебны, ни панихиды, а то,

что будет с нами и с нашими близкими, зависит от того, как мы приобщаемся страданиям Христовым. И если мы в этом не участвуем, если мы не видим, что пришел час, когда решается все, то, конечно же, мы все потеряем — всякое добро и всю нашу жизнь. Потому-то Господь и воздаст великую похвалу доброму делу этой грешной женщины.

Смысл ее доброго дела глубоко таинственен. *Она приготовила Меня к погребению* (Мф. 26:12), — говорит Господь. Ей дано было лучше, чем апостолам, услышать неоднократные пророчества Христа о Его страданиях и смерти. Сам Христос говорит об этом. Среди сгущающегося вокруг Него мрака ненависти, трусости и предательства этот поступок сияет как свет. День погребения Господа приблизился, и она помазует Его тело, как будто оно уже снято с Креста.

Церковь призывается излить на Него мир всей своей любви. То, что *дом наполнился благоуханием* (Ин. 12:3), сказано о Доме Божиим — о Церкви нашей. Через все века святые, те, кто имеет в своих сердцах Христа, распространяют вокруг себя это благоухание. Так что по дару Христа, Которого Церковь именует в этот день нетленным Миром жизни, даже от их изображений порой исходит это благоуханное миро.

То, что эта женщина сделала, столь значительно, что пока в мире будет звучать проповедь о Христе, распятом и воскресшем, будет вспоминаться

и то, что она сотворила. Вся честь и слава принадлежат Господу, однако и святые, любящие Господа люди никогда не бывают забыты Церковью. Самое главное в христианстве — отдающая себя до конца любовь. Все заключается в тайне соединения Бога и человека, которой мы приобщаемся на Тайной Вечере, в нашей способности принять от Христа дар Его крестной Жертвы.

Великий Четверг

Церковь — слуга всех по образу Христа

Тайная Вечера — дар особенной милости в жизни Господа Иисуса Христа и в истории всей Его Церкви. Является ли он таковым для нас? В жизни Господа Иисуса Христа это одновременно страшный и чудесный день. День, когда Господь укрепляет самых близких Своих учеников в преподанной им Трапезе. Он совершает таинство пасхального перехода в ожидании Своих крестных Страстей и смерти. В этом — Его служение, на которое Он послан. Неизбежность предстоящего не есть для Господа нечто фатальное, Он вольно принимает ее. Не то чтобы Он желал Своей смерти, но Он желает всего, что хочет извлечь из Его смерти Отец Небесный, — Тот, Кто знает, как извлечь добро из зла.

Никто не отнимает у Меня жизнь, но Я Сам отдаю ее (ср.: Ин. 10:18), — говорит Христос. Так Он дает нам уразуметь движения Своих рук в этом страшном и непостижимом таинстве и Свои слова: *Сие есть Тело Мое, которое за вас предается... Сия чаша есть Новый Завет в Моей Крови, которая за вас проливается* (Лк. 22:19–20). Ученики поймут это позднее. Сегодня они видят только огромную любовь, которая их наполняет. И скоро им откроются пророчества: *один из вас предаст Меня* (Мф. 26:21) и *в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня* (ст. 34). Да, эту тайну любви крестных Страстей изображает Великий Четверг.

Но это также Воскресение, которое присутствует на Тайной Вечере. Господь возвещает, что ученики должны будут повторять те же самые таинственные жесты, те же самые слова. И Он возвещает, что все это будет совершаться ради спасения мира. Эта последняя трапеза — поистине возвешение о рождении Церкви, происходящем уже сейчас. Уже сейчас все наши литургии — здесь, в этом смиренном богослужении в Сионской горнице. Мы знаем, что наши Евхаристии не прибавляют ничего к жертве, которую Господь принес между Великим Четвергом и Великой Пятницей.

Но цель Евхаристии — в том, чтобы Церковь стала слугою всех по образу Самого Спасителя. Повествование об умовении ног мы находим

только у апостола Иоанна Богослова. Он ничего не говорит об установлении Евхаристии. Разумеется, ему известно, что три других евангелиста дали это описание. Но в Евангелии от Иоанна смысл совершаемого таинства раскрывается через событие умовения ног. После того как Христос умыл ученикам ноги, Он говорит им: *Вы называете Меня Учителем и Господом... Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу* (Ин. 13:13, 14).

Служение Церкви — умывать ноги людям. Служение Церкви — служение человечеству. Это должно быть знамением ее подлинности. Умывать ноги нищим — служение, которое Церковь должна осуществлять сегодня по отношению ко всем людям. Потому что все люди являются нищими перед Богом. Размышляя о заповедях блаженств, о тайне спасения, мы говорим о любви — о том, что все люди нуждаются в Христовом утешении.

Мы являемся членами Христовой Церкви. Если мы на самом деле верим в таинство Евхаристии, то для нас это не просто святое воспоминание, превосходящее всякое другое. Евхаристия ничего не значит, если она не служит реально нашему соединению с Богом. Это небесная пища, которая дает нам жизнь на каждый день, силу, радость, возможность стать Телом Христовым. Но нам надо понять это реально, всем своим существом и, если можно так выразиться, телесно. Чтобы присутст-

воват в мире людей в этом времени, в котором мы живем. У Христа нет другого Тела, кроме христиан. Когда Господь хочет увидеть страдания людей, Он делает это нашими глазами. Когда Он хочет дать Свою любовь людям, живущим рядом с нами, Он делает это через наши сердца. Когда Он хочет пойти навстречу нищим и несчастным, Он делает это нашими ногами и помогает им нашими руками. Может ли эта реальность, эта правда сделать нашу христианскую веру знанием — самым простым и самым непоколебимым?

Мы — Тело Христово. Чтобы не лишиться нам Христа, воскресшего из мертвых, есть одно только средство — изо всех сил стараться жить по заповедям Христовым и причащаться Святых Христовых Таин. В них Он дает сегодня нам всю любовь, которой мы любимы нашим Отцом Небесным.

Начало последней войны

Приближался праздник опресноков, называемый Пасхою, и искали первосвященники и книжники, как бы погубить Его, потому что боялись народа (Лк. 22:1–2). Этот праздник — воспоминание об избавлении Израиля от египетского рабства и прообразование той ночи бдения Господу, когда Бог сокрушит железное иго, как сказано в Книге Исход (Исх. 12:42), и навеки освободит Свой народ от всякого рабства. И по мере приближения этого праздника первосвященники и книжники, забыв

о всех своих богословских проблемах, думают об одном — как погубить Христа, невзирая на народ, все более явно идущий за Ним. Что предпринять, несмотря на свой страх перед народом? В храме Господь возвестил суд над Иерусалимом и духовными вождями его. Только после этого враги Христовы приступают к осуществлению своего заговора. Они ищут, как бы им избавиться от Него.

Решение приходит от сатаны, достигающего успеха среди самих двенадцати. Начало Страстей Христовых Евангелие от Луки связывает с указанием на того, кто олицетворяет силы зла. После искушения Господа в пустыне *диавол отошел от Него до времени* (Лк. 4:13), и теперь это время последнего сражения Господа приходит. Сатана овладевает Иудой и старается поколебать Петра. Праздник Пасхи становится часом власти тьмы. Господь должен сразиться со всеми силами зла, чтобы явиться Победителем смерти. События Пасхи Господней — глубже, чем просто противостояние между Христом и религиозными вождями этого народа. Однако потребуются *предать Его им не при народе* (Лк. 22:6) и вмешательство одного из двенадцати.

Предательство Иуды совершается под действием сатаны и связано с деньгами (точно так же в Книге Деяний произойдет с Ананией и Сапфирой). Итак, Искарот, один из двенадцати, начинает искать «удобного времени», как и иудейские власти, и составляет первое звено в цепи тех, кто

предает Господа из рук в руки, — вплоть до воинов, распинающих Его, — ибо *Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников* (Лк. 24:7).

Невозможно понять, как один из тех, кто знал Христа столь близко, мог предать Его. Это было делом диавола. Всякого, кто предает Христа или Его учение, или Его пути, сатана научает так поступить. Однако несомненно одно: сатана не мог бы войти в Иуду, если бы тот не открыл ему свое сердце. Не зря говорят, что человеческое сердце — дверь, которая открывается только изнутри. Это значит, что только от нас зависит, будем мы служителями сатаны или служителями Божиими, — и третьего не дано.

Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца (Лк. 22:7). Праздник, который приближался, настал. Божественный замысел спасения рода человеческого — в тайне пасхального агнца, его надлежит заколоть. Потому Господь и послал Петра и Иоанна, сказав: *Пойдите, приготовьте нам есть пасху* (ст. 8). Событие обретает бесконечно глубокое значение. Господь избирает двух апостолов — из числа тех трех, призванных после чудесной ловли рыб на озере Геннисаретском, свидетелей воскрешения дочери Иаира и Преображения. Сатана вступает в последнюю войну с Господом, а Господь начинает празднование Пасхи. Пасха Господня должна

стать завершением пасхальной трапезы Ветхого Завета. Потому Святая Церковь восклицает накануне Пасхи Христовой: «Не яко иудее празднуем». И апостол Павел говорит: *Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины* (1 Кор. 5:7–8).

В стене Церкви открылся пролом

И пошел Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им (Мк. 14:10). Мы видим ликование врагов Христовых. Они и вообразить не могли, что кто-то из близких ко Господу окажется таким. Дух злобы, который действует во всех сынах противления, знает, как соединить их вместе, чтобы они содействовали друг другу. Евангелие подчеркивает, что Иуда был *один из двенадцати*. Это значит, что в момент крестных страданий апостолы стали «домом, разделившимся в самом себе» (см.: Мк. 3:25).

Такой дом не может устоять. В стене Церкви открылся пролом, через который, как змей, поползает зло. В плоде древа жизни — червь. Когда Господь будет взят, все ученики разбегутся (см.: Мк. 14:50). А Иуда, совершив свое гнусное дело, уходит с набитым кошельком. Предательство ведет к обогащению, а верность Господу — к нищете

и страданиям, ко все большему приобщению Его Кресту.

В первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? Мы пойдем и приготовим (Мк. 14:12). Господь посылает Своих учеников найти место, где Он намеревается вкусить пасху: *Пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним* (ст. 13). Нет сомнения, что жители Иерусалима приготовили комнаты для сдачи паломникам, прибывающим во множестве на Пасху, и одной из них воспользовался Христос. Вероятно, Он должен пойти туда, где Его не знали, с тем чтобы никто не беспокоил Его учеников.

Господь дает посланным двум ученикам, как и накануне Его торжественного входа в Иерусалим, знамение, по которому они могут узнать место. Им встретится человек, несущий кувшин воды. Кажется, Промысл Божий от вечности предусмотрел приближение этого торжественного момента. Может быть, Господь хотел указать этим знамением, что Он благоволит обитать в чистом сердце, — том, которое омыто чистой водой. Не это ли означает умовение рук священниками перед началом Божественной литургии?

Господь вкушает пасху в горнице большой, усталой, готовой. Свою повседневную пищу Он мог принимать где угодно, даже сидя на траве.

Но когда приходит час священной Трапезы, Он избирает самое лучшее место, какое только есть. Господь приходит с двенадцатью, и Иуда с ними, чтобы никто не мог заподозрить его в предательстве. Христос не исключает его из Тайной Вечери, хотя знает о его намерении, ибо оно еще не обнаружилось перед всеми. Это радость общения с Господом и друг с другом, и в то же время в ней присутствует час тьмы. Господь говорит о предателе, но не называет его. Он — *просто один из двенадцати, ядущий со Мною* (Мк. 14:18, 20).

Господь хочет разбудить совесть Иуды и покаянием отвести его от края бездны. Но это предупреждение нимало не подействовало на Иуду. Все были поражены словом Божиим. Они опечалились, и их печаль была горькими травами, с которыми им надлежало вкусить пасху. Они стали подзревать каждый себя и говорить один за другим: «Не я ли?» Ибо Закон любви предписывает нам всегда надеяться, и мы по справедливости больше знаем плохого о себе, чем о других. Но мы должны больше доверять словам Господа, чем своим сердцам. И Господь уточняет: *Один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо* (Мк. 14:20).

Но Иуда как ни в чем не бывало не отступает от своего замысла. Хотя слова Господа должны бы рассекь его, как острие меча: *Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться* (Мк. 14:21). Может

быть, Иуда утешал себя мыслью, что его Учитель часто говорил о том, что Он должен быть предан. И если это должно совершиться, Бог не поставит в вину тому, кто это совершит. Но Христос говорит ему, что предательству не должно быть извинения: *Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться.*

И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая (Мк. 14:22–24). Господь совершил Тайную Вечерю Своим Божественным благословением и благодарением. Божественная Евхаристия — наше благодарение за все дары Промысла Божия и за сугубый дар принесения нам Господом Себя. «Когда мы благодарим Бога, — говорит святитель Григорий Богослов, — мы становимся едиными с Ним». Евхаристия была установлена в воспоминание крестной смерти Господа, и Он предваряет ее преломлением хлеба. И вино Евхаристии становится Кровью Нового Завета, ибо это — новый союз Бога с Его народом, с новым человечеством, запечатлеваемый Кровью — ценою нашего искупления.

Эта Кровь — *за многих изливаемая* — ради приведения многих в славу сынов Божиих. Этой Крови достаточно для спасения многих.

В Откровении мы видим *великое множество людей, которого никто не мог перечесать... они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца* (Откр. 7:9, 14), и по-прежнему этот источник неиссякаем. Какое утешение — знать, что эта Кровь изливается за многих! Если за многих, то и не я ли в числе их, Господи? Она — за грешников, из которых я первый, значит, и за меня. Это Таинство установлено ввиду будущего небесного блаженства. Как знамение и предвкушение его, Господь приносит Себя за спасение мира. И по ту сторону Его смерти — победа. Он возвещает торжество Царства Божия на трапезе для всех народов земли, где течет *новое вино* (Мк. 14:25), потому что смерть — последняя преграда — поглощена навеки (см.: Ис. 25:6–9). Но это Таинство обращено прежде всего к нашей земной жизни: принимая жизнь Того, Кто отдает всего Себя, как можем мы не отдавать себя Ему?

И говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь (Мк. 14:27). Господь знает об этом заранее и тем не менее делает их участниками Своей Трапезы. И мы не должны уклоняться от причастия Тела и Крови Христовых из-за боязни снова впасть в прежние грехи. Чем больше опасность, тем больше нуждаемся мы в укреплении благодатью таинств. Мы должны исполняться решимостью хранить верность этому дару до последних сил. Но если и одолеет нас враг, тотчас вставать

и снова обращаться к непобедимой любви и силе Господней.

После Тайной Вечери по дороге к горе Елеонской Господь напоминает ученикам пророчество Захарии о том, какими страшными могут быть испытания: *Поражу пастыря, и рассеются овцы* (Мк. 14:27). Две трети из них погибнут, говорит пророк, и одна треть должна будет пройти через очистительный огонь, чтобы составить остаток, созидающий будущее. *И введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото: они будут призывать имя Мое, и Я услышу их и скажу: «это Мой народ», и они скажут: «Господь — Бог мой!»* (Зах. 13:9).

Это произойдет с апостолами. Вслед за кажущимся поражением Господа последует их падение — несмотря на все их из глубины сердца идущие обещания верности. Однако восстанут от падения более, чем одна треть, — одиннадцать из двенадцати. Ибо Господь всегда идет впереди их. Он шел впереди них, когда они восходили в Иерусалим (см.: Мк. 10:32). Он будет предварять их по Своем Воскресении, чтобы вывести их из состояния смерти и привести в Галилею, откуда проповедь о победе Божией будет распространяться по всему миру.

Петр сказал Господу: *Если и все соблазняются, но не я* (Мк. 14:29). Он был уверен, что если и весь мир отречется от Христа, то он — никогда.

Но Господь говорит ему, что он поступит хуже, чем все остальные. Все оставят Христа, а он отречется от Него, и не один раз, а трижды. И это произойдет очень скоро. *Ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня* (Мк. 14:30). Но Петр не отступает от своего обещания: *Хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя* (ст. 31). И он не сомневается, что все будет именно так. Иуда не говорил ничего подобного, когда Христос сказал ему, что он будет предателем. Его грех был сознательным и обдуманным. А Петр был внезапно накрыт волной греха. И все, кто говорил: «не я ли, Господи», теперь говорят: «я никогда не отрекусь от Тебя». Избавившись от страха стать предателями Христа, они почувствовали себя в безопасности. Но кто думает, что стоит, должен остерегаться, чтобы не упасть.

И далее — Гефсимания, сад из оливковых деревьев, расположенный у горы Елеонской, напротив храма. Господь вступает в Свои крестные страдания, и со страхом и трепетом мы предстоим перед тайной нашего спасения. *И Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь* (Мк. 14:32). До этого Он молился с ними, а теперь Он один идет к Отцу.

В этот час Богочеловек Иисус Христос более всего желает общения с Богом Отцом, но также и человеческого общения. *Не хорошо быть человеку одному* (Быт. 2:18), — сказал Бог в начале.

В час великих испытаний мы хотим, чтобы кто-то был рядом с нами. Необязательно, чтобы он что-то делал или говорил, достаточно одного его присутствия. И мы видим, что те, кто только что клялся умереть за Него, не могут победить с Ним и одного часа. Но никто не может обвинить их, потому что есть предел человеческих сил.

Господь берет в Свою уединенную молитву Петра, Иакова и Иоанна, трех свидетелей Его гефсиманского уничижения. До этого они были очевидцами воскрешения дочери Иаира и Преображения Господня. И они больше всех выражали желание пострадать с Ним: Петр только что — на Тайной Вечере, Иаков и Иоанн — когда их мать просила, чтобы они были рядом с Господом в Его славе (см.: Мф. 20:20–22). И Господь берет их с Собою, чтобы они увидели, что не знают, чего просят. Подобаает самым верным быть испытанными первыми, чтобы они по-настоящему осознали свою немощь и научились надеяться только на Господа.

Господь — истинный человек. Нашего ради спасения Он до конца приобщается всей нашей обезбоженности и смертности. И Господь *начал ужасаться и тосковать* (Мк. 14:33). Святые отцы говорят, что тот ужас и мрак великий, который прошел некогда над Авраамом (см.: Быт. 15:12), прообразовал этот час. Никогда не было такого мрака на земле и такой скорби. *Душа моя скорбит*

смертельно (Мк. 14:34), — говорит Господь. Он стал грехом за нас и потому исполнился такой скорби! Он один в полноте знал ужас грехов, которые Он взял на Себя. Только Бог по-настоящему знает, как ужасен грех. Христос один любит Бога всем сердцем, всею мыслью, всею крепостью Своею, и для Него абсолютно невыносимо какое-либо прикосновение греха. И в то же время Он любит такой же совершенной любовью человека, убиваемого грехом. Потому Он должен стать клятвою за нас, и потому душа Его скорбит смертельно. Он должен *вкусить смерть за всех* (Евр. 2:9), испить до капли эту чашу со всею горечью ее. Если Христос так пострадал за нас, нам ли страшиться пострадать за Христа? Если Христос пострадал, сражаясь против греха, и мы должны вооружиться той же мыслью.

Господь молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей. И говорил: *Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты* (Мк. 14:36). Эта молитва созвучна с молитвой «Отче наш», которую мы произносим несколько раз в день. О, если бы каждый раз, произнося ее, мы возвращались бы к этому часу! Слово «авва» — «папа» — детский крик, взывающий о помощи к отцу. В устах Господа оно — острое сознание той единственной связи, которая соединяет Его лично с Отцом. «Да будет воля Твоя!» Воля Отчая — всегда благая и совершенная.

Если мы можем назвать Бога Отцом, все становится переносимым. Рука Отчая никогда не допустит, чтобы у Его чада пролилась хоть одна ненужная слеза. Это знал Христос, и потому Он вышел из искушения победителем. И это то, что по дару Христа должны знать и мы.

Бодрствуйте и молитесь, — говорит Господь, — *дух бодр, плоть же немощна* (Мк. 14:38). На языке Священного Писания «плоть» означает всего человека в его немощи. Он подвержен греху, если не следует «духу» — своей открытости Богу. Нам показан потрясающий контраст между сном (конечно же, не только телесным) учеников и молитвой бодрствования их Господа. Этот троекратный переход Господа от Отца к поверженным сном людям исполнен глубокого значения. «Три» в Евангелии — число непреклонности и твердости. Трижды повторяет Господь по дороге в Иерусалим о предстоящих Сыну Человеческому страданиях и смерти (см.: Мк. 8:31; 9:31; 10:32–34). Всякий раз Он говорит о неустрашимости Своего Креста — в противоположность человеческим ожиданиям. И здесь тройной призыв к бодрствованию и молитве обозначает все с предельной ясностью. Все ученики Христовы должны в своей молитве Господней непрестанно обращаться к Отцу: «Не введи нас во искушение». Бог не искушает никого, но Он попускает быть в нашей жизни таким испытаниям, когда наша

вера и наша вечная участь подвергаются опасности, если мы от всего сердца не обращаемся к Богу.

В Гефсимании сокрушается все, что было построено Господом с начала Его проповеди в Галилее. Тогда Господь возвестил: *Приблизилось Царствие Божие* (Мк. 1:15). Это приближение Царства, исполненное надежды, уступает здесь место другому приближению, о котором Господь говорит Своим ученикам: *Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Вот, приблизился предающий Меня* (Мк. 14:41, 42).

Разделение

Если предательство есть в сердце Церкви, то кто этот предатель? Кто виноват? Иуда возлежит рядом с возлюбленным учеником. Возлюбленный ученик склоняется к сердцу Господа, так что они могут говорить неслышно для других. И Петр делает знак возлюбленному ученику, спрашивая о всех них. И Господь, уже воздавший честь Иуде тем, что посадил его рядом с Собой, совершает новый жест любви. Обмакнув кусок в чашу, Он подает его Иуде. В этот момент любовь Христова становится Страшным Судом. Открывается вершина Тайной Вечери — разделение, суд — то, что является центральной темой Евангелия от Иоанна. *Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез*

Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы (Ин. 3:17–19). Так Иуда окончательно предает себя власти тьмы.

Но свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Ин. 1:5). Тайна того, что произошло, сказана тихо возлюбленному ученику. Она закрыта от других. Другие остаются с вопросом: «Не я ли, Господи?» — на который не получают ответа. Как будто на Тайной Вечере присутствует только Господь и возлюбленный ученик. Он — на персях Господа, подобно тому как Единородный Сын — в недре Отчем (Ин. 1:18), Тот, Кто молится Отцу о верующих в Него: Я в них, и Ты во Мне (Ин. 17:23). Возлюбленный ученик — у сердца Господа, и потому мы знаем, что истинно свидетельство его (Ин. 21:24).

Господь знает, что неверность одного из тех, кто разделяет с Ним Трапезу, входит в Божественный замысел спасения. Сын Человеческий идет по предназначению, — говорит Он. Но это предвидение нисколько не умаляет человеческой ответственности: горе тому человеку, которым Он предается (Лк. 22:22). Участие в Трапезе Господней не дает гарантии против неверности и отступничества. Вопросание апостолами друг

друга выражает этот ужас Церкви перед тем, что случилось с Иудой. И одновременно дает возможность каждому из нас задать тот же самый вопрос: «Не пойду ли и я сегодня, причастившись Христовых Таин, по стопам Иуды?»

Иуда покидает Тайную Вечерю и уходит в ночь. Разделение света и тьмы доходит до конца, и теперь Господь может обратиться к ученикам, к тем, которые приняли Его и являются чадами Божиими (см.: Ин. 1:12). С ними Господь начинает то, что должно быть совершено ради спасения мира.

Есть ночь Иуды, ночь греха, и есть ночь Господа, восходящего на Крест, и она светлее всякого света. Иуда идет туда, куда этот свет не проникает. Он идет вовне, далеко от Бога, чтобы исполнить свой замысел против Христа. Он уходит из света, нарочно закрыв глаза. Достаточно закрыть глаза, чтобы утверждать, что вокруг ночь. Если бы он открыл глаза, он тотчас бы увидел свет. Мы не должны быть ослепленными светом Господа, даже если этот свет, исходящий от Креста, настолько сильный, что создает для нас впечатление ночи. Человеческая ночь — отрицание света. Божественная ночь — высшее его утверждение. «Ночь не светла неверным», но Церковь проходит через ночь человеческой истории вместе с распятым и воскресшим Господом, причащаясь Его Святых Таин.

О достойном причащении

Единственная и великая пасхальная тайна совершается в Церкви, начиная со Страстной седмицы и до Пятидесятницы. Это есть основание нашего спасения и нашей веры. Она исходит от всецелого дара Христа Себя, прежде всего таинственного — за бессмертной Трапезой Великого Четверга, затем телесного — на Кресте в Великую Пятницу, до дара Духа Святого в Пятидесятницу — в этом переходе победы любви над злом и смертью, явленной Богом в Воскресении Христовом.

Тайная Вечеря, на которой мы присутствуем вместе с апостолами, — Пасха Господня. Мы стоим в самом центре нашего богослужебного года. Пасха Господня в нем — это то, вокруг чего все вращается. Пасхальная тайна освещает все другие тайны, придавая им истинное значение. Вся вера Церкви исходит отсюда, и то, что происходит за литургией Великого Четверга и во все пасхальные дни, — это раскрытие веры всех святых в течение столетий, это путь, которым нам надлежит идти без конца.

В этот период мы более, чем когда-либо, можем понять значение богослужения в нашей жизни. Оно все более и более погружает нас в глубины веры. И это погружение, это крещение длится всю нашу жизнь («крещение», по-гречески βάλτισμα, означает «погружение»). Оно не перестает посвящать нас в тайны новой жизни, которые мы постигаем не только разумом, но всем нашим существом,

всем нашим телом и нашей душой. Вот почему крещенные, которые воображают, будто можно быть верующими, не ходя в церковь, не участвуя в таинствах, в том числе в самых главных из них — Покаянии и Причащении, страшно ошибаются. Милостив Бог, и Он будет искать, какими другими путями, какими скорбями привести эти души ко спасению. Но какие сокровища не будут узнаны ими, какие богатства потеряны, какие открытия и радости попораны, какие зовы Духа Святого останутся незамеченными! Что касается тех, кто стоит в храме, — Церковь призывает продолжить этот путь со всеми святыми, с Самим Христом Богом.

Мы не имеем права отвернуться от этого пути только потому, что по нему трудно идти. Поститься нетрудно, нетрудно бичевать себя — трудно отвергнуться себя, своего эгоизма, стать подлинно свободным человеком, который не боится ни главы государства, ни министра внутренних дел, даже если это министерство именуется ГПУ или НКВД, никого. Церковь должна молиться за власти поддерживающие, даже если они являются ее гонителями, и относиться с уважением ко всем людям, но мы не должны никого бояться, кроме Бога.

Понимаем ли мы, что во времена небывалых в истории гонений Церковь выжила только благодаря святому таинству Евхаристии? Среди наших новых мучеников были священники, которые, находясь в соловецких или в колымских концлагерях,

из-за отсутствия вина служили литургию на клюквенном соке, рискуя поплатиться за это жизнью. Если не было антиминса — освященного шелкового плата с частицей мощей мученика, без чего не может совершаться таинство, — литургию служили на груди осужденного на смерть за веру во Христа Бога. А один из священномучеников, отец Анатолий Жураковский, не имея возможности участвовать в служении литургии, писал из тюрьмы своим духовным чадам: «Издалека целую землю, где совершается теперь Божественная Евхаристия». И одновременно исповедовал веру разбойника благоразумного как перед причастием: «Достойное по делам своим приемлем». И вслед за святым Иоанном Златоустом прибавлял: «Слава Богу за все!» А мы, со всей нашей нынешней свободой, со всеми нашими отреставрированными и вновь построенными храмами, со всем, что мы имеем, — так ли мы благодарим Бога, чтобы нам было дано благодатно ощутить то, чему мы приносим поклонение?

По милости Божией, сейчас печатается много церковной литературы. Но книги и проповеди только в малой степени могут помочь понять таинственную тайну Церкви и жить ей. Для постижения ее надо, чтобы душа освободилась от себя и приняла Христа, как апостолы, как апостол Иоанн Богослов, слово которого о самом главном, что должен знать человек, мы слышим среди

пасхальной ночи. Это означает избавление от всего, что является самодостаточным в этом мире, который не дает душе стать свободной как птица. Лицемерие истины порой страшит, его стараются избежать. Многие не читают ту или иную, может быть, самую важную для них книгу, потому что это мешает. Куда проще жить ради красивой видимости, не обязательно греховной, ради обретения хотя бы символического благополучия, ради отдыха на берегу озера, ради того, чтобы иметь возможность послушать музыку с друзьями, ради того, чтобы вступить в счастливый брак и иметь детей, и больше ничего не надо, — но не ради того, чтобы стать по дару Христа святым и воспитать детей святыми.

Каждый из нас должен сегодня лично осознать глубокую благодарность Богу за то, что ему дано принадлежать этой Церкви, умерщвляемой, страждущей, подобно Телу Христову, во время крестных страданий. И желать умереть добрым воином Христовым за эту Церковь. Помню слова одного старого, весьма образованного священника: «Я говорю всем моим сыновьям и внукам, всем моим друзьям и каждому, кто бы он ни был, что мы не можем жить в истине благодаря чтению многих книг. Мы можем достигнуть этого, только совлекаясь ветхого человека». Этот наш ветхий человек живет поверхностно, завистливо, самодовольно, гневливо, всегда предпочитая делать то, что ему

хочется, и не может пожертвовать ничем ради своего ближнего — не то что собой. Как научиться нам в самом деле быть занятым тем, кто нуждается, чтобы о нем говорили, чтобы его растормошили, подбодрили, чтобы его накормили, благословили, утешили? Это возможно только Христом, только Его благодатью, только тогда, когда мы станем единокровными с Ним по дару Евхаристии. Здесь тайна Церкви, к таинству которой каждый из нас должен приступать в надежде стать святым, то есть любящим человеком, забывающим себя ради других и ради Христа Бога. Без приобщения Христу мы всегда лишь рабы греха и смерти.

Святые отцы говорят, что тому, кто достойно причащается, открывается Воскресение Христова и все, что совершил Бог ради нашего спасения. Если Бог воплотился — это то, что Он совершил навеки. Если Христос распялся за нас — это то, что Он совершил навеки. Если Христос воскрес из мертвых — это то, что Он совершил навеки. Если Бог сотворил нас, мы будем жить вечно. Никто, и ничто, и никогда не может разрушить то, что совершил Бог. «Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими».

Недостойное причащение

И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее (Ин. 13:27). Сатана входит в Иуду после принятия

Хлеба. Это есть следствие того, что он недостойно принял причастие. Недостойно, потому что дал умыть свои ноги, не отвергнувшись замысла предать Господа. Предательство берет в нем верх, а внешне он как будто повинуется. Можно иметь вид послушания Церкви и тем не менее следовать диаволу. Можно исполнять церковное служение и нисколько не заботиться о том, как смотрит на нас Господь. Иуда принимает пищу от Того, Кого он твердо решил предать. Это значит, что у него нет веры. И несмотря на это, внешне он ведет себя так, как будто имеет веру. Так открывает он дверь сатане. Причастие — это исповедание веры. Предательство заключается в том, что человек принимает Хлеб Господень, зная, что он ничего не хочет принимать от Господа. Все было бы иначе, если бы в его душе была борьба, если бы у него были сомнения и своей молитвой он устремлялся бы к покаянию. Но Иуда причащается с полным отвержением. Менее страшно было бы отвергнуться Господа, не принимая Причастия. Хуже всего отвергаться Господа, по видимости принимая Его.

Господь знает, что так будет во все века истории Церкви. Он нуждается в свидетелях Своего дара, но быть таким свидетелем — значит жить в полной самоотдаче, потому что истина, которую являет Господь, это любовь. Невозможно любить теоретически. Рано или поздно Господь ставит

всех перед необходимостью либо быть причастниками Его страшных Таин — Креста и Воскресения, либо предать Его.

Какой праздник мы ждем?

После того как в Иуду вошел сатана, Господь говорит ему: *Что делаешь, делай скорее* (Ин. 13:27). Но ученики не поняли, что это значит. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: *купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим* (ст. 29). Ученики думают, что ответ Господа Иуде имеет чисто земной смысл. Они отказываются поверить, что приближается событие, которое имеет иное, выходящее за пределы всего измерение. У них свои оценки происходящего, и они судят обо всем со своей колокольни. Они не хотят перейти к большему. Они слышали, что Он сказал Иуде, подав ему хлеб. Но они не веровали, потому что не хотели понять. Они поняли только то, что хотели понять, и потому поняли все превратно. Их мысли — прежде всего о празднике, в котором они видят только радость, а остальное они не слышат. Иуда занимается деньгами, на нем лежит ответственность приобретать необходимое для праздника. И только это занимает их. Не желая слушать то, что говорит Господь, они совершают своего рода предательство, которое скоро станет явным.

Церковь нуждается в деньгах, и нормально, что кто-то в ней ответственен за ее материальные нужды. Но ненормально, когда ученики, только что причастившиеся Святых Таин, всецело сосредоточены на предстоящем празднике и деньгах. Потому они не слышат, что говорит им Господь об Иуде. В их глазах Иуда — лишь олицетворение того, что им нужно. В этот момент они присутствуют в Сионской горнице только телесно, а сердце их далеко отстоит от Господа. Они судят обо всем по плотским и материальным меркам. Не то что они не любят Господа, но они ставят на одну доску любовь ко Господу и свою любовь к земным вещам. Второе оказывается у них на месте первого, и для них это становится нормой. Они думают о том, что им принадлежит, и не знают, что они принадлежат Господу.

Все как будто вполне законно — христианин тоже нуждается в пище, и материальное обеспечение необходимо, чтобы достойно совершать богослужение, особенно праздничное. Требуются средства и для других торжественных мероприятий Церкви. Но они смешивают земную и материальную жизнь церкви с Церковью, живущей в Господе. По этой причине они совершают еще одно смешение. Есть, оказывается, еще одна важная возможность использования денег — их можно давать нищим. И они хотят посвятить себя сугубым образом этой деятельности. Так, на место

слова Божия они ставят вопросы нравственности и социального служения. Вследствие этого грубого смешения они перестают понимать суть христианской любви, потому что не видят, что Сам Господь занимает среди них место Нищего. И потому не могут узнавать Господа в нищих. Они понимают материальный смысл милосердия, считая его одним из главных основ христианской деятельности. В этот момент перед ними раскрывается решающее, самое существенное, что было когда-либо в человеческой истории, — Страсти Христовы, но их мысли вне этого. Они заняты заботой о людях в чисто человеческом плане и не обращают внимания на то, что хочет сказать им Господь.

Мы знаем из истории Западной Церкви, что официальные ее представители бывали настолько погружены в вопросы социального служения и собственные проекты обновления христианства, что решающее слово Господа могло пройти мимо них. Господь как бы предупреждает на Тайной Вечере, что бегство в материальную и социально-нравственную область будет постоянным искушением Церкви, ее непослушанием Богу. Только по этой причине может она проходить мимо слова Господня. Все наши заботы должны умолкнуть, как только начинает говорить Господь. Церковь, если она истинна, желает слышать слово Господне. Она даже просит и молит

Господа об этом даре. Но когда это слово звучит, она порой не слушает его, потому что больше интересуется кошельком Иуды, чем его предательством.

На Тайной Вечере

Я знаю, которых избрал, — говорит на Тайной Вечере Господь. — Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднимал на Меня пядь свою (Ин. 13:18).

За Трапезой избыточествующей любви Господа присутствуют не только те, кто достоин ее, но и те, кто поднял на Него пядь. Все приступают к Чаше — чистые и нечистые, начиная от Иоанна, который любил Господа, и кончая самым нечистым — Иудой. Невозможно совне сказать, где кончаются чистые и начинаются нечистые. Все, кто приближается к Причастию, говорят: «Господи, несмы достоин». Ученики исповедуют свое недостойнство в таинстве Покаяния, чтобы Господь омыл их ноги. Тем не менее они не считают себя достойными благодаря этому очищению.

Возможность совершить еще более тяжкие грехи, чем те, что были у них до этого, все еще остается, и они сознают свое недостойнство. Никогда мы не исповедуем все свои грехи, и любая исповедь является неполной. То, что не увидено нами и не высказано, входит в это «Господи, несмы достоин».

Теперь сказываю вам, — возвещает Господь о предательстве, — прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я (Ин. 13:19). Всем, кто был на Тайной Вечере, уже было дано достаточно увидеть. Они участвовали в Его чудесах, слышали откровение Сына Божия о Его посланничестве от Отца. Он сказал им все слова и совершил все дела, чтобы засвидетельствовать о Себе. Теперь и горечью этого предательства Он хочет привести их к вере. Поверят ли они, когда это сбудется? И кто из них поверит? Все те, кто уже верит. А кто не поверит? Все, кто еще не верит. Утверждая основание веры, Господь строит отношения с каждым человеком согласно его особенностям и нуждам.

Одного Его чуда, казалось, было достаточно, чтобы укрепить веру всех. Но Господь умножает доказательства. Он показывает также, сколь различны могут быть пути, ведущие к Нему. И это не потому только, что в Нем — полнота всех путей, всех человеческих возможностей, но также потому, что всякий раз Он открывает новый путь следования за Ним.

Каждый человек идет за Господом своим путем и каждый получает от Него свое служение. Его слово столь широко и глубоко, что охватывает жизнь всех, сохраняя единственность и неповторимость каждой человеческой личности. Никто не может быть исключен из общего служения Церкви,

каждый христианин послан к тем, кого Церковь должна привести ко Господу.

Истинно, истинно говорю вам, — возвещает Господь, — что один из вас предаст Меня (Мф. 26:21). Симон Петр дал знак Иоанну спросить, кто предаст Господа. Апостол Иоанн Богослов представляет любовь всех. Он — явление любви. Господь вверил ему служение любви, служение, трудное для понимания, потому что часто оно действует сокровенно, не внешним образом. Чтобы увидеть и понять его, надо самому иметь потребность в любви. Апостол Иоанн здесь — первый священник, каким он должен быть по замыслу Божию. Он — вдохновитель любви. Он дает увидеть, что душой священнического служения является любовь. Потому в Евангелии от Иоанна Господь по воскресении Своем трижды задает Петру один и тот же вопрос: «Любишь ли ты Меня?» (см.: Ин. 21:15–17). Святые отцы говорят, что пока священник не обрел дерзновения положить свою голову на грудь Господа, он еще не принял дара Его любви.

Подлинная молитва в Церкви — это склонение нашей головы ко Господу. Дело не в том, как мы молимся, — стоя, на коленях или сидя, — но склоняемся ли мы всем своим существом ко Господу. Возлюбленный ученик дерзает приблизиться ко Господу, склоняется пред Ним, потому что имеет подлинное смирение, — он забывает о себе

и сознает себя только в Господе. Он как дитя, которое приносит все свои тревоги отцу и не придает себе никакого значения.

Апостол Иоанн являет нам, что значит всецелая отдача себя Христовой любви — обретение вечного покоя. К нему обращен жест апостола Петра от лица всех. Церковь не может ни о чем просить Господа вне любви. Не имеет значения, о чем мы просим, — о том, что касается всей Церкви, или о чем-то исключительно личном, — все должно исходить из любви. Разумеется, чем больше мы принадлежим Церкви, тем больше наши вопросы становятся вопросами Церкви, теряя исключительно личный интерес.

Чем больше мы любим Господа, тем больше отвергаемся себя, чтобы стать орудием Господа и Церкви. Церковь предоставляет полную свободу любящим Господа, как и о чем молиться под воздействием любви. Но она обращается к любящим Его, преклоняющим свою голову ко Господу во все времена — с надеждой, что их предстательством Церковь будет лучше защищена.

Петр только подает знак и не формулирует свою просьбу. В конкретной жизни Церкви не все может быть выражено законами, параграфами, предписаниями. Молитва в особенности нуждается в свободном выражении. Для Иоанна достаточно этого жеста Петра, потому что он, любящий Господа, обладает даром «чувствовать

с Церковью». Он понимает в ней каждый знак и не нуждается ни в каком дополнительном объяснении. Чтобы достигнуть этого, надо участвовать во всем, чем живет Церковь. Если кто-то отказывается молиться с Церковью, от этого страдает вся Церковь. Надо, чтобы каждый христианин чувствовал живую атмосферу любви в Церкви, исходящую от присутствия в ней Господа.

Господь открыто показывает того, кто Его предаст. Он делает это в тот самый момент, когда предлагает Иуде хлеб, который есть Его Тело. Именно любовь должна узнать, что предатель находится за одной трапезой с Господом. Любящие Господа первыми бывают уязвлены оружием, которое пройдет у Креста душу Пречистой Божией Матери (см.: Лк. 2:35). Если бы они не любили, они не страдали бы так. Чем больше их любовь, тем больше они страдают. Но их любовь всегда будет больше их страдания.

Господь окунает хлеб в чашу и дает его Иуде. После этого хлеб становится иным. Господь прелагает его в то, что Ему принадлежит. Это осязаемое действие пресуществления. Собственно говоря, пресуществление невидимо, мы веруем в Господа и любим Его. Мы видим Его только глазами веры и любви. Но и внешне, как первое пресуществление, оно не может не выражаться явно, осязаемым образом. Так было установлено Господом таинство Евхаристии.

Господь дает Иуде хлеб преобразенный. Всем присутствующим на Трапезе предлагается таинство — возлюбленному ученику и предателю. Но все должны понять, что это «один из вас». Все носят имя учеников Господа — те, кто следует за Ним, и те, кто предает Его. Всем Господь умыл ноги и всем после этого дает возможность участвовать в Его Трапезе. Подобно тому как Он умирает за всех, Он дает возможность всем находящимся в Церкви и прошедшим таинство Покаяния принять Причастие. Сама Евхаристия — уже начало Его крестных Страстей, которые Он принимает ради грешных, которые грехами своими тоже предают Господа. За самых нечестивых — самые великие Его страдания. Этот дар Христов должен быть принят. Об Иуде сказано, что он — сын Симона Искарота. Это именование как бы подчеркивает принадлежность его человеческому обществу. Кровь Христова — *за многих изливаемая* (Мф. 26:28). На библейском языке выражение «за многих» означает совокупность всех людей. Господь предает Себя смерти за спасение мира. Иуда — один среди многих в человеческом обществе, и он — один из учеников Христовых. Его подчиненность врагу не является чем-то исключительным среди тех, кто приступает к Чаше. Но Церковь молится: «Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

«Яко разбойник исповедую Тя»

Христос был распят среди двух разбойников. И в этих разбойниках мы видим различие действия Креста Христова на разных людей. Для одних Крест Христов — запах живительный на жизнь, а для других — запах смертоносный на смерть, как говорит апостол. «Посреди двух разбойников праведное мерило обретется, Крест Твой, Господи».

Один из преступников был ожесточен до предела. Распятый рядом со Христом, он поносил Его, как и все люди, поносившие Его в это время. *Если Ты Христос, — говорил он, — спаси Себя и нас* (Лк. 23:39). Есть у некоторых людей такая странная особенность — бесстыдно и нагло оскорблять Христа и в то же время требовать от Него нужной им помощи. Но был и другой разбойник: сердце его умягчилось страданиями, которые он претерпевал, а главное тем, что открылось ему. Этот преступник был выхвачен рукою Божией *как бы из огня* (1 Кор. 3:15). И он остался навеки памятником Божественного милосердия и благодати.

Не о том говорит нам разбойник благоразумный, чтобы мы, глядя на это чудо спасения Божия, могли бесстрашно откладывать наше покаяние, а о том, что подлинное покаяние, пока жив человек, никогда не бывает слишком поздно. Хотя позднее покаяние, как свидетельствует жизнь, крайне редко бывает подлинным. И потому весь наш путь должен быть возрастанием в покаянии, ведущим

к тому покаянию, какое явил этот благоразумный разбойник. Он показывает нам, что может сделать Божия благодать. Христос победил сатану и теперь дает новое знамение Своей победы. Нам открывается чрезвычайное действие Божией благодати по отношению к этому преступнику. Разбойник благоразумный делается способным обличить другого преступника в том, что у того нет страха Божия: *Или ты не боишься Бога?* (Лк. 23:40). И мы видим, что именно страх Божий удержал его от следования за всеми — за этой беснующейся толпой, совершающей общее зло. «Если бы в тебе, — говорит он другому разбойнику, — было хоть что-то человеческое, ты не оскорблял бы Того, Кто страдает так же, как ты. Ты к тому же самому приговорен, ты тоже умираешь». И он исповедует, что заслуживает это наказание: «Мы осуждены справедливо, — говорит он, — потому что достойное по делам нашим приемлем».

Те, кто подлинно кается, всегда признают праведность Божия наказания за свои грехи. Только когда мы осознали, что беды и скорби, которые любящий нас Господь посылает нам, мы заслужили за свои нераскаянные грехи по правде Божией, только тогда наше покаяние будет подлинным. И только тогда будет дано нам избавление от всего, что происходит со всеми нами и с каждым из нас. Святитель Игнатий (Брянчанинов) часто размышляет об этих словах разбойника благоразумного:

Достойное по делам нашим приняли (Лк. 23:41). Они всегда должны быть первыми во всех наших бедах, во всякой скорби, какая бы она ни была. Эти слова являются признаком подлинной духовности, признаком того, что мы находимся в непрелестном состоянии. Эти слова означают, что мы понимаем, в чем наша надежда на избавление от всех нынешних бед, и что покаянием Господь может совершить невозможное.

Страх Божий, который проявляет разбойник благоразумный, — начало премудрости. Его вера, его покаяние и смирение открывают глубины премудрости Божией, тайны веры. Он верует, что Христос страдает без вины. Этот кающийся разбойник убежден, глядя на то, как ведет Себя среди страданий Христос, что Он ничего худого не сделал. Первосвященники распяли Его среди разбойников, как одного из них. Но у этого разбойника было большее разумение, чем у первосвященников, тех, кто ответственен за тайны веры, за хранение нравственного достоинства верующим народом.

И эти слова его: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* (Лк. 23:42) — молитва грешника, молитва умирающего за свои грехи человека, наша с вами молитва. Как обрел он благодать так молиться? Быть может, он никогда раньше и не молился и вот теперь сразу был услышан и принят Господом. Мы не можем не удивляться глубине его веры в этой молитве. Воистину

в своем исповедании греха он обнаруживает глубочайшее видение того, что есть добро и зло перед лицом Божиим. И в этой молитве мы видим его веру в Господа нашего Иисуса Христа. Он признает Его Господом, исповедует, что Ему принадлежит Царство Небесное и что теперь Он, распятый на Кресте, восходит в Свое Царство, и блаженны те, кто обретает Его благоволение.

Веровать в Господа Иисуса Христа и исповедовать то, что исповедует разбойник благоразумный, — величайший подвиг умирающего разбойника. Мы должны помнить, что это происходит в час, когда Христос отвергнут всеми. Когда Бог на Кресте. Когда первосвященники, старцы и книжники, хранители Церкви, богоизбранного народа, отдали Спасителя на поругание и смерть. Когда ученик Христов, тот, кому Господь вместе со всеми вверил тайны Божии, предал Его за тридцать сребренников. Когда Петр, первоверховный учитель, клявшийся Господу на Тайной Вечере в верности даже до смерти, трижды отрекся от Него. Когда все остальные ученики, оставив Христа, бежали. И народ, который веками жил ожиданием Мессии, который был недавно свидетелем и участником бесчисленных чудес Спасителя, Его победоносного входа в Иерусалим, неистовствует теперь: *Распни, распни Его!* (Лк. 23:21).

Власть тьмы наступает, царствует на всей земле, и только разбойник благоразумный исповедует

веру в иную, нетленную, благодатную, пасхальную жизнь и молится о даре этой жизни. Не о том молится, как другой разбойник, чтобы быть физически спасенным от креста, а о том, чтобы из глубины заслуженных им страданий на кресте, когда они уже становятся предельно невыносимыми, благодаря не отвергнутому им кресту быть услышанным Господом. Внезапно нам открывается высота его смирения. Он воистину стоит там, где только Божия Мать и возлюбленный ученик Христов и где больше никто не может устоять.

«Истинно говорю тебе, — отвечает ему Спаситель, — Я истинно говорю тебе, твоей молитве “Аминь”. Ныне же ты получишь большее, чем просишь, — ныне же ты будешь со Мною в раю». Даже великие грешники, если они подлинно приносят покаяние, получают от Христа не только прощение грехов, но и место в Божием раю. Господь раскрывает смысл Своих крестных страданий. Он умер, чтобы кровью Своею купить нам не только прощение грехов, но и вечную жизнь. Христос Крестом Своим восходит к Своей и нашей победе. И не существует ни для кого пути к совершенной радости, кроме того пути, который открывает здесь Христос. *Ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23:43). Рай — это значит быть со Христом. Не только там, где Воскресение Христово, ликование Его Пасхи, но и там, где Крест Христов, быть со Христом — быть в Его раю.

И еще такие глубины открывают нам три креста, которые Пилат утвердил на Голгофе. Два разбойника, обыкновенные преступники, присутствуя у Христова Креста, участвуют в благодати, открываемой смертью Господа. И тот и другой обвинены и осуждены и заслуживают, согласно справедливому человеческому приговору, смерти. Первый преступник переходит от этого справедливого человеческого суда прямо в рай. О судьбе другого мы ничего не знаем, кроме того, что он сподобился милости умереть рядом с Господом. И такой же смертью, как Он.

Два разбойника распяты, каждый по одну и по другую сторону, и Господь посередине. И все они, говорит нам Святая Церковь, представляют образ христианской смерти, образ всякой человеческой смерти. Перед нами — два разбойника, со своими страшными грехами, и безгрешный Господь, Который берет на Себя все грехи. Смерть разбойников примечательна тем, что она свидетельствует о справедливом соотношении между грехом и наказанием, которое следует за грех. О том, что есть правда, что есть справедливость даже на земле. Даже на земле есть правда и справедливость. И мы можем видеть это на крестах разбойников. Смерть Господа, напротив, с этой точки зрения непонятна. Она представляет собой нечто странное, нечто жестокое, бессмысленное. Господь в течение всей Своей жизни восходил от победы

к победе до самого последнего торжества входа в Иерусалим. И вот — конец. Для учеников Христовых, как и для толпы, есть что-то оскорбительное в том, что представляет собою это зрелище. Грубый откровенный грех двух разбойников более близок, более знаком, более доступен сознанию человеческому — он более соответствует тому, что есть жизнь человеческая. Смерть этих людей входит в порядок этого мира, и они наши — от нашей грешной земли. А смерть Господа представляется нам странной и чуждой, она не имеет ничего общего с нашим миром, она выходит за пределы обычного, и она может вызывать у мира некое презрение, злорадство. Поделом Ему! Говорил высокие прекрасные слова, творил такие дела, которые никто не творил, а умирает как все. Казалось, что действительно добро сильнее зла, истина побеждает ложь, — а Он умирает как все. И некое подобие такого отношения со стороны мира мы можем наблюдать в каждой христианской смерти, в особенности смерти мучеников — тех, кто жизнь свою отдает за Христа. Они также испытывают на себе ненависть и презрение толпы.

Но самое печальное, что и мы где-то принадлежим этой толпе. До тех пор, пока мы не научимся жить так, чтобы вера стала главным в нашей жизни, пока мы не сможем умереть для себя, чтобы дать Господу жить в нас, христианство всегда будет иметь для нас некий привкус наказания.

Наша свободная вольная жизнь всегда будет ограничена — заповедями, постами, молитвами, различными трудами. Все будет иметь привкус некоего наказания, от которого мы никак не сможем полностью избавиться. И пока не станет Христос всем в нашей жизни, радостью нашей жизни, мы всегда будем оставлять за собой право выносить суд тому, что мы дерзаем называть чрезмерностями в христианском подвиге, слишком строгой бескомпромиссностью по отношению к злу. Мы всегда будем защищать себя, почти бессознательно, почти инстинктивно, от всякого проявления — почему нам не сказать в оправдание себе? — фанатизма. Так что мы присутствуем в этой толпе — и прежде всего своим поверхностным отношением к тому, что происходит. Мы не воспринимаем глубин истинной жизни, потому что нет у нас покаяния, которое Крестом Христовым открылось разбойнику благоразумному.

Это есть изгнание, упразднение христиан из мира, из естественной, общепринятой, нормальной человеческой, конечно же, греховной жизни. И все это Господь несет на Себе, умирая посреди двух разбойников. Вся нашу подлость греха, нашу неспособность принять то, что Он поднимает в этот час на Своем Кресте.

Но одновременно смерть Христа среди двух разбойников открывает и другую сторону. Он умирает посередине двух разбойников, и это

значит, что в Его смерти есть что-то среднее. Обычная такая средняя смерть, как у всех людей. Некоторых привлекает смерть необыкновенная. Она может вызывать у них даже восхищение. Сейчас мы являемся свидетелями героизации, романтизации преступления, жестокости, насилия. Это передается по всем телеканалам, по всем средствам массовой информации. Здесь кроется некая мистическая, духовная глубина. Этим людей захватывает трагедия человеческой жизни — преступление и наказание. Им нравится такой род величия, такой род великолепия, который таится в предельном грехе. Безгрешная смерть Господа как бы ни о чем им не говорит, она кажется им неинтересной, незначительной и незаметной. Христос, как им кажется, мог бы избрать для Себя более возвышенную смерть, чтобы удовлетворить их жажду. Но Он не сделал этого. Он сокрыл Свое величие под покровом обыкновенного и самого презираемого, что есть у людей. И после этого мы не только не имеем права выносить суд человеческим судьбам, определяя величие той или иной жизни по внешней яркости, которой запечатлевается их жизнь, мы должны задуматься о большем — о том, как за обыкновенностью средней судьбы скрывается христианское величие, величие Самого Господа. За смертью самого обыкновенного человека сокрыто величие Самого Господа.

Разбойники, распятые с Господом, — первые в роде человеческом, кто были призваны непосредственно приобщиться Его смерти. Кто эти люди? Чужие, незнакомые для Христа люди, которые не ходили с Ним по Галилее, не являлись Его близкими друзьями, как Петр и Иоанн, разделяющие в этот час, каждый по-своему, судьбу Господа. О чем это говорит? О том, что Господь Своей смертью связывает судьбы самых далеких от Него, совершенно случайных людей — презираемых и отверженных миром. И это говорит о том, что Церковь не имеет права лишить доступа к ее таинствам отлученных от нее людей в час их смерти. Даже если они, как разбойники, были явно далеки от веры, даже если принадлежали Церкви только внешне — по крещению своему и после каких-нибудь неудачных попыток приобщиться вере снова отворачивались от Господа. Но в час своей смерти они могут принять благодать покаяния — ни один человек не лишен этого — и через последние таинства Исповеди, Причастия оказать-ся в самой глубине тайны Христовой смерти.

И Господь, готовый прийти на помощь разбойникам в час их смерти, разделяет с ними — со Своей Божественной щедростью, с отдачей всего, что есть у Него, — их человеческую смерть до конца. Одного из них Он спасает тотчас же зримым образом, другого оставляет идти в вечность дорогой нераскаянных грешников, которая остается

невидимой. Все, что мы знаем об этом неблаго-разумном, безумном разбойнике, — это то, что Господь умер также и за него.

Будем и мы молиться всей душой, как призывает нас Церковь, — перед причастием и в час нашего исхода, — чтобы и нас, как разбойника благоразумного, Господь помянул во Царствии Своем. И этого довольно будет для нас, для всего, что будет с нами во всей нашей жизни и во всей нашей смерти, потому что все заповеди блаженства, которые мы поем за литургией и на изобразительных Великим постом, переплетены нераздельно с этой молитвой, включены в нее. «Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Блажени нищие духом, яко тех есть Царство Небесное. Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Блажени плачущии, яко тии утешатся. Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Блажени кротции, яко тии наследят землю. Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». Вся полнота даров Божиих, все блаженство вечной жизни дается тому, кто, как разбойник благоразумный, исповедует эту тайну.

И в самый главный час нашей жизни — перед Чашей Христовой — какие слова свидетельствуют о высшем духовном стоянии души человеческой? Именно эти же самые слова: «Яко разбойник исповедую Тя, помяни мя, Господи, во Царствии

Твоем». Пусть всегда, как на утрени Великой Пятницы, когда при чтении двенадцати Страстных Евангелий Церковь предстоит перед Крестом и Евангелием, как печать всех наших молитв, всех наших исповедей, всех наших покаяний, как тайна всей нашей жизни и смерти звучит эта молитва: «Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене Древом Крестным просвети, и спаси мя».

Идти до конца, чтобы иметь часть со Христом

Сегодня вся Церковь собирается на Тайной Вечере и вспоминает, что произошло в Великий Четверг накануне крестной смерти Господа. На Тайной Вечере Господь открыл Своим ученикам сердце в решимости идти до конца. И в то же время Он разделил с ними эту таинственную Трапезу, чтобы они имели общение с Ним.

Эти два выражения из сегодняшнего Евангелия — «до конца» и «иметь часть с Ним» — да звучат всегда в нашей памяти и укрепляют нашу веру. Что значит для Господа накануне Его смерти решимость идти до конца? И что значит для нас принятие Евхаристии, как не знамение, что мы *имеем часть* со Христом, Который идет до конца? До конца свидетельства и надежды, до конца служения и любви.

Он знает, куда Он идет. И Он торопит время, говоря Иуде-предателю: *Что делаешь, делай скорее*

(Ин. 13:27). Он исполнен решимости и приобщает ей Своих учеников — *идти до конца* свидетельства и надежды. На суде Пилата Он скажет: *Я на то... пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине* (Ин. 18:37).

Господь идет до конца Своего свидетельства о том, что никогда не постыдится тот, кто *до конца* направляет свою жизнь по воле Божией. Никогда не постыдится тот, кто с Богом Живым идет до конца своего призвания и своего служения. До конца того, к чему призван человек. Бог никогда не поведет нас на гибельные пути. *Никто не отнимает у Меня жизнь*, — говорит Своим ученикам Господь, — *но Я Сам отдаю ее* (ср.: Ин. 10:18). *Отче... да будет воля Твоя* (Мф. 26:42), — молится Он в Гефсиманском саду. Прежде крестных страданий Он предстоит пред Отцом Небесным с решимостью идти до конца — не в фатальной покорности, а в доверии Богу Живому, Которому Он всегда был послушен.

И в сегодняшнем Евангелии сказано: *Возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ин. 13:1). То есть до полноты, до высшего исполнения. И умовение ног — символ этого. Смысл нашей жизни заключается в том, чтобы идти до конца в любви к Богу и в то же время идти до конца в любви к человеку. Господь показывает, что не постыдится никогда тот, кто изыскивает все средства, чтобы служить ближним. И Господь

свидетельствует, что только возвышая чужую жизнь возвысишь свою.

А что означают слова *иметь часть* со Христом (ср.: Ин. 13:8)? Когда апостол Петр протестует против умовения ему ног его Учителем, Господь говорит ему: «Если не умою твоих ног, не будешь *иметь части* со Мною». Иметь часть со Христом — значит надеяться на Него, устремляться к жизни с Ним, идти до конца с Ним, соединить свою человеческую судьбу с Его судьбою.

Господь преподавал Своим ученикам Свои Пречистые Тайны под видом хлеба и вина, чтобы они *имели часть* с Ним. *Сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22:19), — говорит Он им. Всякий раз, когда они будут совершать Божественную литургию, они будут творить ее в воспоминание того, что Христос *идет до конца* любви к Богу и к ним. И, приобщаясь Ему, они будут становиться причастниками такой любви. Если в ком нет жажды такого причащения, тот *не рассуждая*, как говорит апостол Павел, приступает к таинству Тела и Крови Христовых и в суд себе яст и пьет (см.: 1 Кор. 11:29).

Идти до конца в любви к Богу означает: всякий раз, причащаясь Христовых Таин, мы должны испытывать нашу верность крещенским обетам. Нашу верность в служении Церкви. И это относится прежде всего к нам, священникам, потому что мы должны идти до конца в нашем служении

Господу. Сегодня уместно вспомнить, что когда совершается таинство Священства, епископ дает рукоположенному пастырю после Евхаристического канона Тело Христово со словами: «Приими залог сей... о немже имаши истязан быти во Второе и страшное Пришествие Великаго Господа и Спаса нашего Иисуса Христа».

Всякий раз, когда мы совершаем Божественную литургию, иметь часть со Христом означает иметь мужество жить всегда в присутствии Божиим. Среди лжи мира нам дается возможность перевести дух и увидеть, что жизнь имеет смысл. Бог берет тебя за руку и говорит: «Не бойся, путь долог, но стоит понести любые скорби и любые труды. Твоя жизнь драгоценна и серьезна. Но ты должен идти до конца — до конца Христова света, до конца Христова слова, до конца твоих обетов». Невозможно жить полуправдой, четвертьправдой.

Причащаясь Святых Христовых Таин, мы призываемся также идти до конца в любви к нашим ближним, в служении им. Именно это символизирует омовение ног. Каждый из нас должен спросить себя: жертвовал ли я ради кого-то хотя бы частью себя, избирал ли такой образ жизни, который дорого стоил мне? Если мы ученики Христовы, если мы имеем часть со Христом, если мы решились идти до конца в любви к другому человеку, естественно, это потребует нас самих, нашего

времени, наших сил. Всякий раз, когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, мы должны отдавать себе в этом полный отчет.

Поэтому не будем говорить: «Как тяжел крест любви к ближнему!» Идти до конца этой любви всегда имеет конкретный смысл. Речь не о том, чтобы произносить красивые слова о любви: «Дорогие братья и сестры, возлюбленные о Господе!..» А о том, чтобы с каждым принятием Бескровной Жертвы Христовой учиться принимать в нашу жизнь благодать слова Христова: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15:13). Господь наш Иисус Христос прошел Свой путь до конца — до Креста, до Воскресения, утверждая нас в нашей надежде. Чтобы мы знали, что это одно и то же — идти до конца в любви к Богу и до конца в любви к человеку.

Великий Четверг — не просто воспоминание о том, что когда-то совершил Господь, но творение Им в нашей жизни любви до конца — в Его воспоминание. Всякий раз, когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, мы имеем часть со Христом. Он ведет нас намного дальше по этой дороге, по которой мы раньше шли и которую нельзя пройти вполчину.

И нам дается величайшая радость знать, что идущий со Христом не постыдится вовеки. Только так можем мы побеждать нашу расслабленность, наше отчаяние, нашу неспособность

любить, наши сомнения, нашу половинчатость в служении Богу и ближнему. Нет иного выбора для тех, кто хочет достигнуть света Христова, Его Божественной вечной Пасхи, кроме как идти с Ним до конца.

Знамения любви Христовой

Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их (Ин. 13:1). Во время пасхальной трапезы, которую Господь совершил со Своими учениками, Он возвестил им, теперь уже в последний раз, о Своей смерти — о Своем Теле ломимом и о Своей Крови изливаемой. О смерти, которая будет даром любви, «за вас и за многих изливаемой». Господь не только возвещает о Своей смерти, но Он уже как бы показывает ее в виде таинственного знамения первой Евхаристии. Он как бы заранее являет ее и вверяет Своей Церкви: *сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22:19).

Сознавали ли апостолы, какое сокровище они приняли в свои руки и каким достоинством облек их Господь? Благовестие Христово еще не закончено, и знамения Его любви еще не раскрыты до конца. Им недостает увенчания, которое уже не должно быть для апостолов неожиданным и в то же время будет невыносимым для них. Перед завершением Трапезы Господь являет

другое знамение, соединенное с первым, — знамение смиренной любви Слуги, преклоняющего колена перед Своими учениками, чтобы умыть им ноги. Любовь до конца есть также любовь, которая склоняется ниже всех. Между первым знамением Евхаристии, Тела предаваемого, и вторым знамением — умовения ног и смиренной любви — нет ни малейшего промежутка, они абсолютно сливаются в одно. Господь подчеркивает это, заповедуя повторять их до скончания века в Его воспоминание. Ученики Христовы, облеченные в высочайшее достоинство при совершении Евхаристии, — те же самые ученики, которые должны будут смиряться ниже всех перед своими братьями, со своим уничижением. *И вы должны умывать ноги друг другу* (Ин. 13:14). Отныне не существует большего величия, чем величие Слуги, не существует большей власти, чем власть любви, не существует большего достоинства, чем разделение с другими общего уничижения. Невозможно даже помыслить, что ученики могли сразу понять это. Подобно тому как апостол Петр противился первому возвещению Господа о Его крестной смерти, о Его Крови проливаемой, так снова он обнаруживает непонимание и протестует против того, что в его глазах уничижает Господа и всех тех, кто призван следовать за Ним. Ему еще надо научиться смиренной любви пастыря, идущей до такой глубины, соединяющейся

с нищими и грешниками до предельного уничтожения. И он будет учиться не только примером Господа, преклоняющего перед ним колена, но также и прежде всего тем, когда он беспомощно отречется от своего Учителя и взгляд Господа встретится с его взглядом. И он вновь услышит слова, с которыми Господь обращался к нему на Тайной Вечере, но теперь уже по-иному переворачивающие его душу: *Если не умою тебя, не имеешь части со Мною* (Ин. 13:8).

Любовь до конца, согласно Христу, всегда и прежде всего любовь, которая склоняется ниже всех перед теми, кого она любит. Точно так же самая великая любовь — та, которая жизнь свою отдает за любимых, говорит нам Господь. Но как конкретно можем мы отдавать свою жизнь за наших братьев каждый день? Это как будто неосуществимо. Но всегда возможно стать слугой своих братьев, уступая им место в жизни, разделяя с ними то, что мы имеем, устраняясь перед ними, исчезая ради их блага. Это и есть наша любовь до конца, наша жизнь отдаваемая и наша Пасха во все дни. Это отличительные признаки Христа и Его учеников, в особенности тех, кого Господь поставил быть служителями Его Евхаристии. Первый из нас да будет последним, начальствующий как служащий — чтобы таинство Господа и Его Пасхи всегда присутствовало в Церкви и в мире.

Самая великая тайна любви и нашей свободы

Великий Четверг с пасхальной трапезой и предательством Иуды являет самую великую тайну любви и тайну нашей свободы — вырваться из объятий света и уйти в ночь. Тайну самой великой любви являет Христос, Новый Адам, предлагая нам в Евхаристии не плоть, соединенную со смертью, но Свое Тело и Кровь, всегда оживотворяемые Святым Духом. Он открывает нам доступ к древу Креста, к истинному плоду жизни. Христос пришел к людям как воплощенная Любовь. От вечности Он един с Отцом. И теперь Он един по Своему человечеству со всеми нами, с каждым из нас. По человечеству Он весь устремлен к Отцу и по человечеству Он Живой, Тот, на Ком почивает дыхание Духа.

Вступив в пространство и время, Христос содержит и преображает в Своем человечестве все пространство земли и все время истории: *ибо в Нем и Им создана всяческая* (ср.: Кол. 1:16). Своим постоянным единением с Отцом, Своей непрерывной евхаристической самоотдачей Христос — дар жизни Бога и наше приношение Богу. Ибо Его тело соткано из земли, в Его крови пульсирует жизнь всего мира.

Отныне никто и ничто не может быть отделено от Него. Он разделяет сокровенно с каждым из нас хлеб страдания и вино радости. Отныне в Нем мы члены друг друга в самом реальном

смысле, как пшеничные зерна в хлебе. «Как этот хлеб, когда-то рассеянный по холмам, теперь стал одно, так да будет и Церковь, собранная от конец земли, в Царстве Христовом» — так молились первые христиане. И за каждой Божественной литургией Господь напоминает нам, чему мы должны прежде всего научиться, приступая к Нему. Он же сказал им: *цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий. Ибо кто больше: возлежащий, или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий* (Лк. 22:25–27).

Мы не только собираемся сегодня вместе со всеми учениками Господа вокруг Него в Сионской горнице. Нам дано будет завтра за литургией принять Его Тело, стать причастниками Его Света, приобщиться Телу и Крови Христовым, полноте Божественной любви. *Как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут едино в Нас* (Ин. 17:21) — так исполнится молитва Господня о всех нелицемерно приступающих к Его Чаше.

Великий Четверг — тайна самой великой любви, но также и тайна свободы отвергнуть эту любовь. Все предлагает Христос, но все может быть бесконечно предано. Тайна предательства поставлена в Евангелии в самом сердце любви. Иуда оставляет место света. Он, приняв кусок,

тотчас вышел; а была ночь (Ин. 13:30). Почему это произошло с Иудой? «Он был вор» (ср.: Ин. 12:6), — говорит Евангелие. Вор Богом данного времени — ибо под предлогом деятельности во имя любви он презирает дары щедрой любви, все отдающей красоты, той, которая была у жены, помазавшей драгоценным миром ноги Спасителя и отершей их «власы главы своея». Вор Божественной силы, ибо Иуда, прибегая к помощи Божией, искал только своего, земного, и, по объяснению некоторых святых отцов, он был связан с теми, кто стремился прежде всего к освобождению Израиля от римских оккупантов и утверждению на земле власти Мессии. Он надеялся, что Христос совершит великое чудо, когда окажется перед необходимостью избавиться от иноземных врагов. Вор любви — ибо жадностью и скупостью, желанием немедленного успеха он попирает в себе любовь, о которой смиренно, как нищий, просит у него Бог, ставший человеком. *Се, стою у двери и стучу* (Откр. 3:20).

Хлеб преломляется, вино изливается, Иуда уходит в ночь. Трапеза Тайной Вечери открывает путь ко Кресту. Но Крест утвердит полноту Христовой любви, Крест возжжет Божественным пламенем то, что мы примем в Причастии. При условии, что в каждом из нас Иуда станет Петром и на вопрос «Любишь ли Меня?» ответит: «Господи, ты знаешь, что я люблю Тебя» (см.: Ин. 21:15).

Умовение ног на Тайной Вечере

Умовение ног учеников на Тайной Вечере перед Трапезой Господней — как исповедь перед причащением. Или, иначе говоря, как видимое знамение по отношению к невидимому его содержанию. То и другое возможно только перед лицом предстоящих крестных страданий Господа, уже теперь приносящих свой плод. Уже теперь Христос — пшеничное зерно, которое умирает, чтобы принести стократный плод. Уже теперь Он имеет власть отдать Свою жизнь, чтобы вновь принять ее в Евхаристической любви.

В этом умовении ног — таинственное прообразование уничижения Господа и Его возвышения. Оставив Свое место во главе Трапезы, Господь *снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался* (Ин. 13:4). В греческом и славянском тексте сказано «положи ризы» — слова, созвучные описанию в Евангелии доброго пастыря, который жизнь свою *полагает* за овец (см.: Ин. 10:11, 15). Смирение Господа в Его уничижении столь велико, что ученики с трудом могут его принять. Уже теперь, как на Кресте, Он обнажается от всякой славы. Это уже часть Его крестных страданий и, с другой стороны, установление таинства Евхаристии и приготовления к ней — таинства Исповеди.

В умовении ног Господь не только становится вровень со Своими учениками, но и ниже их. Он должен быть ниже, чтобы очистить их. В Своем

смирении Господь всегда будет ниже, чем кто-либо из людей. Он обнажается, чтобы отмыть нашу грязь, которую на Кресте Он возьмет на Себя. Он уничтожает грех водой Своей благодати. Покаяние — составная часть этой воды, оно тоже, по дару Христа, благодатно. Господь не просто умывает ноги учеников, Он умывает их Собою. Он Сам — умовение. Как бы ни было смиренно наше покаяние, Господь смиряется бесконечно ниже. И нет такого покаяния, даже самого малого, которого бы не принял Господь.

Исповедь заключается прежде всего в том, что Господь умывает нам ноги. А наше обвинение себя в совершенных нами грехах всегда на втором месте. Часть Господня столь первенствующая, что даром Креста она всегда — уничтожение всякого ужаса греха. Вначале Он приходит к нам и только потом дает заповедь о покаянии, об исповедании наших грехов. Умовение ног Господом было для каждого ученика столь сокровенным, будто это происходило с ним одним. Исповедь должна быть тайной. Господь не требует от Своих учеников публичной исповеди — неслучайно такую кратковременную практику Церковь вскоре благоразумно оставила. Довольно того, чтобы каждый знал, что он должен быть очищен Господом. Ученики Христовы знают только одно: у каждого — грязные ноги, и Господь хочет умыть их у всех. Никто не обращает внимания на ноги других: довольно

для каждого, чтобы Господь увидел его стыд и избавил его от стыда. Исповедь в Церкви не должна быть публичной. Единственно, что каждый знает о другом: он тоже должен исповедоваться. Господь бережно хранит тайну Исповеди. Потому никто не должен уклоняться от нее.

Умовение ног — уготовление к установлению Евхаристии. Исповедь не отделена от нее, она есть очищение с определенной целью. Как прекрасно, что в Русской Православной Церкви хранится традиция исповедоваться перед каждым причащением. После исповеди мы по-другому участвуем в Евхаристии. Кто очищен, уже не смотрит на свои ноги, но только на Господа, с Которым он находится за Трапезой. Хотя во время Евхаристии Господь продолжает очищать нас до самых наших сокровенных глубин.

Когда Господь подходит к Симону Петру, тот говорит Ему: *Господи! Тебе ли умывать мои ноги?* (Ин. 13:6). Смирение Господа потрясает Петра больше, чем других. Он точно знает, какое расстояние отделяет его от Господа. Слово Петра сказано с любовью. Петр не удивился бы, если кто из его товарищей умыл ему ноги. Он знал, что другие лучше и умнее его, что Иоанн — возлюбленный ученик, а не он. Петр смирен, но его смирение не может переносить бесконечно более великое смирение Господа. И он не сознает себя достаточно чистым, чтобы к нему прикоснулся Господь. Господь так

чист, что Петр хочет, чтобы Он избежал какого-либо прикосновения к нечистому.

Господь сказал ему в ответ: *Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после* (Ин. 13:7). Господь не объясняет, что Он делает. Наоборот, Он говорит, что теперь это непостижимо. После все станет яснее. Для Петра это заповедь, и он не может позволить себе идти дальше. Он должен подчиниться тому, что он не понимает. Достаточно, что Господь хочет этого. Так всегда будет в Церкви: то, что дает Господь, превосходит наше понимание. Это область Господня — бесконечно более великого, чем все, что у нас, более чистого и потому непостижимого. Жизнь заключается в том, чтобы предавать себя до конца воле Господней.

Господь говорит Петру: *Если не умою тебя, не имеешь части со Мною* (Ин. 13:8). Если мы не повинемся Господу, мы не можем надеяться, что у нас будет что-то общее с Ним. Тогда Петр говорит: *Господи! не только ноги мои, но и руки, и голову* (ст. 9). Петр хочет теперь, чтобы весь он был омыт. Движимый любовью, он хочет всего себя отдать в распоряжение Господа. В свете этой любви он сознает себя совершенным грешником, подобно тому как мы в церкви поем: «Весь, весь осквернен...». Но теперь очистить надо то, на что указывает Господь. Самое главное, чтобы чистыми были наши намерения и пути, чтобы мы всегда

шли в сторону Царства Божия. И в каждой исповеди речь идет об этом же. Петр хочет избежать всякого греха, чтобы больше никогда не исповедоваться ни в чем. Но другая грязь — более мерзкая — должна быть исторгнута из него. Он хочет избежать всякого греха, утверждаясь в своей гордости, а не в любви Христовой. В течение всей жизни мы должны протягивать Господу свои ноги для умовения. И — о чудо! — даже через наши грехи Господь научает нас смирению, без которого любые наши добродетели могут быстро стать своей противоположностью. Только смирение дарует возрастание в благодати.

Господь говорит Своим ученикам: *Вы чисты, но не все* (Ин. 13:10). Господь не отвергает никого. Если кто уходит из Церкви, тот отлучает себя сам. Но даже от Иуды Господь ждет покаяния. С самого начала Спаситель знает, кто предаст Его. И так будет всегда в Церкви. Пусть никто из званых не тешит себя иллюзиями, что он не может предать. Не на нашем призвании, но на благодати Христовой должны мы строить нашу жизнь. Из самого сокровенного круга учеников Христовых явилось самое великое предательство. Оно исходило от того, кому была предложена вся любовь Господня, но он не принял ее. Многие истинно, а не только по внешней видимости призываются к священству и глубокой духовной жизни и тем не менее становятся предателями. Мы должны умывать ноги друг

другу, говорит Господь, давая заповедь о любви как единственно подлинном Ему приобщении. Так же и Евхаристия должна раскрываться в полноте не только в таинстве Церкви, но и в нашей каждодневной жизни.

Этот день Господень всегда нам дан

Сегодня вся Церковь Православная — Сионская горница, где мы вместе со святыми апостолами, со всеми святыми участвуем в этом таинстве жертвенной пасхальной любви Христовой, когда Он, *возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ин. 13:1). Сегодня великая радость у Церкви, у всех нас. Не должно быть ни у кого уныния, потому что мы вкусили и увидели, как благ Господь. Все возможно Богу и все возможно нам, если с нами Бог, если мы соединены с Ним столь теснейшим и таинственнейшим образом.

Велика радость сегодня у нашей Церкви. Нам дано прикоснуться к нетленной жизни, для которой создан человек, и узнать, что такое Божественная литургия, которая дается нам каждый день. В течение всего года мы на каждой неделе совершаем память Великой Среды и Великой Пятницы, оттого что столь значительны эти события. Может быть, Церкви стоило совершать и евхаристическую память Великого Четверга в течение всего года на каждой неделе. Но Церковь с древности совершает это таинство прежде всего в день

Господень, как говорит нам Писание, то есть в день воспоминания о Страшном Суде в чаянии Второго Пришествия Господа со славою на землю (см.: Деян. 2:20). И день Господень — это когда Он воскрес и явил нам эту новую жизнь.

Каждый день совершается Божественная литургия, кроме некоторых дней Великого поста, чтобы мы узнали, что этот день Господень всегда нам дан и все дни являются днем Господним. Чтобы узнали, что мы призваны к такому общению с Господом, какое всегда было в Церкви, начиная с апостольских времен, с Тайной Вечери и во все века. Как это было с преподобным Сергием Радонежским, когда, по свидетельству его ученика Симона, сподобившегося быть зрителем этого события, во время литургии Божественный огонь касался предложения, окружал престол в алтаре. И как было это с преподобным Серафимом Саровским, который, еще будучи иеродиакonom, на литургии Великого Четверга сподобился явления Господа. Когда он вышел на амвон и возвел орарь над молящимися, возглашая: «И во веки веков», — то вдруг как бы луч солнца ослепил его глаза, и он увидел Господа Иисуса Христа во славе, окруженного Ангелами и Архангелами, Херувимами и Серафимами. Господь шел от западных дверей к алтарю по воздуху, благословляя всех молящихся, и затем вошел в Свой образ около царских врат. Неизреченная небесная сладость заполнила все

существо преподобного. Сияние благодати Христовой присутствовало во всем храме. В течение трех часов стоял преподобный Серафим, не в силах сдвинуться с места. Он узнал, что такое Божественная литургия, и понял, как нужно готовиться к ней. Был период, когда он на такой глубине готовился к этому таинству, что в течение какого-то времени даже не причащался, и собор старцев встревожился: не впал ли он в прелесть?

Это то, что было с преподобным Пафнутием Боровским, когда его однажды попросили отслужить Божественную литургию в соседнем монастыре, потому что там в это время не было священника. После литургии он сказал: «В следующий раз не зовите меня, потому что не может человек участвовать в этом и остаться живым».

Но человек остается живым именно благодаря участию в этом, и только благодаря Евхаристии мы все живы. Благодаря ей существует род человеческий, не причастный Святым Христовым Тайнам, — оттого, что есть Церковь, где Господь соединяется с верующими людьми, что Его присутствие абсолютно среди всех людей на земле. Но готовиться к этому таинству нужно так, как преподобный Серафим Саровский готовился, когда, как мы знаем, день и ночь в течение трех лет стоял он на камне и молился: «Боже, милостив буди мне, грешному!» Ибо он знал, что такое Святые Христовы воистину страшные Тайны.

И так готовиться нужно, как святитель Иоанн Шанхайский, великий литургийный чудотворец наших дней, который узнал однажды, что прежде чем служить литургию, нужно по образу древних христиан готовиться к этому в течение всей ночи. Ведь раньше такая всенощная была, которая естественно переходила в литургию. В течение сорока лет он совершал этот подвиг — не ложился спать, а молился всю ночь. Это же наш современник! Его иподиаконы, его ученики, близко знающие его люди, приезжают к нам в храм, рассказывают об этом святом. Всякий раз после литургии он долго не выходил из алтаря, порой по несколько часов, потому что ему надо было быть с Богом, прежде чем выйти к людям с утешением, с чудом исцеления, с тем даром, который он получил от Христа.

Это мы должны знать. И мы это знаем по милости Божией, если хоть каплю благодати дано нам было принять в том служении, которое совершается всегда Духом Святым. Сам Господь Дух Святой всегда совершает Божественную литургию. И Сам Спаситель совершает Божественную литургию, всегда умывая нам ноги, прежде чем мы приступим к ней, то есть преподавая нам таинство прощения наших грехов, чтобы мы ходили чистыми путями вслед за Господом. И чтобы мы, хотя и не достигаем всего, о чем свидетельствуют великие святые, знали, что это всем нам принадлежит, и мы все призываемся устремляться к той же

мере совершенства, если мы крещены во Святую Троицу, если во Христа крестились и соединяемся с Его пречистой Плотью и Кровью.

Когда совершается Божественная литургия, нам открываются все тайны веры. Апостол Иоанн Богослов соединяет Тайную Вечерю с тайной Воплощения Божия. Святой апостол Петр — с тайной Преображения. Святой апостол Павел говорит, что Евхаристия нераздельна с крестной смертью Спасителя, и это прежде всего мы должны сегодня увидеть. Предваряя Свои крестные страдания, Господь предлагает Свою жизнь, чтобы открыть нам доступ к видению тайны Его Креста и Его Светлого Воскресения.

Всякий раз, когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, речь идет о жизни и смерти — о Его смерти и о нашей жизни. И всякий раз, когда нам это дается, мы слышим слово Господне на Тайной Вечере: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13:35). По тому узнают, что вы причастники Святых Христовых Таин, если вы будете иметь эту любовь между собою, которая не знает границ и простирается до бесконечности и никого не исключает, потому что Господь говорит нам на Тайной Вечере: *как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга* (ст. 34).

«Почему, за что Ты, Господи, так нас возлюбил?» — спрашиваем мы, когда молимся перед

причастием: «Не лобзания Ти дам, яко Иуда», страшась, не я ли Тебя, Господи, предам, но умоляя, чтобы, как разбойник, но благоразумный, сподобился я этого дара Божия. Потому что Он хочет, чтобы мы научились, приобщаясь Ему, любить друг друга. Любить других людей не за какие-то их качества, пусть самые высокие, не за их таланты, не за их ум, не за их доброту, а потому, что Христос всех нас возлюбил, и мы, творения Божии, искуплены Его драгоценной Кровью, Его любовью. И оттого, что наша жизнь в приобщении Ему становится такой, какую Он нам дает, ничто не сможет никогда сокрушить ее, как ничто не сможет сокрушить Господа нашего Иисуса Христа, Его Креста и Воскресения.

Тело Христово — Хлеб преломляемый

Прежде чем взойти к Своей смерти, прежде чем рассеются Его ученики, Христос собирает их, чтобы дать им высшее знамение Своего неложного присутствия. Он отдает Себя до конца. Жизнь Свою отдает, чтобы мы жили Его жизнью, чтобы мы имели общение с Богом. Будучи Богом, Он *зрак раба* принял (Флп. 2:7), унижил Себя. И прежде Своего превознесения над всем Он являет предельное смирение. Мы знаем, что в Своем Воплощении Бог сошел с небес, умалил Себя, чтобы приобщиться нашему человеческому существованию. И вот теперь, на Тайной Вечере, Он являет еще большее

уничтожение. Господь и Учитель преклоняет Свои колена и умывает ноги ученикам. Он преклонился до земли, чтобы завтра быть вознесенным на Крест. И с этого Креста сойти еще ниже — в землю, в гроб. Он сойдет в глубины адовы, в места забвения мертвых, в бездну, не имеющую дна, откуда никто не возвращается. И Он будет вознесен оттуда со славою Своего Воскресения — Владыка всяческих, Господь Вселенной.

Отныне мы, творения Его, должны следовать за Своим Господом. Мы должны учиться преклонять колена перед своими братьями и умывать им ноги. Мы должны проходить тем же путем, каким Он прошел впереди нас. Путем служения до смерти, чтобы быть вознесенным вместе с Ним в Божественной славе. «Ибо Я дал вам пример, — говорит Господь, — чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам».

Тайная Вечеря совершилась в ночь, когда Господь был предаваем на смерть. «В ночь, в нюже предаяшеся, паче же Сам Себе предаяше», — исповедуем мы. Он оставляет Своим ученикам воспоминание о Себе, о Своей жизни и о Своей смерти. И это воспоминание бесконечно больше, чем просто память о Нем. Это священнодействие, которое мы должны совершать до скончания века: *Сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22:19). Заново творить даром Духа Святого то, что Господь совершил на Тайной Вечере.

Знамением Тайной Вечери является Его Тело, ломимое во оставление наших грехов. Господь вначале преломил хлеб и потом сказал: *Сие есть Тело Мое*. Неужели Тело Христово — это хлеб? «Нет, — говорит нам Святая Церковь, — это Хлеб преломляемый». Прежде раздаяния этого Хлеба совершается его преломление. И в этом Хлебе ломимом — знамение возвещаемой смерти. Великое Преломление жизни Христа — преломление в мире, лежащем во зле, раздирание завесы храма от верхнего края до нижнего.

Тело ломимое не означает просто физическое тело. На языке Священного Писания это плоть, то есть все человеческое существование. И слова *Сие творите в Мое воспоминание* означают прежде всего это преломление. Первое слово, которое употребляет Церковь, говоря о Евхаристии, — *преломление*.

В Книге Деяний святых апостолов мы читаем о первых христианах, что *они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах* (Деян. 2:42). А в Евангелии от Луки сказано, что апостолы узнали Христа *в преломлении хлеба* (Лк. 24:35). И есть еще слово апостольское, которое мы слышали сегодня за литургией: *Всякий раз, — говорит апостол Павел, — когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет* (1 Кор. 11:26). Мы не сомневаемся, что апостол

имеет в виду и Воскресение Христово. Но слово, которое мы слышим здесь, — *смерть*.

Тайная Вечеря — это жертвенное приношение Господа на Кресте, которое Он предлагает Своим ученикам, совершенное явление Его любви к нам, наше спасение. Господь *до конца возлюбил* Своих учеников, как мы читаем в Евангелии от Иоанна. Христос совершает Пасху вместе со Своими учениками, ту Пасху, которую Он совершит, когда Сам станет Пасхальным Агнцем в Великую Пятницу. И нам открывается, что и в умовении ног, и в Евхаристии — свидетельство одной и той же любви Господа, отдающего за нас Свою жизнь.

Возрадуемся о даре Христовом, приносимом Им сегодня Своей Церкви. Но не будем забывать, что Великий Четверг уготовляет Великую Пятницу, — чтобы и мы могли праздновать Пасху Христову не только в полноте радости, но и в полноте ответственности, которой требует пасхальная тайна.

«Помни, Израиль!»

Вечером мы все соберемся у Креста Христова, и первое из двенадцати Страстных Евангелий будет посвящено беседе Господа на Тайной Вечере со Своими учениками о Духе Святом. Христос уходит, и Он говорит Своим, видя, какой печалью исполнились их сердца, что Он вернется.

Как вернется? В том же виде, как человек, состоящий из плоти и крови, каким Он явился в истории? Нет, Христос возвещает об ином Своем присутствии с нами — в Духе Святом. Он называет Его именем, которое может удивить нас: *Утешитель*. Почему мы будем нуждаться в Утешителе или, можно по-другому перевести, в Защитнике, Заступнике? От чего надо будет защищать нас?

Ответ дан нам в Евангелии — от забвения. В этом — одно из существенных действий Духа Святого: *Он напомнит вам* (Ин. 14:26). Он будет вашим воспоминанием, Он станет вашей памятью. «Помни, Израиль! Не забывай то, что видели твои глаза, не допусти ни на один день твоей жизни уйти этому из твоего сердца». Все века и неисчерпаемая память богоизбранного народа утверждаются на этом слове: «Помни!»

Будем остерегаться забвения. Все, что в нашей духовной жизни может быть разрушительным, — вспомним и покаемся. Сомнение, угрюмость, теплостудность, отчаяние — это забвение. Мы теряем память о благодати, которую дал нам Бог. Мы позволяем увянуть в забвении тем счастливым, ни с чем не сравнимым моментам, когда вера и любовь горели в наших сердцах, и теряем вкус к молитве. Если наша вера ослабевает — память может ее оживить. Память истории богоизбранного народа, которой мы, ее наследники, входим в Великий пост, память истории Церкви — от

Книги Деяний святых апостолов до мартирологов XX века, — которая рождает нас к жизни веры и надежды нового творения. Память сильных переживаний во время торжественных праздников, когда храм едва вмещает молящихся, или во время тихих будничных богослужений, или уединенной молитвы среди природы, или чтения слова Божия в ночной тиши — все это тоже связано с единой историей Церкви, соединяющей нас с первыми Христовыми учениками.

Как можем забыть это мы, христиане, бодрствующие на страже памяти Воскресения Христова, которая крепче смерти в течение вот уже более двадцати веков? Это наша первая и главная память, она собирает нас здесь каждое воскресенье, она — как печать всего, что невозможно никогда забыть.

Мы собираемся здесь, чтобы не допустить в этом мире ослабления нашей жизни, веры и любви. Быть едиными в причастии — значит быть способными нести других, если мы утешены благодатью, и быть несомыми другими, если теплохладность и уныние борют нас.

Мы нуждаемся в том, чтобы кто-то — и этот кто-то не меньше, чем Сам Бог, — не давал нам забыть. Иногда Христос обличал Своих: «О бессмысленные и косные сердцем!» (ср.: Лк. 24:25). И здесь Он как будто снова говорит нам: «О беспамятные!» Дети с трудом ожидают то, что будет, но очень

быстро вспоминают слова и события. Пожилые люди, проходя через испытание старости, нередко теряют память. Народы, теряющие свои корни и свою культуру, рискуют стать народами без памяти. В сердце евхаристического приношения неизгладимо запечатлены эти слова верности: *Сие творите в Мое воспоминание.*

И если правила Церкви требуют нашего участия в Божественной литургии каждое воскресенье, то это потому, что ее двухтысячелетний опыт дал ей знать, что без передачи верности, без расставленных вех, без обрядов, без непрерывающегося ритма жизни к нам непременно приходит забвение. Мы забываем. Забывать — это в нашем естестве, если мы не принимаем необходимых мер. Вот почему в течение веков люди устанавливают памятники, возводят надгробья, организуют музеи, библиотеки и архивы. Наша память так слаба, что без писания, без обтесанного камня, без изображения, без разных видов искусств мы стали бы как песчаные побережья — гладкие и бесплодные.

В нашей духовной жизни происходит то же самое: мы молимся охотно, чтобы просить; но без памяти о полученной благодати как родится молитва хвалы и благодарения? Забвение — таков наш первый и великий грех. Столь великий, что мы забываем обвинить себя в нем. А от забвения до неблагодарности — один только шаг.

Список того, что мы забываем, может быть бесконечным. Кто защитит нас от забвения? Кто защитит нас от самих себя? Ответ — в слове Христовом, которое Он произносит на Тайной Вечере. Дух Святой, Утешитель, Заступник — *Он напомнит вам*. Мы молимся Отцу Небесному: «Отче наш...», Сына Божия мы меньше всего забываем благодаря Евангелию, таинствам, тайне Его Воплощения, действующей в святых, а Духу Святому мы молимся так редко! Постараемся не забыть призывать Духа, Защитника нашей памяти, чтобы Он сохранил нас от забвения, то есть от наших слишком многих неблагодарностей, — от неблагодарности, которая не дает нам благодати участвовать в таинстве благодарения, в Евхаристии, быть с апостолами на Тайной Вечере и со всеми святыми.

Благодарим Господа

Да будет дано нам сегодня ответить на желание Господа, на Его великое желание есть эту Пасху с нами. Да, с нами еще более, чем с двенадцатью апостолами, потому что сегодня во всех православных храмах великое множество алчущих и жаждущих ждет истинного пасхального Агнца, который освободит их от духовного рабства. Час, к которому Господь устремлялся в Своей земной жизни, наконец пришел: *И когда настал час, Он возлег, и двенадцать апостолов с Ним* (Лк. 22:14). Но этот

час не проходит — он входит в наше время, чтобы вырвать нас из смерти и возвратить к жизни. И этот час собирает нас за каждой Божественной литургией.

Войдем смиренно в тайну часа Господня. Пусть все умолкнет в нас: «Да молчит всякая плоть человека». Пусть хватит всем тайны Его любви. Как Моисей, войдем в облако, осеняемые Духом Святым. Как Иов, положим руку на уста и узрим верою Того, Кто грядет к нам. Как Самуил, будем поучаться сердцем, обращенным в слушание Отца. Пусть дано будет нам сегодня как впервые узнать, что значит жить Святыми Тайнами.

Познаем, что мы входим в Сионскую горницу, чтобы участвовать в бессмертной и Святой Трапезе, которую Господь уготовал для нас. Более, чем молитвой и словом Божиим, мы приглашаемся стать участниками неслыханного события, которое проходит через всю историю человечества в сокровенности Бога.

Участвовать в Божественной литургии — не значит быть просто зрителем и слушателем, но действовать в силе Духа Святого, становясь чистым приношением с Господом. Приношение — одно из ключевых слов Пасхи, смерти и Воскресения Христова, явленных нам ныне на престоле алтаря.

Поистине прежде страдания Господь являет делом смысл Своего Креста и победы над смертью.

Умывая ноги учеников, Он дает им разуметь Свою любовь. Но, отдавая Свое Тело и Свою Кровь под видом хлеба и вина, Он делает их уже участниками пасхальной тайны. Его Тело поистине предается в руки человеков-грешников до смерти, Его Кровь изливается. Он уже не существует для Себя. Жизнь Бога Живого проходит через смерть, через нашу смерть, которую Он совершенно уничтожает. Он — всецелое приношение за нас и предание Себя и нас Отцу. Отныне нет уже ни в чем недостатка в жизни тех, кто принимает Его любовь.

Предадим себя с Ним в руки Отца Небесного, как это будет дано нам пережить у Креста Его. Пребудем в нищете нашего сердца, уподобляясь Ему в Его погребении. К этому мы призваны в момент евхаристического призывания Духа Святого: Единородный Сын Возлюбленный и дети, которых дал Ему Бог, всей мыслью своей, всем сердцем своим и всей крепостью своей обращены к Отцу. И эта всецелая отдача себя в вере низводит на Него и нас Святой Дух, от Отца исходящий, Который избавляет нас от смерти и воскрешает нас уже теперь. Да, внешний вид не изменяется — ни хлеба, ни вина, ни нашего плотяного состава, но все становится новым — Тело Христово, Глава и Его члены. Мы сможем лучше понять, почему Пасхальная Трапеза, пир Царства был назван с самого начала Церковью, потрясенной даром Воскресения Христова, — Евхаристией.

Совершать Евхаристию — значит предавать Отцу по действию благодати все, что Он дал нам. Чтобы вся жизнь наша становилась благодарением — приношением Евхаристии во Христе Иисусе, Спасителе нашем.

После Тайной Вечери

Сегодня вся Церковь — возлюбленный народ Божий, и все мы — ученики Христовы, как бы ни были мы грешны. Христос приносит Себя в Жертву любви за всех грешников — предлагает Свое Тело, ломимое во оставление грехов, и Свою Кровь, изливаемую во оставление грехов, чтобы все могли вкусить и пить прощение, воскресение и жизнь вечную. Своими пречистыми руками во всех алтарях, за каждым престолом наших православных храмов Сам Господь совершает это Таинство и причащает всех нас.

Уже сегодня мы приобщились силе Христовой Любви до конца. *Он явил делом, — говорит апостол Иоанн Богослов, — что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ин. 13:1). Это о Тайной Вечере он так говорит. Уже сегодня мы приобщились силе крестных страданий Христовых, силе Его Воскресения.

Выйдем из храма, потрясенные чудом Его любви! Но не забудем, что произошло с учениками Христовыми после Тайной Вечери, когда пришел час Его и их испытания, когда Христос внезапно

был взят и поруган и предан на смерть. Когда им всем реально стала угрожать та же опасность, их охватил страх, и они разбежались, а некоторые даже отреклись от Него. Как будто только что Христос не совершил для них первую в мире Божественную литургию, как будто Он не умыл им ноги, как будто не беседовал с ними в течение долгих часов о Своем Втором Пришествии, о послании Утешителя!.. Как будто не убеждал их, что не оставит их сиротами, что скоро они снова увидят Его, и возрадуется сердце их.

Этот ужас произошел с учениками Христовыми, потому что они не знали еще силы Креста и силы Христова Воскресения. Когда им откроется все Духом Святым, тогда они с радостью примут любые страдания за имя Христово, и ничто, никакая глубина или высота, ни настоящее или будущее, никакие гонения, ни жизнь, ни смерть не смогут их отлучить от любви Христовой (см.: Рим. 8:38–39).

Мы не так, как апостолы в первый раз, участвуем за этой литургией Тайной Вечери, и не так, как они, будем предстоять сегодня вечером Кресту Христову. Потому что нам уже дано знать, как им в Воскресение и в Пятидесятницу, о совершившейся победе Христовой. Сколько раз милостив был к нам Господь, и снова открывается Его любовь к нам. Снова мы проходим вслед Его этот путь, зная уже, что Христос все победил. Видя, что

свет Его Креста и Воскресения заполняет собою всю нашу Евхаристию, входит в наши сердца, преобразует беспросветный мрак наших скорбей в радость и славу, — не предадим нашего Господа никаким отступничеством, никаким грехом. Мы единокровны Ему и единомысленны с Ним во всей Его чистоте и правде. Не испугаемся никаких скорбей, ни самой смерти. С нами крепость Божия, мы причастники Тела и Крови Христовых. Всякий раз после причастия Святых Христовых Таин Господь испытывает нас, насколько преискренне мы Ему приобщились.

Мы слышали сегодня за литургией слово апостола Павла: *всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет* (1 Кор. 11:26). Мы становимся причастниками всего, что совершил Господь и совершает от Первого до Второго Его Пришествия, и причастием Святых Христовых Таин устремляемся ко дню Его Второго Пришествия. И чем ближе это Пришествие, тем более умножаются скорби в мире. Как это происходит в судьбе всей Церкви, так и в личной судьбе каждого из нас. Мы причащаемся Святых Христовых Таин, чтобы быть готовыми в конце концов принять смерть, которую Он нам посылает как высший дар Его милости, как Пасху, которая воистину становится Пасхой Господней, оттого что мы причастны Телу и Крови Христовых.

Последуем за нашим Господом до конца, благодаря Его за дар снова стоять сегодня у Креста, снова славить Его Воскресение и быть причастниками Его Креста и Воскресения. Быть причастниками Божественного естества, как говорит апостол Петр. Быть причастниками Тела и Крови Христовых, Новой Пасхи, которая воскрешает мертвых.

Причастие — это слово и действие

Невозможно отделить друг от друга последние дни Страстной седмицы. Великая Пятница со смертью Господа на Кресте теряет всякий смысл, если она не явится нам как осуществление всецелой вольной отдачи Себя, которую совершил Христос на Тайной Вечере Великого Четверга, если не откроется она нам в утро Воскресения. Великий Четверг евхаристического приношения превратится в чисто воображительные переживания, если не осуществится в очень реальном и страшном даре Тела Христова в Великую Пятницу, — чтобы родилось Тело нового человечества в утро Воскресения. Потому мы должны пережить эти святые дни в их предельном единстве, а не как отдельные события.

Есть еще Евангелие об умовении ног Спасителем на Тайной Вечере, чтобы не дать нам забыть глубину последнего дара в Своей жизни, который предлагает нам Христос. Есть также слова апостола Павла из Первого послания к Коринфянам как древнейшее повествование об установлении

Евхаристии: *Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет* (1 Кор. 11:26). Только с этими, сказанными нами с твердостью словами можем мы входить в радость общения с Господом жизни. Он так возлюбил нас, что преклоняет колена перед нами и становится нашим Слугой. Вы помните слова Евангелия: *Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им* (Лк. 12:37). Это то, что происходит за каждой литургией. *Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира* (Ин. 1:29). На арамейском языке в Евангелии одним и тем же словом названы «агнец» и «слуга». Как в Ветхом Завете богоизбранный народ стоя вкушал трапезу Пасхи — трапезу их приведения Господом от рабского служения египтянам в свободу чад Божиих, — так ученики Христовы вкушают Новую Пасху стоя, прежде чем их Господь перейдет через смерть и воскресение. Это — воспоминание каждой нашей Евхаристии, это пасхальная тайна, которая помогает нам стоять со страхом и трепетом пред Богом на страже понимания того, что значит наше причащение. Евхаристия не есть некая магическая пища. Ее смысл — во всех благодатных дарах, которые наполняют Церковь. Она — вершина этих даров, но она — не всё. Церковь — это ведь и мы с вами, собранные

Духом Святым во Христе, чтобы принести Отцу Небесному духовную жертву нас самих и нашей жизни в мире. «Евхаристия творит Церковь, Церковь творит Евхаристию», — говорят святые отцы. «Вы сами тоже собраны на жертвеннике», — свидетельствует Блаженный Августин, обращаясь к христианам. Это означает не только то, что наши имена, всех живых и умерших, за которых вынуты частицы на проскомидии, возносятся в Христовой жертве Богу, но и то, что Тело Христово Евхаристии неотделимо от Тела Христова, которое есть Церковь.

Точно так же невозможно разделить две трапезы — трапезу Слова и трапезу Евхаристии. Сегодня вечером мы все по милости Божией сподобимся слышания двенадцати Страстных Евангелий перед Крестом Христовым. Это будет средоточием и печатью слушания всего Евангелия, которое нам предлагается прежде Пасхи. Вы помните образ, употребляемый Богом для пророка Иезекииля, которому Он повелел *съесть этот свиток* (Иез. 3:1)? Христос, Хлеб жизни, Который мы должны съесть, — это вся Его личность, Его жизнь, Его слова, Его деяния. И трапеза Слова придает Евхаристии смысл высшего дара Христа Его ученикам.

В причастии мы приобщаемся Превечному Слову, с которым Он обращается к нам, Его ученикам. Причащаться Тела Христова — значит

причащаться Христу, такому, каким Он отдает Себя нам сегодня, в слове, с которым Он обращается к нам (и это не только Евангелие, но и молитвы, проповедь, пение Церкви) и которое мы принимаем в нашей жизни среди современного мира.

Причаствие — это слово и действие. Оно абсолютно неотделимо и от того смысла, который Господь придал ему на Тайной Вечере прежде Своей смерти, и от того, который верные всех времен придают ему, включая в него свою собственную жизнь. Каждый из нас лично и все мы вместе так вступаем в Пасху Христову. Тайной Вечерей она будет раскрываться в человеческой истории до скончания века, пока во Втором и славном Его Пришествии не перейдет в пир вечной Пасхи.

Великая Пятница

«Се, Раба Господня»

В Великую Пятницу не совершается Божественная литургия, кроме дня, когда Великая Пятница совпадает с праздником Благовещения. Во всех остальных случаях в этот день литургия не совершается, потому что вся полнота нашего искупления и спасения сосредоточена в предстоянии Церкви перед Крестом Христовым. Благовещение

же неразрывно связано с Великой Пятницей, оно — начало того, что исполняется на Голгофе.

Благовещение — это восход Солнца правды, пробуждение после ночи греха, праздник соединения Бога с человеком. В этом празднике — любовь Божественная и человеческая, которая *всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13:7), потому что она раньше всего. Полнота любви — щедрость нашего праздника, открытость его всем людям. В нем уничтожение до конца всего, что стремилось эту любовь не допустить. Всякое слово о празднике кажется невероятно наивным. Но не о празднике возвещает сегодня Церковь, а предлагает сам праздник — иными словами, не учение о любви, но любовь.

Тайна творения, чудо Благовещения и дар Креста Христова соединяются в одном все навеки определяющем слове «да будет»: *Се, Раба Господня; да будет Мне по слову Твоему* (Лк. 1:38), — говорит в ответ на благовестие Архангела Гавриила Пресвятая Дева. Она произносит эти слова, и Бог наполняет их Своей Божественной благодатной силой. Она касается высоты и глубины, которых до сих пор никто не касался, которые до сих пор не были известны никому из великих святых во всем роде человеческом. И то, что открывается Ей, превосходит все, что Она знала о Боге. И превосходит даже то, что Она может знать о Нем сейчас. Она молится Ему, и Ее «да будет» тотчас же, в то же

самое мгновение принимается Богом. Даром Духа Святого и крепостью всех Ее добродетелей, которые запечатлены словами «да будет», открывается новое для всех людей, новое совершается с Пречистой Девой Марией, с Ее душою и телом. И для всего рода человеческого открывается новизна той жизни, которая есть у Бога. Исполняется воля Божия на земле относительно всех людей.

Се, Раба Господня. Этими словами Пресвятая Дева объемлет весь мир. Она произносит это от лица всех, кто готов поверить, от лица всей Церкви. Ее смирение таково, что все верующие в Бога уподобляются Ей. В самом деле, хотя Она — избранная Богом, Та, Которой явился Ангел, но и все мы рабы Господни. Она *благословенна в женах*, исполнена благодати. Она должным образом отвечает на эту благодать, но как простая раба Господня предпочитает отступить в неизвестность. Будучи Личностью, избранной более всех, Она не может не быть со всеми. Пресвятая Дева знает, что Ее избрание — ради самого высокого личного служения Богу, но, отдавая Себя Богу и людям, Она дает место всякому, кто хочет войти в это служение.

Так непостижимо Ее смирение, что как будто нет никакой разницы между Ее новым послушанием Богу и продолжением того послушания, которое Она исполняла до сих пор. Это научение всем желающим идти подлинно духовным путем. Хотя небесный мир Ангелов уже был Ей знаком,

так что Архангел Гавриил явился Ей почти как друг, тем не менее Она, как простая верующая, не ждала ни Ангела, ни видения. И потому мы стоим сейчас там, где все разделение, все границы упразднены, где всему роду человеческому предлагается спасение. Где Она — Матерь Божия и где Она — обрученная Иосифу, где Она не делает никакой разницы между Собою и другими верующими и где границы между небом и землей уже не существуют.

Это значит, что Она открывает нам сегодня нечто совершенно неожиданное о святости. Мы привыкли думать, что святость человека чаще всего проявляется в исключительных обстоятельствах, и придаем слишком малое значение повседневному, обыденному — тому, что каждый день происходит с нами. Своим совершенным смирением и послушанием Матерь Божия говорит нам, что самое чрезвычайное — такое, как Крест Ее Божественного Сына, — и самое обыденное всегда находятся на одной плоскости.

Она вся — Мать и Она до конца — Раба Господня. Все в Ней устремлено к тому, чтобы ответить ожиданиям Господа Бога Своего. В каждом движении Ее — послушание. Во всем, что Она делает, можно найти самое высокое и самое обыкновенное, которому Раба Господня отдает одинаковое внимание. Все, что заповедано и доверено Ей Господом в земной жизни, от самого простого

и скромного, незаметного, на что человек не обращает никакого внимания, Она воспринимает как часть Своей судьбы. И Тот, Кто направляет Ее жизнь, дает Ей высшее удостоверение, что все здесь имеет высшее значение.

Ее доверие Богу безгранично: всею душою и телом, юностью и зрелостью, материнством и девством Она принадлежит Господу. Нет ни слова, ни мысли, ни движения в Ней, кроме как по Божией воле. Она в Боге, а не в Себе. *Уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2:20), — скажет потом апостол. И святые отцы, размышляя о Ее даре, говорят, что только Бог влечет Ее, а не Его богатство, не Его красота. К Богу влечется Она, а не к свету, не к благодати, не к той очевидности, которая раскрывается в Боге. И потому среди такой благодати и такого величия, после явления таких чудес, в избытке такого света Она не думает ни о чем, кроме как быть Рабой Господней. Но за это смирение Бог избирает Ее Своею Материю.

После Благовещения продолжится Ее путь на земле, будет благодатное ношение во чреве, будет Рождество Сына Божия, жизнь, сокрытая в Боге, жизнь во время проповеди Спасителя и наконец Гефсиманский сад и слова Христа: *Не Моя воля, но Твоя, Отче, да будет* (ср.: Лк. 22:42). Он предаст всю Свою волю Отцу Небесному. И в эту волю будет включена воля Матери Божией, Которая говорит

сегодня: *Да будет Мне по слову твоему* и Которая у Креста остается верной Своему Господу до конца, отдавая Его на смерть, вместе с Ним соумирая, когда оружие Креста проходит Ее душу. Из этого послушания проистекает всякое послушание человека в Боге. И в это послушание, в эту волю, в это согласие призываемся войти мы все. «Да будет воля Твоя!» Напомним, что последняя молитва, которую воспевают Церковь перед причастием, — это молитва Господня со словами «да будет воля Твоя».

Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного (Ин. 3:16), — и это исполнилось в день, когда Бог воплотился от Нее. Так возлюбила Она Бога всем сердцем, всею мыслию, всею душою, всею крепостию Своею, всем смирением, всей чистотою, всею любовью Своею, что Дева стала Матерью Божией. «Бог не стал истинным человеком, если Пресвятая Дева не Мать Его» — так богословствует Церковь в праздник Благовещения.

Мать Божия. Вот перед чем мы стоим. И всем святым не хватит веков, чтобы созерцать это чудо. Ангелы с изумлением и трепетом предостоят Ей. Она — Госпожа Ангелов, Царица неба и земли, но более всего — Мать. И у Креста Христова мы услышим, как Господь говорит Своей Матери об ученике Своем, которого Он любит: *Жено! се, сын Твой*. А затем: *Се, Мать твою* (Ин. 19:26, 27).

Эти слова Господа сегодня сказаны мне и тебе и каждому из нас. «Се, сын Твой», — говорит прежде Пасхи Господь о каждом из нас, обращаясь к Божией Матери.

Снова и снова наши голоса присоединяются к бесчисленному множеству тех, над кем исполнилось в веках Ее пророчество: *Се бо, отныне ублажат Мя вси роди* (Лк. 1:48). «Архангельский глас вопиет Ти, Чистая: Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою». И эти слова звучат с исключительной силой, когда мы причащаемся Святых Христовых Таин.

Кто может устоять у Креста Христова

Готовясь ко Святому Причащению, мы должны сугубо молиться Божией Матери и святому апостолу Иоанну Богослову, потому что надеемся молитвами всей Церкви и особенно их предстательством причаститься Христовой любви.

Мы не можем быть подлинными христианами, если не откроемся другим, не воспримем служение Второго Адама, которое призвано собрать всех. Но это невозможно без нашего приобщения Христу, без того, чтобы мы открылись Христу, отдали себя Ему, стали едиными с Ним. Потому Евхаристия — это такое требование всецелого «да», явленного Божией Матерью в Благовещении, такой нашей благодатной открытости всем, которая обнимает весь мир.

Но разве Крест может быть чем-то другим? И разве Евхаристия, являющая нам присутствие Креста Христова в нашей жизни, может быть чем-то меньшим, чем это требование? Даром Евхаристии мы стоим у Креста Христова, как Божия Мать и апостол Иоанн Богослов, приобщаясь тайне Искупления, отвергаясь этого царства греха, который есть великая рана, наносимая делу Божию и Самому Богу. Эта рана может исцелиться только тогда, когда, встав у подножия Креста, мы возьмем на себя ответственность, требующую такой нашей жертвенности, какую явили Божия Мать и возлюбленный ученик Христов.

Память любви запечатлевает все. Как сказано о Божией Матери, Она *сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем* (Лк. 2:19), так мы можем сказать и об апостоле Иоанне Богослове. Он один смог навсегда сохранить все слова Спасителя на Тайной Вечере о Духе Святом. С тринадцатой по семнадцатую главу Евангелия от Иоанна Христос говорит с нами о самом главном перед Своими страданиями. И все Евангелие любви читается от Пасхи до Пятидесятницы, когда Церковь узнает, что такое любовь Христова и что такое человеческая любовь — наша ответная любовь к Богу, к которой мы призываемся. В Апокалипсисе — откровение о будущих судьбах Церкви и человечества, потому что только любовь может видеть так далеко и так истинно. Этот дар воспринял апостол любви, и ему

дано было стоять там, где могла устоять только Божия Матерь, — у Креста Христова. И на Тайной Вечере он возлежал на груди у Господа. Он один мог спросить и на каждой Евхаристии до скончания века спрашивает: *Господи кто есть предавая Тя?* (Ин. 21:20).

Нашим вольным принятием Господня дара, нашей любовью совершается таинство Евхаристии. И Господь ответит нам. Он ответит, и мы будем участниками священного небесного пира Господня, составляя из самих себя Церковь, спасающую Христом весь мир. Любовь, которую мы ищем, — от любящего нас Господа.

Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания (Лк. 22:15), — говорит на Тайной Вечере Господь. Вот почему мы должны стремиться как можно чаще причащаться — из-за великого желания Господа соединиться с нами, иметь нас Своими членами, в которых присутствует Бог Живой. Поистине, Христос всегда хочет приобщиться нам. Но Он не может приобщиться нам без нас. И прийти к подножию Креста в таинстве Алтаря — значит ответить на великое желание Господа быть единым с нами.

Когда мы размышляем о непостижимой тайне человеческой судьбы, о том, что даровано нам Господом, не зная, как отблагодарить Его, мы невольно с изумлением восклицаем словами псалма: *Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?* — и отвечаем

на это тоже словами богодухновенной молитвы: *Чашу спасения прииму и имя Господне призову* (Пс. 115:3–4). Вот самое главное наше благодарение, которое мы можем принести Господу в службе благодарения, соединенной со всей нашей жизнью. И не случайно сразу же после пресуществления Святых Христовых Таин наша мысль и наше благодарение восходят к Божией Матери. Когда мы причащаемся тайне жизни и смерти Спасителя нашего, тайне родства Бога и человека, мы сознаём, что только Божия Матерь вслед за Своим Божественным Сыном может повторить эти таинственные слова: «Сие есть Тело Мое» и «Сия есть Кровь Моя». И наш самый лучший ответ Божией Матери за все Ее милости к нам есть приобщение Телу и Крови Христовым всем нашим существом, всею нашею судьбою. Через Нее мы вступаем в общение с Господом и делаемся родными Ему, становимся воистину принадлежащими роду человеческому.

Великая Суббота

«Да молчит всякая плоть человека»

Святая и Великая Суббота — день, когда Господь почил от дел Своих, сотворив мир и человека, введя его как царя во вселенную. И день, когда

Он завершил дело нашего спасения. Сия Суббота есть благословенная. В ней — сокровенная победа и молчание перед тайной Бога, ставшего человеком. И мы слышим за литургией, там, где обычно звучит Херувимская песнь: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным...»

Никто никогда не говорил так, как Христос. И никогда не говорил так Христос, как Он говорит сейчас Своим молчанием. Все слова Евангелия, которые мы должны были прочитать к сегодняшнему дню, заключены в Его молчании. И есть еще большее, что не написано в книгах сих, и есть еще большее, что мы сейчас не можем вместить: вся истина, вся любовь, вся полнота жизни.

Если мы услышим это молчание Божие, нам будет дано узнать о Его победе, которая уже совершилась. Она открывается вначале самым верным — женам-мироносицам, которые следуют за Христом ко Кресту и стоят у Креста. Они идут ко гробу, преодолевая страх. Ибо любовь влечет их туда, где Господь. И эта победа открывается тем верным, кто не отступал от Господа во все эти святые дни, слушая не одним внешним слухом песнопения Церкви. Тем верным, которые теперь узнают, что Христос сходит во ад, заполняя его Своим присутствием, уничтожая его до конца. И тем, кто

знает, что всякий их грех — это то, что относится к аду. И они сами относятся к аду, если не отделяют себя от этого греха до конца покаянием. Им уже сейчас дается узнать, что свет Христов касается глубин их сердец.

В Воскресении Христовом, как и в час смерти Его, земля сотряслась, знаменуя вселенское значение этого события. Вестник Божий, сияющий светом, отвалил камень, закрывающий гроб. Но не для того, чтобы дать выйти воскресшему Господу. Господь не имеет нужды в том, чтобы Ему расчищали дорогу, как не будет нуждаться и в том, чтобы Ему открыли двери в Сионскую горницу для входа к ученикам. Ангел торжественно восседает на камне, так что сияние небесной славы, почивающее на нем, освещает пустой гроб, и две Марии (*Мария Магдалина и другая Мария* — Мф. 28:1) могут видеть, что в нем нет тела Господа.

Евангелие от Матфея, которое мы слышим за литургией Великой Субботы, также единственный свидетель, упоминающий о стражах, отвечающих перед иудеями за происшедшее. *Скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали* (Мф. 28:13). Но не от усталости отяжелели веки воинов — от страха они стали как мертвые (см.: Мф. 28:4). Один и тот же свет, сошедший с небес, вызывает радость у одних и страх у других, и так будет до скончания века. *Свет во тьме светит* (Ин. 1:5) и совершает разделение. Те, кто

принимает эту весть с верой и входит в радость Господа своего, преобразуются в чад света. Те, кто предпочитает тьму, ненавидят этот пасхальный свет, ибо он обличает их злые дела и их принадлежность к князю мира сего.

Мы видим, что черные облачения в храмах сменились на белые. Что это значит? Это значит, что Господь светом Своим преодолел всякую тьму. И нет уже никакой тьмы для тех, кто следует за Господом. В течение всего Великого поста Церковь облачалась в черные ризы в знак того, что свет превратился во тьму, — так велик наш грех. И в знак того, что солнце померкло, видя, что происходит с Творцом мира на Кресте. Мы участвуем в этой тайне Великим постом. А теперь Ангел сходит с небес, и *вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег* (Мф. 28:3). Это отсвет — от того света, который дается нам от Бога, сходящего светом Своим во ад. Это отсвет от того света, который Он явил избранным Своим ученикам на горе Преображения, когда говорил о Своем исходе, о Кресте и о погребении, о том, что этот свет Он «уготовал пред лицом всех людей».

И сегодня с нами совершается то, о чем мы постоянно слышим в самом главном нашем покаянном псалме: *омыеши мя, и паче снега убелюся* (Пс. 50:9). Паче снега убеляются души тех, кто прошел пост с покаянием и участвовал в том, что совершил Господь. Паче снега они убеляются от

той белизны, которая есть у Господа. И Господь говорит: *«Побеждающий грех, побеждающий смерть, побеждающий диавола верностью Христу облечется в белые одежды»* (см.: Откр. 3:5) и: *побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает* (Откр. 2:17), — эту белизну в Великую и Святую Благословенную Субботу.

Вот сокровенность сегодняшнего дня. И мы будем ждать, когда эта белизна, которая символизирует не только чистоту и святость, но и радость и торжество Победы Христовой, раскроется многоцветным пасхальным ликованием. Когда Превечное Слово, Которое было в начале, будет говорить лицом к лицу с верными в Его Воскресении.

ПАСХА ГОСПОДНЯ И ЕВХАРИСТИЯ

Среди пасхального ликования

Радость Воскресения Христова пришла к нам, и радости этой никто не может у нас отнять. Святая Церковь не перестает взывать к нам: *Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2:11). Невозможно по-другому служить Господу.

Наши души переполнены не только солнцем и цветением, но и вечной весной. И странным образом причины нашей радости буквально те же самые, которые при других обстоятельствах вызвали у нас печаль.

Все зависит от того, куда устремлен наш взор. Кто ищет Господа, у того сердце всегда бу-

дет преисполнено радостью. Потому что Христос все победил.

Среди пасхального ликования Церковь не перестает напоминать, какой ценой куплена для нас эта радость. Но тайна нашего спасения не заключается только в жертвенной смерти Христа на Кресте. Смерть Христа без Воскресения — это поражение, страшное и решительное, и мы все — непонятно что. Все становится абсурдным, и уже не на вратах ада, как у Данте, а на вратах земли следует поставить эту фатальную надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Но когда за смертью наступает воскресение — эта вольная жертва, увенчанная победой, эта сияющая победа утра Пасхи, — тогда эти две тайны — смерть и воскресение — становятся одной. «Пасха» означает «переход». И, как всякий переход, предполагает два момента: начало пути и его завершение. Начало перехода — смерть на Кресте, завершение — Воскресение.

Но Воскресение Христово невозможно без Его крестной смерти. И в Светлой седмице всегда присутствует Страстная. Невозможно быть причастником Пасхи Господней, не участвуя вместе с Церковью в Страстной седмице. Невозможно быть причастником Святых Христовых Таин, не приобщаясь всему, что совершил Христос нашего ради спасения.

Победа Христова предлагается всем

В течение Светлой седмицы не символически только открыты царские врата, и за каждой литургией Церковь поет: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь» («все, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»). Более чем когда-либо мы можем понять в этот период значение Божественной литургии в нашей жизни. Оно погружает нас все более и более в глубины веры, и это погружение, это продолжение Крещения длится всю нашу жизнь («крещение» по-гречески означает «погружение»). Оно не перестает посвящать нас в тайны веры не только рассудком, но всем нашим существом, всем нашим телом и нашей душой. Вот почему крещеные, которые воображают, будто можно быть верующим, не ходя в церковь и не участвуя в таинствах, страшно ошибаются. Милостив Бог, Он будет искать, какими другими путями — какими скорбями — привести эти души ко спасению. Но какие сокровища не будут узнаны ими, какие богатства потеряны, какие открытия и радости отвергнуты, какие зовы Духа Святого останутся незамеченными!..

Мы перешли из смерти в жизнь

Что должны мы вынести с собой, исходя из храма? Эта седмица и этот день, который наступает

ночью, — начало нашей вечной жизни. Мы поистине приняли воскресшего Господа и будем устремляться к свету, который светит во тьме, и тьма не может его объять (см.: Ин. 1:5). Мы приняли Его в Его Теле и Крови, в причастии Святых Христовых Таин. Но мы приняли Его также друг в друге. Это то, что раскрывает литургия. Есть прекрасный обычай пасхального целования в эти святые дни. Мы принимаем жизнь друг друга. Это начало нового мира благодати, действия ее в нас. Мы выйдем обновленные, открытые новому Христову дару. В чем должна состоять наша жизнь — распятых с Господом и воскресших с Ним? Апостол Иоанн Богослов, Евангелие которого звучит среди Пасхи, говорит в своем Первом послании: *Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев* (1 Ин. 3:14). Вот что такое воскресение. Но оно включает и смерть. В Великую Пятницу мы узнаём, что никто не может увидеть Бога, не умерев. Эта великая истина исполнилась в полноте во Христе, в Его любви. Мы не можем увидеть нашего Бога и, добавим еще, нашего брата, не умерев для самих себя. В Теле Христовом, ломимом на Кресте, тайна Бога и тайна человека соединились. Господь сказал на Тайной Вечере во время первой Евхаристии: *Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин. 13:34).

И здесь то, на что, особенно в наше время великих подмен, мы должны обратить самое

серьезное внимание. Какие бы у нас ни были добрые намерения, как бы мы ни исполнялись в эту святую ночь решимости служить другим, забывая себя, у нас есть опасность возвратиться в Ветхий Завет, то есть в смерть. Нам не избежать ее, если мы будем думать, что это служение исходит от нас. За пасхальной литургией мы слышим слово Евангелия о новизне жизни во Христе тех, кто *ни от хотения плоти, ни от хотения мужа* (то есть от нашего произволения), *но от Бога родились* (Ин. 1:13). Дар Воскресения Христова, который есть любовь, — сие не от нас, а от Бога. Воскресение Христово, наше воскресение — любовь, не знающая границ. А то, что исходит от нас, кончается очень быстро. Оно всегда на пределе наших интересов, нашего мира ценностей. Мы не можем идти очень далеко. Но если Христос, Пасха Христова, первая заповедь будут у нас на первом месте, если мы будем исходить от Христа, от Его прободенного копием ребра, от дара Божественной Евхаристии, от тайны Отчей любви, наша любовь будет охватывать всех, это будет Христова любовь. Только так мы пройдем через смерть и начнем любить, как Христос. В этом вся новизна Евангелия. Новая жизнь воссияла от гроба, побеждающего смерть.

Мы на самом деле носим в себе со Христом новую жизнь, в которой должны родиться все. Мы — только малая закваска. Не для себя мы

живем, а для всех. Пасха Господня завершится Пятидесятницей — исхождением Святого Духа, Которым мы живем за каждой литургией. Дух Святой научает нас, что наше исцеление от греха и смерти не может быть следствием естественной терапии. В нашем сегодняшнем мире уже достаточно было иллюзий, чтобы кто-то поверил, что решительные перемены достигаются своими собственными силами. Только Дух Святой имеет силу исторгнуть человечество из гроба, в который оно заключило себя. Естественная жизнь, даже по добру и по правде, рано или поздно становится нижеестественной, греховной — там, где нет благодати. Но Господь приобщает нас Своему Пречистому Телу и Крови, чтобы мы жили одной жизнью с Ним.

Евхаристия — семя нашего воскресения

Как непросто исповедовать нашу веру! Как непросто говорить о посте или по крайней мере о посте Христа Бога, о Троице, о Воплощении, о крестных страданиях Господа и Его Воскресении, о Евхаристии!

Церковь не перестает утверждать нас в нашей вере. Христос — Слово Отчее, Превечный Глагол. Но как трудно говорить о Хлебе жизни!

Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни (Ин. 6:53). Вот слова, которые иудеи не могли принять. Они говорили между собою: *Как Он может дать нам есть Плоть Свою?* (ст. 52). А пить Его Кровь — как такое может быть? Это немислимо, это вызывает возмущение в нашем сердце. Это событие в Капернауме — настолько важный момент для судеб человечества, что мы должны снова и снова возвращаться к нему.

Несмотря на явный соблазн этих слов у Его слушателей, несмотря на отход многих, которые полагали, что Он говорит невесть что, и сегодня не предвидится легких евхаристических Трапез, Христос непоколебимо утверждает тот же смысл: *Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье* (Ин. 6:55). Эта настойчивость поможет ли ясно увидеть грядущим поколениям реализм и жизненную силу Евхаристии?

Поразительно, что Христос не перестает повторять эти слова, видя соблазн, который они вызывают у иудеев. Он не пытался успокоить всех, говоря, к примеру: «Не волнуйтесь, это просто такой способ выражения мысли, это образ. Разумеется, Я не собираюсь дать вам пить Свою кровь. Хлеб и вино, которые вы принимаете, конечно же, только символы. То, с помощью чего вы вспоминаете обо Мне, напоминание о Моей смерти ради спасения мира». Было бы нетрудно успокоить слушающих, среди которых

находились, между прочим, Его апостолы, уже переставшие понимать Его слова.

Как мог Христос поступить так, для чего Ему было таким образом привлекать к Себе людей? Но даром Духа Святого Церковь доныне знает и всегда будет знать, что в Евхаристии Он присутствует не символически, а непостижимо реально, телесно. Евхаристия — реальный телесный дар Христа. Он на самом деле дает Свое Тело и Свою Кровь, чтобы мы приняли их в себя. Когда мы причащаемся, наше тело соприкасается со священным Телом Христовым. Наше тело — то есть наша личность (ибо мы — наше тело) — входит в общение с Плотью Христовой, то есть со всей драгоценной Личностью воскресшего Христа. Вот почему Церковь установила, чтобы священник (и все верные) прежде причастия приносил покаяние в своих грехах. А приступая ко Святой Чаше, совершал перед ней земной поклон. И, принимая Святые Дары, благоговейно держал плат перед подбородком, чтобы ни одна капля не пролилась.

Читая внимательно Евангелие о Евхаристии, мы видим, как часто встречается в нем слово «жизнь»: «хлеб живой», «имеет жизнь вечную», «не будете иметь в себе жизни», «ядущий Меня жить будет Мною» и так далее. Потому невозможно удивляться настойчивости Христа в таком измерении Евхаристии. Для христианина Евхаристия — вопрос жизни и смерти.

Мы знаем, что такое голод и как люди умирают от голода. Не происходит ли это нередко с нами духовно: у нас нет Хлеба жизни, как у умирающих в пустыне нет хлеба и воды? Когда кто-то привыкает к очень редкому причащению, он может внезапно обнаружить, что его вера постепенно увядает и его все более охватывает болезнь безразличия.

Скажи мне, какое у тебя отношение к Евхаристии, и я скажу тебе, какова глубина твоей духовной жизни. Умираешь ли ты от голода без этого насущного Хлеба? Не лишаешь ли ты себя его со спокойствием? Не принимаешь ли ты его по привычке, следуя за всеми почти бездумно? Не относишься ли к причастию как к некоей магии, которая сама по себе, вне зависимости от тебя, восполняет твои недостающие усилия жить по-христиански? Сознаешь ли ты иногда необходимость лишить себя причастия, потому что в сердце твоём живет ненависть или отвержение твоего ближнего? Принимаешь ли ты Христа, чтобы вкусить, как благ Господь и Его жизнь, и чтобы ответить любовью на Его любовь?

Евхаристия — Хлеб настоящей жизни, хлеб в дороге, пища странствующего в путешествии, которая укрепляет, спасает нас от духовного бесчувствия на пути к земле Обетованной. Она — Хлеб, разделенный между идущими по пути к Богу. Всякий раз Господь возвышает нашу молитву от малых личных забот к великим задачам челове-

чества и расширяет наше сердце к Своему вселенскому измерению. Все превосходящее возрастание жизни даром Евхаристии открывает наше сердце нуждам других. Причащаться? Мы причащаемся вместе со всею Церковью. Пусть никто не ест Хлеб Божий в своем уголке! Христос никогда не приходит один. Он приходит со всеми Своими святыми, со всем Своим народом.

Евхаристия — семя нашего воскресения, оно запечатлевается в нашем плотском теле. Этому телу, которое коснулось, приняло, соединилось с плотским Телом воскресшего Христа, обещано воскресение. Смерть будет побеждена, когда семена жизни возрастут в нашем обыкновенном теле, в «духовном теле», которое нам будет дано в конце времен.

Это тело, бесполезное для жизни, распадающееся, мы увидим великолепным, преображенным таинственным присутствием распятой любви. И мы поймем лучше тайну Воскресения Христова и тайну Успения Божией Матери, тело Которой не знало тления, потому что оно носило и созидало тело Сына Божия.

ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ И ЕВХАРИСТИЯ

Вход во Святое святых

Этот праздник Введения — пророчество. В нем — радость Божией Матери и всех верных, заранее благодарящих Бога за все, что будет Ей дано. Ее вход в Иерусалимский храм — это наш вход с Евангелием за Божественной литургией, когда Церковь поет заповеди блаженств. Небо и земля соприкасаются друг с другом. Трехлетняя Отроковица восходит по ступеням храма. И заповеди блаженства, которые воплотившийся через Нее Господь возвестит Своим ученикам, ставят Ее и всех идущих этим путем одновременно на землю и уже на небеса. Первая часть каждой из этих заповедей раскрывает то, что происходит

на земле, а вторая — то, что соответствует этому на небесах: *Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное; блажени плачуущи, яко тии утешатся* (Мф. 5:3–4), и далее — от ступени к ступени. Восходя во Святое святых, Пречистая Отроковица пророчествует о смысле благовестия Христова.

Но что означают для нас эти заповеди, без которых невозможно наше участие в Божественной литургии и в сегодняшнем празднике? Может быть, в них заключена некая духовная программа спасения, пастырская стратегия Господа? И ученики Христовы, вдохновленные ею, наконец-то могли бы по праву сказать: *Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?* (Деян. 1:6). А другие услышат в них учение, обращенное к каждому из них, новое Десятословие, заповеди, устанавливающие еще более возвышенный нравственный порядок: *Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?* (Мф. 19:16). Эти ожидания и эти вопрошания — законны. Но если внимательнее прислушаться к тому, что говорит Господь, можно воспринять это иначе. Стать нищим духом, плакать, испытывать алкание и жажду, быть оскорбляемым и гонимым — не есть в собственном смысле заповеди совершенства. Потому что на самом деле здесь Господь ничего не заповедует. Он делает другое: Он называет блаженными всех

восходящих к Богу, во Святое святых, крестным путем, обозначая особенности этого восхождения — то, чем определяется блаженство.

Обратим внимание, что заповеди блаженств не только открывают нашу Евхаристию, в них — то благодарение, которое мы приносим в молитвах Господу и без которого не может совершиться чудо освящения. Оказывается, не всегда нужно что-то просить у Господа, иногда достаточно принести Ему заранее благодарение, как если бы просимое уже было получено. *Имейте веру Божию*, — говорит Господь. — *Ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам* (Мк. 11:23–24). Точно так же здесь Господь не предлагает новые заповеди. Но скорее возвещает, что существуют некоторые благоприятные для спасения обстоятельства. Они заранее содержат в себе, в своей прозрачной глубине, блаженство, которое будет дано проходящим через них. Большая часть этих обстоятельств не зависит от нас, не в нашей власти их изменить. Невозможно создать их никаким усилием. Как, на каком основании можем мы, например, вызвать гонения на Церковь? Может быть, нам следует начать вести себя намеренно вызывающе, чтобы у нас появилось

больше ненавистников и врагов? Разумеется, не этого ждет от нас Господь. Напротив, то, что обещано нам, неотменимо ничем. Все, о чем говорит Господь, неизбежно придет к нам, как только мы начнем восходить во Святое святых — учиться быть подлинными учениками Христовыми. Сам Господь обещает нам это, но как дар. Придет день, когда Пречистой Деве *душу пройдет оружие* (ср.: Лк. 2:35). И нам надо будет однажды научиться плакать, претерпевать нужду, быть напоенными клеветами, каждый день нести свой крест вслед за Господом. Именно из-за этого мы будем подвергаться нападкам совне. Если мы научимся принимать их с благодарением Богу, внутри нас начнет как бы сама собой рождаться радость. И иногда нам будет дано предощутить, что означает блаженство, о котором говорит Господь.

Благодарение и благодать — единая тайна. «Кто благодарит, тот вступает в родство с Богом», — говорит святитель Григорий Богослов. Это же действие благодати определяет подлинную молитву: дерзновение веры привлекает всемогущество Божие. Действие благодати распространяется не только на чудеса прошлого, но также на знамения и явления будущего, которые мы можем ожидать. Они будут еще большими, уверяет нас сегодня Божия Мать, — чудеса, которые Бог уготовал для тех, кто верует в Него и не перестает Его благодарить.

Только так мы можем постепенно становиться нищими духом, освобождаясь от всего, что мешает нам совершать восхождение, не имея никакого другого желания, кроме правды и святости Божией. Мало-помалу мы будем обретать простоту и чистоту, уподобляясь детям, Тому Ребенку, Которого сегодня прославляет Церковь, научаясь у Господа кротости, миру и любви даже по отношению к тем, кто гонит нас, приобщаясь крестной молитве Господа и заступничеству Божией Матери за всех людей. *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5:12). Это радость Божией Матери и всех, кто прошел вслед Ей этим путем, радость каждой Божественной литургии и нашего сегодняшнего праздника. Она присутствует во всех молитвах Церкви и во всех испытаниях, принятых ради Господа со смирением и благодарностью Ему.

О Небесном Хлебе

В навечерие Рождества Христова Церковь уже воспевает тропарь Рождества Спасителя нашего, уже раскрывается в полноте торжество земли и неба. У вертепа Спасителя мерцает вся вселенная, и звезда Вифлеема ведет всех любящих истину поклониться рождшемуся нашего ради спасения Богомладенцу Христу.

Он в пещере, где пастухи готовят пищу для своих стад, — спеленутый Младенец, Небесный Хлеб, Который питает Собой все живущее. Вифлеем называется Домом хлеба. Когда мы причащаемся Христовых Таин, нам дается узнать значение этого слова. Как во времена пришествия Спасителя мир до предельной глубины испытывал голод и жажду истинной пищи, так и теперь. В то время как Сам Господь предлагает Себя в пищу всем людям.

Будем благоговейно всматриваться в Промысл Божий, совершающийся в человеческой истории. Пророк Михей называл Христа Царем, Который встанет и наптит хлебом все народы. С самого начала Христос приобщается горькому хлебу, которым питается род человеческий, изгнанный из рая за предательство Господа. Испивает до конца чашу, которую пьем мы, люди, здесь, на земле, чтобы сделать нас причастниками истинной Божественной жизни.

Мы слышим в Евангелии, что Ему будет дано имя Иисус, и исполнится пророчество, что Его нарекут Еммануил, *еже есть сказано: с нами Бог* (Мф. 1:23). Одно именование раскрывает содержание другого. Имя Иисус означает Спаситель: *Он спасет людей Своих от грехов их* (ст. 21). Кто может спасти людей от грехов, кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Никто ни на небе, ни на земле не может прощать нам наших грехов. Они страшны,

но только один Бог видит всю адскую бездну, которая раскрывается за ними. И потому только Он один может простить нам наши грехи, спасти нас от них, стать нашим Спасителем.

Мы исповедуем Его как Еммануила, Того, Кто *с нами Бог*. Потому что, если Бог не пришел в мир, нет и не может быть никакого спасения для мира — ни для какого отечества, ни для всего человечества. Нет и не может быть никакого исцеления для нас, людей, если нет с нами Бога. *С нами Бог*, а не идея, самая великая, какая только может быть, не мечта, самая прекрасная, какую только может знать человечество. Он *с нами* — так, как с нами душа, которая нам принадлежит, как с нами наше тело, которое нам дано, как с нами наши беды и скорби, которые нам всегда сопутствуют. Как то, что абсолютно отличает нас от Него, — наша смерть, которая есть у нас и которой Он не должен быть никак причастен. Он рождается в наш мир греха и смерти, чтобы спасти нас, чтобы быть *с нами*. И это не только питает наш ум в наступающем празднике премудростью Божией, все превосходящей. Но и наполняет наши сердца радостью, так что мы, причащаясь Святых Христовых Таин, делаемся способными вместе с Ангелами рождественской ночи воспеть: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!* (Лк. 2:14). Слава Единородному Сыну Божию, на небесах, на Престоле херувимском и на земле на соломе в яслях

Вифлеемских почивающему, со Безначальным Его Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом, Троице Единосущней и Нераздельней!

Родиться со Христом

Таинство Причащения обретает особый смысл в праздник, когда Церковь предстоит тайне Божественного Воплощения. «Вифлеем» означает «город хлеба». А Церковь — место благодати, где подается нам Хлеб жизни. Церковь — это все мы, собранные Духом Святым, чтобы принести Богу Отцу духовную жертву — того, что мы есть, и нашей жизни в мире — во Христе Иисусе, Господе нашем. Евхаристия творит Церковь, Церковь творит Евхаристию, говорят святые отцы. И причащающиеся — сами на жертвеннике, при условии реального присутствия Господа с ними. Никто не может понять ни Евхаристии, ни Рождества Христова, пока не приобщится, хоть в самой малой мере, бесконечному Христову смирению.

В эту ночь на земле совершилось событие не менее великое и таинственное, чем творение мира. В наш мир со всеми его скорбями, грехом и смертью приходит Христос. Новый человек, Богочеловек вступает в нашу историю, и ее течение обращается вспять, даже если многие этого

не видят. Воплощение — самое великое таинство, Сам Христос Своим рождением в Вифлееме совершает его. И когда Христос на Тайной Вечере дарует Свое Тело и Кровь апостолам, Он второй раз дарует человечеству всего Себя. Отныне, чтобы падшее создание могло восстать, Он всегда будет пребывать в этом Даре. От начала Воплощения до конца времен Христос — истинный Бог и совершенный человек — будет всегда присутствовать в мире. После Воплощения ни на один день, ни на один час не останется земля без Его присутствия. И это присутствие, передаваемое через престолы алтарей, будет средоточием всего, что происходит в мире, до конца времен. Все мы и каждый из нас, единственный и неповторимый, соединены друг с другом в этой Пасхе, в этом переходе Христа, который Он совершает через всю человеческую историю.

Вот почему мы здесь, вот почему Церковь придает такое значение причащению в навечерие Рождества Христова. По слову святителя Феофана Затворника, глубокий и сокровенный смысл праздника заключается в том, чтобы, приняв Христовы Тайны, мы могли благодатно обновиться и снова родиться вместе со Христом. Обновление не совершается только словами, даже самыми великими, или решимостью жить по правде и чистоте, этого недостаточно. До прихода Христа на землю были великие пророки, великие святые,

но тогда Бог не воплотился в мире. А ныне Бог восхотел воплотиться от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечиться. И всегда пребывать на престолах алтарей со всей Своей силой и тайной, Телом, Кровью, Жертвой, Искуплением и Воскресением.

В праздник Рождества мы поклоняемся Солнцу правды — Христу Богу нашему — и причащаемся Его пречистых небесных бессмертных животворящих страшных Таин. Как в материальном мире в одной частице света, в одном луче заключены все свойства солнца, так в Евхаристии, в самой малой частице ее, — весь Христос со всем Своим Божеством и всем Своим вечным человечеством. Христос рождается, чтобы принести Себя в жертву ради спасения человечества, которое находится в состоянии распада. Христос не может спасти его без жертвы, и эта жертва — пребывание с нами. Не только Крест, гвозди и копие, но сам факт пребывания с нами. Эта жертва и есть превосходящая всякое разумение любовь Христова, которую Господь являет в Рождестве и в Евхаристии. Она изливается в сердца наши Духом Святым. Христос возлюбил Свою Пречистую Матерь, Своих апостолов и все человечество. Если мы, причастившись Его любви, сможем воспринять, как свои, усталость и скорби — не всего человечества, потому что мы очень малы, но некоторых людей, не забывая о том, что происходит со всем человечеством и со всем нашим народом, — если мы исполнимся

сострадания к ним и огненной ревности по Божественной истине, без которой не может быть любви, — мы будем со Христом. И если мы сможем — в той мере, в какой позволяет Бог, — взять на себя ответственность за прошлое и будущее мира, оттого что мы приобщились Христу, нам откроется тайна Таинства, которое правит миром со дня творения. То, что явлено в Воплощении Христовом и в Евхаристии.

Мы живем на земле, где уже более двух тысяч лет после Рождества Христова, после Тайной Вечери история идет своей дорогой, вмещающая в себя весь мрак и падения, какие только могут быть у человека, попавшего под власть дьявола, и весь свет и благоухание Воплощения и Искупления, принесенные на землю Спасителем. Пусть не думает никто, что жертва Евхаристии касается только того, кто совершает литургию, и того, кто принимает Причастие. За каждой Божественной литургией совершается жертвенное действие, которое, как говорит святой Иоанн Златоуст, имеет вселенское значение. Христос пришел на землю ради спасения мира. Когда вы слышите: «Сие есть Тело Мое», — это Воплощение. И когда вы слышите: «Сия есть Кровь Моя», — это разделение состава Его естества, жертва и крестные Страсти. И когда они соединяются снова в Чаше перед причастием, это — Воскресение. Поэтому мы должны быть существенно едины с жертвой Христовой, с этим

Его «да будет воля Твоя», которое означает: *с нами Бог*, и я принимаю этот дар быть с Тобой, Господи, до конца, с Твоей любовью, Твоим терпением, Твоим благоволением, Твоей непоколебимой верностью истине. «Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда». Мы, христиане, не принадлежим обычной истории человечества. Мы составляем иной народ — с иной историей, мы те, кто участвует в поклонении вифлеемским яслям с волхвами и пастухами, кто причащается на Тайной Вечере вместе с апостолами и соумирает у Креста Христова вместе с Божией Матерью и апостолом любви Иоанном Богословом. Вместе с теми, кто смиренно трудится в течение всей истории, чтобы изменилась судьба человека и было даровано многим спасение.

Церковь, несмотря на наше недостойнство и малость, приобщает нас великим тайнам и зовет выйти из обычного течения человеческой истории и нашей очевидной, подчиненной греху и смерти судьбы и войти в иную судьбу, исполненную славы Господней, обновленную родством с Богом. Мы пойдем отсюда в те же самые места, где были до этого, мы будем исполнять ту же самую работу, что и раньше, но это будет другое место, иной труд, потому что наш Господь будет *с нами*. Великая ответная любовь ко Господу наполняет историю человечества, всюду сопровождая ее чудесами, мудростью, истинным вдохновением, верностью

истине даже до крови, мученичеством, жертвами, подвигами, неприметными для других людей.

Однако печально видеть, как часто дар Господень бывает покрыт и задушен житейскими нуждами, страхом, похотью, честолюбием, стремлением приспособить истину ко лжи — всем тем, что делает жизнь бесплодной и мрачной. И мы не можем с нашими малыми мерками проникнуть в тайну Таинства Церкви, даже если мы священники. Но как бы ни совершалась литургия — хорошо или плохо, какими бы ни были священники, в конце концов, это не имеет значения, — вечная тайна жертвы алтаря непрестанно совершается на земле. Если мы принесем нашу жизнь к яслям Вифлеема, если примем любящим сердцем свидетельство апостолов и святых о Евхаристии, если дано нам будет узнать, что ничто не может быть выше и больше, чем соединение со Христом, мы сделаемся способными оставить все наши тревоги и страхи и сможем сказать со Христом, какие бы испытания ни надвигались на нас: «Не как я хочу, но как Ты, Господи!» Если мы скажем это всем своим существом, то истина, наша верность истине освободит нас (см.: Ин. 8:32), говорит Христос. Мы будем свободными, даже если завтра окажемся в тюрьме и не выйдем из нее до конца нашей жизни. Мы будем живыми, даже если нам надлежит умереть за Христа. Об этом свидетельствуют все древние и новые мученики, все святые, все те, кого Бог предузнал и предопределил быть Его

друзьями и через кого Он показывает нам, что значит приобщение чести и славе Христовой.

Воплощение Слова Божия в Евангелии

Наше слово в дни праздника Рождества Христова — о единстве Евхаристии и Евангелия. Как говорит святой Иоанн Златоуст, Тело Христово, которому мы причащаемся за литургией, — то же самое Тело, которое возлежало в яслях и которое было простерто на Кресте. Церковь созерцает Сына Божия в уничижении: Он приходит на землю — не землю живых, Он приходит к нам, чтобы Самому умереть. Он должен жить среди грешников, и самое невыносимое — Он должен нести на Себе грехи всего мира. В этом уничижении поклонимся Его любви, которая свела Его на землю с небес, и не пройдем мимо Его величия в этом Его уничижении. Не разделим то, что Бог соединил, в исповедании веры нашей и в жизни нашей! В мире холодно и темно, но благодаря этим яслям и этому Телу Христову невозможно поверить, что Бог нас не слышит, что крик человеческого сердца уходит и всегда будет уходить в пустоту.

Невыносимая скорбь на земле, но Бог зовет меня не только в скорбных обстоятельствах, не только тогда, когда жизнь меня теснит, а в самом

корне моей жизни, в самой глубине, и прежде всего в тот счастливый момент, когда я появился на свет. Он больше, чем я, хочет, чтобы мне было хорошо, и можно сказать: «Я любим, поэтому я существую». Но и в скорбных обстоятельствах, и в страдании, и в смерти нашей — *с нами Бог*. Нас ради рождается *Отроча младо* — в хлеву, на соломе — и живет жизнью, исполненной трудов и страдания. Нас ради умирает Он на Кресте и воскресает и входит в славу Свою. Что сказать нам, что сделать, как принести Ему золото заповедей — Царю, Который правит не силою, но любовью, не жезлом, но Крестом! И ладан принести, как благоухание богослужения, в котором Царь царствующих и Господь господствующих служит человеку, когда человек совершает служение Богу. И смирну — миро для Того, Кто умрет, дар, который жены-мироносицы принесут рано утром, в третий день после распятия, чтобы помазать тело Иисусово.

Золото и смирну — нашу жизнь и нашу смерть, нашу верность Ему до смерти принесем с ладаном сегодняшнего нашего праздничного богослужения Евхаристии, чтобы каждый из нас мог сказать: «Его Тело — моя пища, Его Кровь — мое питье, Его смерть — моя жизнь, Его немощь — моя сила, Его Крест — мой покой, Его страдания — моя радость». И страданием, крестом, немощью, всею жизнью и смертью нашей приобщимся Святым

Христовым Тайнам, восходя к огненной радости Господней. Чудо Рождества не только в том, что *с нами Бог*, не только в том, что «Ты для меня, Господи, и я для Тебя», но в том, что «я — в Тебе: как Ты во Отце, как Он в Тебе, так хочешь Ты запечатлеть Себя во мне. Я для Тебя, Тобою, и я — в Тебе. Я живу в Тебе, я — часть Тебя, я — кость от костей, плоть от плоти Твоей».

И еще праздник Рождества открывает нам тайну Воплощения Божия в тайне Евангелия. *Слово стало плотию* (Ин. 1:14) — это относится, по свидетельству святых отцов, не только к Евхаристии, но и к Евангелию, где Бог говорит с нами на человеческом языке. Жизни земной и вечности не хватит нам, чтобы созерцать Писание, слушать слово его, которое — в молчании Богомладенца. Этот Младенец в яслях — в неприступном величии и одновременно такой доступный, такой знакомый — как Евангелие, к которому мы привыкли и можем легко взять его в руки и перечитывать, сколько хотим, и, самое страшное, может показаться — как хотим. Ирод призвал первосвященников и книжников, знатоков Писания, и эти ученые-богословы сказали ему, что, согласно Писанию, Христос родился в Вифлееме. Однако сами они, которым была открыта эта истина, не последовали за языческими мудрецами и уподобились Ироду, осудив Спасителя мира на смерть. Они боялись быть вытесненными из религиозного

порядка жизни Первосвященником Христом, как Ирод боялся быть вытесненным из политического порядка Христом Царем. И ныне современный синадрион окружает безразличием и враждою Господа и Церковь Его, создавая такую атмосферу жизни, где все труднее увидеть суть и свет. Но Промысл Божий продолжается всегда, и нам надо быть чуткими к тайне, остерегаясь слияния с миром. Ибо как только волхвы покинули смятение Иерусалима, они снова сделались способными созерцать звезду.

«Берегитесь, — говорит святитель Филарет Московский, — чтобы Христос, Которого вы познали не только слухом учения Его, но и общением таинств Его, не скрылся от вас паки в Свою недосыгаемую недостижимость, чтобы слово Его, посеянное в сердце вашем, не похитил враг и оружиями, хотя не жестокими, как прежде, но столь же опасными, сколько они тонки, не истребил в вас небесного рождения».

Через многие горькие испытания прошла наша Церковь. И сегодняшние — среди всеобщего растления, среди насилия и лжи — действительно опасны и тонки и предвещают еще более страшные. Пусть наставления недавно прославленного московского святителя о согласии нашего причащения с верностью слову Христову будут глупо восприняты нами: «Как имеющая во чреве осторожно ходит и действует, сохраняя зачатый

плод, так и вы, ходя и действуя в мире между людьми, осторожно прикасайтесь и общайтесь, дабы ничто не могло изринуть из сердца вашего сладкой памяти и любви, нам данного Младенца Иисуса и от Него зачатого в вас Духа спасения, которое и да совершит Он во всех нас благодатию Своею, вселяясь верою в сердца наши и обитая в них вовеки».

Божия Матерь и Евхаристия

Да будет Мне по слову твоему (Лк. 1:38), — говорит Пречистая Дева Архангелу Гавриилу. Слово Архангела, возвещающего о Воплощении Превечного Слова, было в то же время Самим этим Словом. *В начале было Слово* (Ин. 1:1), — исповедуем мы посреди Пасхи. Духом Святым Дева становится Матерью. И когда Слово рождается в Ней, Она в то же время рождается в Слове. Слово стало плотию, и Божия Матерь, произнеся Свое «да», связала его духовно и телесно с Сыном Божиим. Она была связана с Сыном Божиим в единстве одного земного существования. Но это единство, которое было частью превечного решения Сына Божия, не было преходящим. Сын Божий взял Свою Пречистую Матерь к Себе, когда возвратился на небо, ибо Он не мог оставить Ее одну. Она продолжает

жить с Превечным Словом, пребывающим в Ней по Его святой воле.

И во всяком святом, поскольку он служил Богу и служение его было согласно с волей и заповедью Отчей, Бог продолжает жить и действовать в нем вовеки благодатью Своего Сына. Единство Сына Божия со святыми неразруσιμο. А Его единство со Своей Матерью было единством духа и единством плоти. Это единство никогда не могло быть разрушено: Сын никогда не отвергнется Пречистой Девы и Матери также в том, что относится к Его Телу.

Когда в Евхаристии Он дает людям Свое Пречистое Тело и Кровь — это Тело, носимое и питаемое Его Матерью, Тело, Которое Она приняла от Духа Святого, чтобы родить Его и затем дать человеческому роду. Невозможно, чтобы единство по плоти между Матерью и Сыном было однажды прервано. Евхаристия утверждает это единство. Она всегда — воспоминание согласия Матери, носившей Сына, потому что во плоти Сына можно найти присутствие Ее плоти.

Мы знаем, что в тайне Пресвятой Троицы невозможно отделить Сына от Его отношений с Отцом и Духом. И когда мы говорим о тайне Сына, мы можем делать это только исходя из непостижимого единства Его Божественного естества с Отцом и Святым Духом. И точно так же Сын в Своем служении Воплощения связан со спасенным Им

человечеством — прежде всего с человечеством Божией Матери. Его невозможно отделить от этого служения. В Нем явлены знамения и следы принадлежности роду человеческому, получающему возможность преодолеть разрыв между отпавшим от Бога и осуществившим свое призвание человеком, между Божией Матерью и грешниками. В центре этой бездны стоит Сын Божий, соединяющий в Своем служении несоединимое — силою Своего Божества, предстательством Пречистой.

Все, что касается тайны Его Воплощения и Его человеческой природы, относится и к Евхаристии. Евхаристия также находится в центре человечества, и она неразрывно связана, с одной стороны, с Божией Матерью и, с другой, — с нами, грешниками. Евхаристическое тело не теряет своего неразрывного единства с Божией Матерью, Которую Господь Сам избрал и благодаря Которой Он мог стать Человеком. Его отношения с нами, грешниками, — иные. Сын Божий пришел, чтобы искупить грешников, и невозможно участвовать в Евхаристии, не веруя в это знамение Воплощения. Мы — эти грешники, и всякий раз, когда совершается литургия, именно так мы участвуем в ней.

Служение Божией Матери тесным образом связано со священническим. Она являет его как Мать Господа, как Раба Господня, как Невеста Христова, как прообраз Церкви, где Превечное

Слово становится плотью. Вот почему тайна пресуществления исключительным образом близка Ей. Вот почему священник всегда должен сугубо молиться Божией Матери — именно в этот момент совершилось его посвящение на священническое служение ради всей Церкви. «Приими залог сей и сохрани его цел и невредим до последнего твоего издыхания, о немже имаши истязан быти во Второе и Страшное Пришествие Великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», — говорит епископ рукополагаемому.

Поистине, в Церкви ничто не устаревает, поскольку она непрестанно рождается и всегда связана с тайной Искупления. И то, что является самым существенным в ней, должно оставаться в ней в состоянии постоянного раскрытия. Всякий раз, когда священник совершает литургию, особенно после пресуществления Святых Таин и в момент причащения, он должен прежде всего обращаться к Ней и обретать в этом силу и вдохновение своего служения. И вся Церковь, как царственное священство, именно так относится к Божией Матери. Всякий раз, когда мы принимаем Тело Христово, Она присутствует с нами. И передает всякому, кто со страхом Божиим и верою причащается Святых Христовых Таин, от Своей благодати, исполненной радости о Господе. Всякое подлинное причащение — для Нее праздник воспоминания о Ее собственном приобщении Господу, праздник дара

Божия, однажды принятого Ею, и того, что принадлежит всем нам вечно.

Вода Крещения и вино Евхаристии

Таинства Крещения и Причащения неотделимы друг от друга. Мы принимаем Святое Крещение, чтобы иметь возможность причащаться Святых Христовых Таин. Что такое вода Крещения? Какая в ней заключена сила? Почему о тех, кто выходит из этой воды, в Духе Святом пророчествует Исаия, что *веселие вечное над главою их* (Ис. 61:7)? Господь пришел к нам *не водою только, но водою и кровию* (1 Ин. 5:6), свидетельствует апостол Иоанн Богослов. Крещенская вода дается нам ради крови, которую Христос прольет на Кресте. И это пророчество начнет исполняться, когда Он, выйдя на служение спасения мира, совершит Свое первое чудо.

Единородный Сын Божий, приобщаясь жизни грешного человечества, показывает бесконечное смирение, которое тем не менее не может утаить неопровержимые знамения Его Божества. Своими чудесами наш Господь и Спаситель восхотел явить Себя взору смертных людей так, чтобы Его Божество, сокрытое от всех, не было сокрыто в Его делах.

Потому первое чудо — претворение воды в вино — Христос совершит, чтобы свидетельствовать о Своем Божестве. *Был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там,* — сказано в Евангелии. — *Был также зван Иисус и ученики Его на брак* (Ин. 2:1-2). Сын Божий будет присутствовать на браке, чтобы освятить Своим присутствием брак, который Он установил в роде человеческом. Он придет на брак не для того, чтобы пить вино, но чтобы дать вино. Когда будет недоставать вина, Пречистая Его Матерь скажет Ему: *Вина не имут,* — а Господь ответит: *Что Мне и Тебе, Жено?* Он скажет так, чтобы перевести внимание от земного вина на то, ради чего Он пришел в мир, — дать всем народам земли новую чашу вечного спасения. Его слова: *Еще не пришел час Мой* — возвестят о великом часе Его крестных страданий, когда это вино прольется ради спасения и жизни всех. Господь не пренебрегает и временным нашим утешением, но уготовляет нам вечную радость. Он, не колеблясь, дает малое в ожидании великого. И Божия Матерь, прозревая духом грядущие тайны и заранее приемля волю Господню, предупреждает служителей: *Что скажет Он вам, то сделайте.* Христос открывает сокровища Своих небесных богатств и говорит: *Наполните сосуды водою,* и Ему тотчас же повинуются. И вот внезапно эти воды обретают иной цвет, запах, изменяют свое естество. Это претворение воды в другое

вещество свидетельствует о силе присутствующего здесь Творца. Он один может преложить воды в новый состав, начала которого Он берет из небытия. Так было при творении мира, и мы видим, что творение и искупление мира — единая тайна.

Если у кого недостает веры, пусть просит благодатного просвещения у Господа. Ибо нет ничего невероятного в том, что все творение зависит от воли Творца. Что удивительного в том, что вода может претвориться в вино, если в виноградниках Бог преобразует в вино воду, пролившуюся на землю дождем? Несравненно более удивительна сила крещенской воды, знамение которой Господь показал в первом чуде. После Иордана — Кана Галилейская, где Господь *положил начало чудесам и явил славу Свою, и уверовали в Него ученики Его* (Ин. 2:11). Они уверовали не в то, что увидели, но в то, что их телесные очи не могли увидеть. Они уверовали не в то, что их Учитель был Сыном Девы, — они знали это, — но что этот Человек был Сыном Всевышнего, о чем свидетельствовали Его чудеса. И мы веруем от всего сердца и исповедуем, что Иисус Христос, Сын Человеческий, — воистину Сын Божий. Он называет нас братьями по нашему человеческому естеству, будучи равным по Своей Божественной природе Отцу Небесному. Как Человек Он сходит в Иорданские воды со всеми грешными людьми, как Сын Божий — являет нам тайну Пресвятой Троицы. Как Человек Он присутствует

на браке в Кане Галилейской, как Бог — претворяет воду в вино. Крещение Господне — Крест, и Воскресение, и Пятидесятница. И начало брака Агнца с родом человеческим. То же следует сказать о Евхаристии. Господи, *дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды* (Ин. 4:15), — говорит Ему от имени всего человечества язычница-самарянка. «Господи, дай нам пить всегда вино Твоей благодати», — молимся мы за Божественной литургией, причащаясь Тела и Крови Христовых.

Сретение — принять, чтобы отдать

Почему, готовясь ко Святому Причащению и после пресуществления Святых Даров, мы сугубым образом молимся Пресвятой Богородице? Божия Матерь сознает, что Младенец, Которого Она родила, принадлежит Богу — не только Ей. Бог даровал Ей Его, потому естественно, что Она приносит Его в храм, чтобы Он жил под покровом Бога и служил Ему. То, что Она делает, — просто и исполнено красоты и значения. Принятое нами от Бога мы должны принести Ему. Дарованное Им с Божественной щедростью мы должны возратить в приношении Ему. Это то, что делает Божия Матерь. И это то, что мы должны делать вслед Ей.

Наша жизнь — от Бога. Во всяком мгновении она — дар, полученный от Него. И мы должны отдавать нашу жизнь Богу, приносить ее Ему с благодарностью. Держа Младенца на руках, Божия Мать показывает нам смысл нашей жизни. Наша жизнь исходит от Бога, и ее предназначение — вернуться к Нему. Наше призвание — переход к Богу, Пасха. Чтобы этот переход стал для нас возможным, Христос пришел к нам и пребыл с нами. Он открыл нам путь к Богу. Только в Нем и с Ним мы можем принести нашу жизнь Богу Отцу.

В начале Своей земной жизни, покоясь на руках Матери, Богомладенец Христос был принесен Богу Отцу. В конце Он прострет руки на Кресте в совершенном приношении: *В руки Твои, Отче, предаю дух Мой* (ср.: Лк. 23:46). И мы знаем, что Господь не одного Себя принесет Своему Отцу. Он принесет нас к Нему с Собою. Он принесет Себя во имя всего человеческого рода. Потому в Нем мы должны приносить себя Богу. В Нем и с Ним отдавать нашу жизнь Отцу Небесному. Это то, что мы делаем всякий раз, когда совершается Божественная литургия.

В сердце Евхаристии — наше приношение хлеба и вина в жертву умилоствления на престоле Господнем. Этот хлеб и это вино представляют нас и всю нашу жизнь. Они символизируют человечество со всем, что в нем есть, и всем, что оно делает, — прекрасного, ценного, благородного

и праведного. Все это приносится Господу. И в Нем, в Его Теле и Крови под видом хлеба и вина, все наши дары приобретают осмысление и освящение. Так от литургии к литургии, от воскресения к воскресению мы научаемся тому, чтобы наша жизнь стала *приношением, приятным Богу* (ср.: Еф. 5:2). И готовимся таким образом к переходу в мир Бога.

Церковь зовет нас вникнуть в смысл этого таинства. Каждый раз после причащения, благодаря Господа, мы читаем молитву святого праведного Симеона «Ныне отпускаеши...». Приняв от Божией Матери на руки Богомладенца, старец увидел в Нем свет, посланный Богом, чтобы просветить человечество, ослепленное тьмою. Посреди храма он приподнимает Богомладенца и как бы представляет Его миру: «Вот где наш свет. Вот где исход из тьмы. Вот Тот, Кто приведет нас к Богу. Примите Его. Просветитесь Им. И несите свет Христов повсюду» — *свет во откровение языков*. Значит, этот свет дается нам для того, чтобы мы могли передать его другим. Христианин — это не только тот, кто принимает свет, но кто распространяет его среди тьмы этого мира.

Принять, чтобы дать, — в этом тайна христианства. *Аз есмь свет* (Ин. 8:12), — говорит Христос. Божественная литургия — особое место, где Христос-Свет сообщается нам. И это также особое место, откуда мы посылаемся в мир, чтобы быть носителями света. «С миром изыдем», — го-

ворит священник в конце литургии, и мы отвечаем ему: «О имени Господни». Этот исход из храма — благословение на служение тому, что являет Евхаристия. Осознаём это. Мы должны быть *чадами света* (Еф. 5:8) — теми, кто, несмотря на все свои немощи, могут свидетельствовать, что на самом деле встретили Бога в храме и приобщились Ему.

Пророчество праведного Симеона и молчание Божией Матери

Был в Иерусалиме человек, исполненный ожидания. Были в полях вифлеемских бодрствующие в ночи пастухи. Были на Востоке волхвы, наблюдающие за небом. Все они жили в одно и то же время, но не знали друг друга. Пастухам явились Ангелы, и они отправились в путь, чтобы поклониться Христу. Волхвам явилась звезда, и они отправились в путь, чтобы поклониться Христу. А Симеону не явился никто, и он не мог быть в Вифлееме, чтобы поклониться Тому, Кого он так долго ждал.

Когда пастухи и волхвы сподобились увидеть Христа в Вифлееме, Симеон был исполнен ожидания в Иерусалиме. Сам Бог обещал ему, что он не увидит смерти, прежде чем увидит Христа. Уже больше месяца, как родился Христос, и не видно, чтобы Бог вспомнил о Своем обещании. Иерусалим всего в нескольких километрах от Вифлеема,

и праведный старец продолжает ждать. Как странно! Неужели Бог забыл о том, кого Он так чудесно приготовил к встрече со Христом?

Симеон, как возвещает Евангелие, был *муж праведный и благочестивый* (Лк. 2:25). Значит, у Бога не было причины отвергнуть его. Вне сомнения, о пастухах не отзывались так, как о Симеоне. Их, может быть, часто подозревали в краже то одной, то другой овцы у хозяина, когда они рассказывали, что овцу похитил волк. А волхвы — они всего-навсего простые язычники. Так последние начинают идти впереди первых!

Но и Симеон не забыт. Только он будет утешен иначе, чем пастухи и волхвы. Если старец не пришел ко Христу в Вифлеем, Христос приходит к нему в Иерусалим. Если слуга не знает дороги к своему Господину, Господин отправляется навстречу ему. Мы видим чудо и смирение нашего Бога, воздающего самую высокую честь тому, кто умеет с таким упованием и такой верностью ждать Его. Только одно обещал Бог Симеону — увидеть Христа. И вся жизнь праведного старца стала ожиданием утешения Израиля. Ему дано было знать, что Христос явится самым великим утешением богоизбранного народа. Но праведный Симеон не хранит только для себя это Божественное обетование, предвкушая час, когда ему одному откроется видение Христа. То, что он чает, будет дано не ему одному, а всему народу. Это праведник, ищущий

не своего только спасения. В своей молитве он выражает надежду всех. Он может быть совершенно неизвестным в своем народе, и не имеет значения, кто он, — фарисей, саддукей или зилот. Слово Божие описывает его иначе. Он из тех, кто не нуждается в каком-либо звании, чтобы служить Богу и любить народ. Подобно старцу Силуану Афонскому, нашему современнику, старец Симеон молится о спасении мира.

Исполняя обещание, данное Симеону, Бог одновременно отвечает на молитву Своего благочестивого служителя. Старец преисполнен радостью и приносит благодарение Богу, благословляя Его: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко* (Лк. 2:29). Чудный старец знает, что только услышание нас Богом может наполнить нашу жизнь. Кто же мы, если, приняв однажды дар благодати, остаемся по-прежнему недовольными и продолжаем требовать от Бога не мужества жить по этому дару, а чего-то еще? Едва Бог ответит на одно наше прошение, как мы спешим к Нему с новым, порой даже не находя времени принести Ему благодарение.

Симеон был услышан только однажды. Теперь он может умереть. Он переполнен жизнью с избытком. Он услышан в полноте и чудесно, но также в предельной простоте, которая требует от него совершенной веры. Сколько было тогда в храме тех, кто принес своего перворожденного к Богу, чтобы исполнить Закон Моисеев! Все родители

должны были, подобно Божией Матери и праведному Иосифу, приходить в храм на сороковой день после рождения первенца. Как же узнал в этот день Симеон Младенца, Которого он ждал?

Пречистая Божия Матерь и праведный Иосиф хранят молчание пред старцем. Они не рассказывают ему ничего из того, что узнали от пастухов Вифлеема и от волхвов. Волхвы ушли домой иным путем. Пастухи возвратились к своим полям. Сын Давидов входит в храм без царских почестей. Небо не открылось, Ангелы не воспели хвалу Богу. Не воссияла звезда. Ни одного знамения не было явлено от Бога, ни одного чуда не совершилось. Ничего не произошло. Ничто не свидетельствовало, что этот Младенец — Христос. Пречистая Дева стоит со Своей нищенской жертвой — двумя птенцами, и Младенец — похожий на любого младенца из самой бедной семьи.

Однако Симеон узнаёт Его. Он узнаёт Его верой, самой смиренной, самой чистой. Откуда у этого человека родилось убеждение, глубокое, как очевидность: «Это Он!»? Божия Матерь не сказала ни слова, и Бог молчал. Не было нужды в чудесах. Довольно было веры Симеона. Это и есть вера в чистом виде. Чтобы принять младенца на руки, надо, чтобы они были свободны от всего. У Симеона были такие руки в течение долгих лет. Когда он принял Христа, его сердце наполнилось светом, его жизнь стала полной в одно мгновение. Симеон

был так наполнен даром жизни, что мог умереть. Он не просит ни о чем, кроме как уйти в мире.

Жизнь праведного Симеона стала наполненной в одно мгновение безмолвным Младенцем, Которого он держал на руках. Только Христос может подлинно наполнить человеческую жизнь. Он может наполнить ее, даже не произнося ни слова, — молчанием Божиим. Так наполнить, что смерть не возьмет от нас ничего. Иоанн Креститель узнал совершенную радость от одного только слышания Христа (см.: Ин. 3:29). Какой же была радость праведного Симеона, держащего Христа на руках? Евангелие не находит слов, чтобы описать ее, — столь неизреченна она!

В начале встречи Симеон принимает Младенца на руки. И ничего после этого не происходит. Старец держит Младенца на руках и глядит на Него. Главное во встрече — этот взгляд старца, как он сам говорит: *ибо видели очи мои спасение Твое* (Лк. 2:30). После стольких лет ожидания он переживает то, что невозможно выразить, что превосходит все, и он может только произнести молитву.

В течение всей своей жизни Симеон надеялся увидеть Христа. Теперь он видит Его. И этого достаточно, чтобы раскрылся смысл Сретения. Он держит в своих руках Того, о Ком возвещали пророки в течение веков. Он видит Того, Кого цари Израиля желали видеть и не видели (см.: Лк. 10:24). Симеон глядит на Младенца, Которого он принял

на руки. Он созерцает Его, и это все! Этого довольно, он переполнен светом. Он может хранить молчание перед молчанием Младенца. Нет никакой нужды говорить: Бог исполнил Свое обещание. Время может остановиться в долгом безмолвном созерцании.

Сам Симеон свидетельствует об этом. Он держит в руках потомка Давида, плоть от плоти и кость от костей его, как и было обещано ему — увидеть Христа Господня. Но, взирая на этого Младенца, Бога, ставшего Человеком, он видит, что будет происходить с человеческим родом. Он не говорит ничего о лице Младенца, не описывает облик Его. Он говорит только, что очи его «видели спасение Божие», «свет к просвещению язычников» и «славу народа Израиля». Он видит это не телесными очами, но очами веры. И он видит не дела человеческие, но дело Божие, ибо «слава народа Израиля» и «свет к просвещению язычников» не может быть делом человеческим, так же как и спасение. В этом — созерцание: видеть Божие в человеческой истории, открываемой нашему взору.

Праведный Симеон принимает на свои руки человеческое Дитя и начинает видеть в Нем Бога. Поистине этот Младенец — спасение Божие, слава Израиля, свет народов. Праведный Симеон чаял утешения своего народа. Но его взор проникает дальше. Он видит не только то, что относится

к Израилю, но ко всем народам, — «свет к просвещению язычников». Ему дано видеть больше, чем он ожидал.

Праведному Симеону открывается будущее Младенца и Его Матери. Он говорит Ей, что видел оружие, которое пройдет Ее душу (см.: Лк. 2:35). Так выражает он тайну Ее стояния у Креста. Глядя на Младенца Христа, он видит Его уже на Кресте и даже созерцает Его в пасхальном свете, ибо по истине от этого света сияет «свет во откровение языков». Созерцание Симеона столь глубоко, что он видит, взирая на Младенца, и глубины человеческих судеб: *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих* (ст. 34).

Когда праведный Симеон отверзает уста, он не называет Младенца по имени. Он возвещает только то, что это имя содержит: *видели очи мои спасение Твое*. Имя Иисус означает «спасение Божие».

Обращаясь к Божией Матери, Симеон также не называет имени Младенца. Он говорит только «Он», «Сей», употребляя местоимения, как это было принято в Израиле, когда говорили о Боге, избегая произносить Его имя, — столь свято оно! То, как говорит Симеон о Христе, ясно показывает, что он видит этого Младенца как Бога. Каким взглядом надо смотреть, чтобы видеть не только дело Божие, но Самого Бога в этом Младенце! Увидевший Бога не может не умереть. Теперь Симеон

может ждать свою смерть. Но он ждет ее без страха, в глубоком мире: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром.*

Видеть Младенца и видеть Бога в Нем. Это может быть только в Духе Святом, ибо только Дух Святой проникает глубины Божии (ср.: 1 Кор. 2:10). Так и свидетельствует о Симеоне Евангелие: *Дух Святой был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня* (Лк. 2:25–26). Симеон пришел в храм по вдохновению Духа Святого и Духом Святым получил откровение. Трижды в этом кратком повествовании упоминается Дух Святой. И всякий раз — для того, чтобы показать господство и власть Духа Святого над этим человеком. Все, что дано пережить Симеону во встрече со Христом, — в Духе Святом. Все, что он говорит, — вдохновлено Святым Духом.

Мы видим, что это пророк. И он возвещает Божией Матерью истинное пророчество: *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец* (Лк. 2:34–35).

Симеон столь смирен, что Божия Матерь и праведный Иосиф удивляются не ему, а только его словам. Он как бы исчезает, остаются только его слова. *Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нем* (Лк. 2:33). Приведенный в храм

Духом Святым, верным служителем Которого он был в течение долгих лет, в Духе Святом обращается к Богу праведный Симеон, прежде чем покинуть храм: «Ныне, Владыко, приведший меня в дом Отца, чтобы увидеть в нем Сына, Ты отпускаешь раба Твоего, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои Того, Кого Ты обещал мне увидеть. Прежде чем увидеть смерть, мои очи видели Того, Кем Ты спасаешь всех, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего, Израиля».

Ведомый Духом Святым, Симеон входит в дом Отца, чтобы принять в нем Сына. Симеону открывается чудо Пресвятой Троицы — Отца, Сына и Святого Духа. Время его жизни завершается вечностью. Праведный Симеон считает себя столь недостойным созерцания этой великой тайны, что молит трижды Святого Бога отпустить его с миром. Теперь он может умереть. Он переполнен жизнью сверх всякой меры.

Иногда кажется, что великие молитвенники настолько пребывают в Боге, что забывают о земле и о живущих на ней. Но мы видим, что праведный Симеон в час величайшего Божия посещения помнит о тех, кто окружает его. Он исполнен особенного внимания и заботы о Матери Младенца, смиренно и безмолвно стоящей с двумя птенцами. Он благословляет Ее и показывает, до каких пределов идет его любовь к Ней. Он бережно уготовляет Ее к тому, что Ей предстоит пережить. Пастухи,

пришедшие к вифлеемским яслям, ничего не видели, кроме Богомладенца, и только о Нем говорили Его Матери. Также и взор волхвов был устремлен лишь на Него, Ему одному принесли они дары, не заботясь более ни о ком. У праведного Симеона — все иначе. Он единственный в евангельском повествовании о младенчестве Спасителя, кто являет заботу о Божией Матери. То, что он возвещает Ей, — трудно произнести. Но он делает это с такой любовью, что Божия Мать слагает каждое слово его в сердце Своем — как благословение. Подлинное созерцание настолько в Боге, что оно касается и всех других. Чем ближе человек к Богу, тем большее число людей включает он в свою молитву.

Может быть, кому-то покажется, что это событие, столь высокое, имеет к нам отдаленное отношение? Может ли такая дивная встреча произойти нашей столь обыденной жизни? Может ли Бог и нам дать столь великую благодать? Разумеется, в каждой встрече с Богом есть нечто единственное и неповторимое, и никто другой не может войти в эту тайну. Но милостивый Бог наш дает нам благодать пережить встречу с Собой, подобную той, что была дана праведному Симеону. Настолько благ наш Господь, что Он сподобляет нас этого дара не однажды, а столько раз, сколько мы участвуем в Божественной Евхаристии, чистым сердцем и чистыми руками принимая Того, Кто есть исполнение всех обетований и в Ком услышаны все наши

молитвы. Через малую частицу Хлеба и каплю Вина, простые вещества, нам дается увидеть Крест, жизнь, отданную за нас, которая, как оружие, проходит душу Пречистой, и в пасхальном свете открываются помышления наших сердец. И нам дается видеть через этот Хлеб и это Вино то, что видел праведный Симеон, — спасение Божие, славу Израиля, свет народам.

Алчущие и жаждущие причастия ведóмы Духом Святым. Мы принимаем Сына Божия в тайне Его присутствия, и вся Божественная литургия есть приношение Отцу. Подобно праведному Симеону, мы входим в тайну Пресвятой Троицы. Причащаясь, мы не берем этот Хлеб сами, мы принимаем его. И рука священника служит престолом Сына Давидова, нашего Господа и Бога. Христос — здесь, в Своем Божественном истощании, не сопровождаемый ни Ангелами, ни Архангелами, ни знамениями, ни чудесами, свидетельствующими, что Он — Тот, Кого мы ждем. Однако в этой предельной нищете того, что могут видеть наши очи, Дух Святой позволяет нам исповедать с совершенной уверенностью: «Это Он!» Тот, на Ком зиждется наша вера. Чудо из чудес — Его присутствие в Евхаристии. За Божественной литургией Христос входит безмолвно в нашу жизнь, наполняя ее Собой, как вошел Он в жизнь праведного Симеона. И мы можем видеть Его сердечными очами, прежде чем произнести слово благословения, которое

Дух Святой даст нам. Святой Иоанн Креститель сознавал себя недостойным развязать ремень обуви Христа. Праведный Симеон исповедал свое недостойнство — принять Господа на руки. «Господи Боже мой, несмь достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моя, занеже весь пуст и пался есть», — молимся мы перед Святым Причащением. Кто мы, принимающие в Причастии Господа в нашу жизнь? Тайна сия столь велика, что мы сознаём совершенное свое недостойнство в принятии чудесного дара, который Он предлагает нам Своей благодатью. И когда мы просим Господа отпустить нас, Его рабов, в мире, наш взгляд останавливается на тех, кто окружает нас. У нас не должно быть иного желания, кроме как стать для каждого из них носителями благословения — во всей нашей жизни и в час нашей смерти.

Слово о причащении и об истинном богословии в праздник Вознесения

Какие дивные тайны открывает нам Церковь в праздник Вознесения Господня о смысле нашего причащения и о нашем вечном призвании! Вознесение Господне — начало времени Церкви, хотя день рождения ее — Пятидесятница. Только Тот, Кто Бог и человек, может привести людей

к Богу. Вознесшись на небеса, Он царствует над всем миром, видимым и невидимым. Он — Господин истории, Господь вселенной, Вседержитель, Господь всяческих. Но, как Он сказал Пилату, Царство Его — *не от мира сего* (Ин. 18:36). С неба отныне мы будем смотреть на эту землю, потому что Сын Божий с неба на нее смотрел и избрал ее для Своего обитания. Там мы воздадим должное Господу и воздадим должное земле. Так не в суд и осуждение будем мы причащаться Святых Христовых Таин, а во освящение и в жизнь вечную. И так мы пребудем в Церкви, основание которой Христос, наш Первосвященник, положил, войдя однажды в небесное святилище Своею Кровию (см.: Евр. 9:11–12).

Столь Божественно Божество Христа и столь человечно Его человечество, что только Церковь может нас ввести в эту тайну. Если бы не было ее, мы бы блуждали между Евтихием и Несторием, арианами и докетами, не говоря уже об иудеиствующих и гностиках, ибо *всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста* (1 Ин. 4:3). Только Церковь способна вместить величие Христова, величие Священного Писания, Слова, которое тоже Воплощение Божие. Если бы не было Церкви, мы бы терялись между мифами древнего Вавилона и объяснениями ученых, — наверное, немало есть глубокого и интересного

в том, что они хотят сказать, — но мы забыли бы, что главный автор Писания — Бог и что от Бога происходит единство Ветхого и Нового Заветов. Только Церковь открывает нам Писание в его человеческой и Божественной подлинности. Только Церковь достаточно велика и достаточно крепка, чтобы донести до нас Евангелие, все Евангелие, а не избранные кусочки его. Только Церковь может дать нам Евхаристию, которая одновременно — собрание народа Божия, крестная Жертва и Тайная Вечеря. Если бы не было Церкви, я никогда не узнал бы самое великое чудо, какое может быть на земле, и просто забыл бы о заповеди творить сие в Его воспоминание (ср.: Лк. 22:19). Только Церковь может возводить нас на небо, крестя, прощая, исцеляя больных, рукополагая священников, освящая брак, даруя благодать. Только Церковь может явить себя в величии, превосходящем наше разумение. Только Церковь может дать мне понять, что такое человек, его плоть и дух. Без нее я бы впал в неизбежные крайности, считая себя только плотью или только духом.

Только Церковь может приводить меня к первой и наибольшей заповеди и ко второй, подобной ей (см.: Мк. 12:29–31). Только причащаясь Святых Христовых Таин могу я по-настоящему приобщиться этой любви. «Расскажите нам о Боге», — говорят люди, и Сам Господь как бы отвечает им: «Я был голоден, и вы не накормили Меня» (см.: Мф. 25:42).

Церковь открывает, что тот, кто благодатно причащается Тела и Крови Христовых, обретает способность видеть в каждом страждущем человеке другого Христа. Только Церковь напоминает, что *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18:20). И только она напоминает также: *Затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне* (Мф. 6:6). Кто не молится втайне, как может участвовать он в общем деле — в литургии? Только Церковь может показать мне, что созерцание — источник деятельной жизни. Если бы не было Церкви, я замкнулся бы в себе, отгородившись своим благочестием от язв мира. Только она может ясно показать, что мы уже со Христом одесную Отца и что мы еще в пути. Только Церковь может исполнить слово Господне: *Сие надлежало делать и того не оставлять* (Мф. 23:23) и что *Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19:6).

Так совершает Церковь исход из этого мира, восприемля силу Вознесения в приобщении Христу, уготовляя нас к Его Второму Пришествию. Вся жизнь Церкви — праздник Вознесения, потому что она содержит в духе и истине то, что принадлежит небу. Даром Вознесения мы в Церкви — род человеческий и род Божий. Потому апостол Павел говорит: *мы Его и род* (Деян. 17:28). И еще он говорит: «Мы — Тело Христово, и каждый из нас — член Его Тела» (см.: Еф. 5:30). Небо приняло Его Пречистое

Тело, а земля получила Дух Святой. Во Святом Причащении мы имеем залог нашей жизни на небе и на земле: плоть, которую Он воспринял от нас, и Дух Святой, пребывающий с нами. Восходя на гору Елеонскую, мы узнали Его любовь к нам. И мы тоже будем взяты на облаках, если будем достойны, когда выйдем в сретение Господне во Второе и славное Его Пришествие.

Дух Святой совершает Евхаристию

Сын Божий прославлен Духом Святым, и Дух Святой, от Отца исходящий, дан нам Сыном Божиим. В первый вечер Воскресения Он приходит к Своим ученикам, показывает им Свои руки и ноги, прободенное ребро и говорит: *Примите Духа Святого* (Ин. 20:22). И вот тайна Христа: когда человек, не знающий Бога, читает Евангелие, он чувствует, что от него все время что-то ускользает, и он не может, не солгав, умалить Христа до наших человеческих горизонтов.

Так вот какой свет озарял Его лицо на горе Фаворской! Вот какой огонь присутствует во всех Его словах! И в этот вечер — как и Кем Он мог отдавать Себя, если не Тем, в Ком Отец и Сын не престают отдавать Себя друг другу, — Духом Святым, Который дал Христос миру от Отца Небесного

и Который теперь приносит Его Отцу от мира. Если Божественная литургия — Христос, отдающий Себя до конца миру, она дается нам жизни Подателем, и Дух Святой сообщается нам через нее. И когда священники за Божественной литургией произносят эти слова: «Сие есть Тело Мое» и «Сия есть Кровь Моя», они знают, что эти слова ничего не значат, если не говорит и не действует в них Христос.

Вот почему Церковь молится прежде о даровании Духа: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся». Даруй, Господи, нам Пресвятого Духа, чтобы мы могли стать причастниками неизреченных Твоих Таин! Пусть Дух Святой говорит вместе с Господом Иисусом Христом. Дух Святой дает священнику слова Христа, и Он делает их действенными, творческими, животворящими.

Дух Святой, Господь Животворящий — Тот, Кто царствует с Богом Отцом и Божественным Сыном, единосущный и совечный. Тот, Кто «в виде голубине» сошел на Господа нашего Иисуса Христа на Иордане. Тот, Кто в виде огненных языков сошел на святых апостолов в Сионской горнице в день Пятидесятницы. И мы молимся: «Пошли, Господи, Духа Твоего Пресвятого на нас и на наше приношение, чтобы Его святое и славы Божественной исполненное сошествие осватило этот хлеб

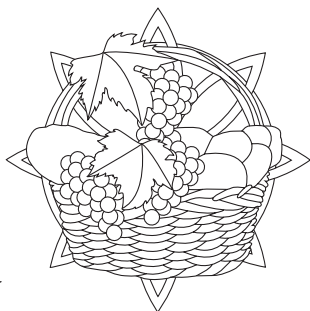
и сделало его Телом Христовым и эту чашу — драгоценной Кровью Христовой, излиянной за жизнь мира».

Как страшен этот час, дорогие братья и сестры! Дух Святой сходит из Божественных Своих глубин на это приношение хлеба и вина и освящает их. Станем добре, станем со страхом, вонмем! Как молимся мы в Великую Субботу: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет».

И перед Евхаристическим канонем священник благословляет диакона со словами: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя». И диакон отвечает: «Той же Дух содействует нам все дни живота нашего». Так открываются двери света для всех нас.

Станем добре! Дух Святой совершает Божественную литургию. Дух Святой совершает Евхаристию. Потому что Духом Святым было соткано Тело Христово во чреве Приснодевы Марии. Духом Святым воскресло оно из мертвых. И сейчас это — то же самое Тело. Духом Святым сотворил первый день нового мира Господь. И теперь — Духом Святым — совершается преображение мира.

ЕВАНГЕЛИЕ О ЕВХАРИСТИИ

Царство Небесное подобно Евхаристии

Когда происходит что-то важное и значительное, мы порой затрудняемся, как объяснить другим, почему это столь особенно и значимо для нас. Мы употребляем различные сравнения, чтобы дать нашему собеседнику представление о том, что мы пережили, и разделить это переживание с ним. Царство Божие, возвестить которое приходит Христос и которое уже посреди нас, в каком-то смысле подобно этому. Бог открывает это Царство согласно Своему Превечному Совету и Своим спасительным действиям. Но Он также говорит о нем, употребляя сравнения и притчи, чтобы приоткрыть нам тайны этого Царства. Так было во время Его земного служения и так происходит сегодня. Нам дается немного узнать, что такое это Царство. Оно должно быть сердцем

нашей молитвы. В молитве «Отче наш» мы просим, чтобы это Царство пришло. В Евхаристической молитве мы просим Господа принять в него тех верных, кто завершил свой путь на земле, и нас также не лишит этого Царства.

Обратим внимание, что притчи Господни указывают нам на то, что являет Божественная литургия. Прежде всего поражает, что все евангельские притчи повествуют об определенных событиях: маленькое горчичное зерно, возрастая, становится самым большим растением в саду, закваска заставляет подняться тесто, которое замешивает женщина, сеятелю противостоит враг, сеющий дурную траву в поле. Это значит, что Царство Божие — живая реальность, то, что происходит и приходит. Царство Божие не есть просто небо совершенной красоты и абсолютного покоя, каким мы его иногда воображаем. Согласно евангельской притче, Царство Божие ближе миру труда, чем миру отдохновения, оно — не конец нашего существования, но начало осуществления самого значительного для нас. Так происходят события, с которыми Господь сравнивает Царство, — самая важная реальность для тех, кто ищет его. Но эти события зависят одновременно от нас и от других.

Чтобы семя выросло, чтобы тесто поднялось, надо по-прежнему, как и две тысячи лет назад, ждать. Есть такие процессы, которые не зависят от нас. Мы не властны над всем. Точно так же проис-

ходит с Царством Небесным и с нашим причастием. Мы не являемся его владельцами, и его осуществление не зависит только от нас, но прежде всего от благодати Божией. Разумеется, мы должны трудиться, чтобы соответствовать ему. Как земледелец трудится на своем поле, как домохозяйка трудится над своим тестом, но не от них одних зависит, чтобы колос возрастал и тесто поднималось. Другие также приложили руку к выращиванию хлеба и теста. А самое главное — здесь действует Дух Божий Животворящий, о Котором непрестанно напоминает Писание.

Каков же смысл евангельских притч? С одной стороны, они призывают нас к доверию и открытости тем, кто принимает свое участие в нашем труде и кто, в свою очередь, полагается на труд другого, чтобы исполнить свой. С другой стороны, они призывают нас также к бдительности. Даже если доброе семя не будет погублено плевелами, всеянными врагом, хозяин поля должен быть готов увидеть их примеси среди доброго урожая. Теперь добрые семена и плевелы растут рядом на том же самом поле — например, на поле нашей жизни. Эти притчи хорошо показывают то, как мы живем Евхаристией, и они могут помочь нам лучше понять ее. В Евхаристии есть плод нашего труда — хлеб и вино. Но самое главное, что мы должны всегда помнить, — не от нас зависит, что этот хлеб и это вино становятся Телом и Кровью Христовыми. Но как происходит,

что к чистой и непорочной Евхаристии, причастниками которой мы являемся, примешиваются порой плевелы: «Господи, не доброе ли семя сеял, откуда взялись плевелы» (см.: Мф. 13:27)? Кто из нас может претендовать на то, что на его поле восходит только чистое зерно? Но в этом смешении плевел и доброго семени Господь принимает нас, призывая бодрствовать во всем. Потому Евхаристия укрепляет нашу надежду на Царство Божие, на то, что Дух Святой поалит небесным огнем все наши даже неисторгнутые подлинным покаянием плевелы и преобразит нашу жизнь и наш мир, подобно тому как Он преображает наше приношение. Воспевая Символ веры перед Евхаристическим канонем, будем просить Господа об умножении нашей веры, чтобы плоды ее могли питать нашу жизнь. Чтобы по ничем не заслуженной милости Божией приоткрылась нам Духом Святым тайна Пришествия Христова в мир и Его Воплощения лично в каждом из нас.

Притча о званых на брачный пир

(Мф. 22:2–14)

Царский духовный пир

Спаситель говорит, что Царство Божие подобно царю, который решил устроить брачный пир своему сыну и созывает на этот праздник гостей.

Задумаемся о том, что это за образ — «брачный пир». В древности, когда царь устраивал брачный пир для своего сына, это было событие, к которому тщательно готовились. Приготовлялась особо изысканная пища и вина. Это было событие и общественное, и государственное. Оно касалось всех людей. Великая привилегия — быть на него приглашенным. Не потому только, что человек мог оказаться среди роскошного пира, а потому что сподобиться царской милости — само по себе большая честь.

Но мы слышим нечто странное. Приглашенные не испытывают желания идти на пир царя. Они даже не проявляют никакого интереса к этому пиру. Как такое может быть? В земной, человеческой жизни такое представить очень трудно. Возможно, люди не идут на царский праздник, потому что не хотят, чтобы у них в стране был этот царь. Этот царь проявляет слишком большую заботу совсем не о том, что им нужно. И потому со злобою и оскорблениями встречают приглашение царя и убивают его посланцев.

Эта притча — о духовном пире. Посмотрите, как сегодня люди живут, что их волнует, к чему они стремятся. Что передают по телевидению, по радио, что пишут в газетах. О чем люди, встречаясь друг с другом, беседуют. Когда речь идет о деньгах, о блюде, который теперь называется любовью, о политике, путешествиях, моде, спорте — они

внимательно слушают. А заговорите с ними о жизни будущей, о Страшном последнем Суде, о рае и аде — на их лицах появляется скука. Одни из них откровенно зевают, а иные просто со злобою и с насмешкою встречают такие речи.

Разве мы не узнаём в людях, которые нас окружают, тех приглашенных на царский духовный пир? Мы видим в них полное равнодушие к тому, что предлагает им их царь. Или гораздо худшее: они готовы растерзать и убить тех, кто говорит о Царстве Небесном. Это Евангелие раскрывает нам в простоте и глубине картину жизни человеческого рода.

От того, что люди с таким безразличием встречают проповедь о вечной жизни, должна ли умолкнуть, замкнуться в себе Святая Церковь? Нет, Господь этого не благословляет, и притча говорит о другом. Она говорит нам о том, что царь посылает своих слуг на улицы и на площади, и они находят там людей, которые как будто не готовы еще к тому, чтобы быть приглашенными на царский духовный пир. Но многие из них приходят. Одни — с изумлением, с благодарностью, с покаянием. Другие просто идут: всех зовут, и мы идем. Церковь призвана обращаться к человеческому сознанию и человеческой совести до скончания мира — до тех пор, пока грех не стал нормой, когда нет уже необходимости каяться и обращаться к иной, высшей радости жизни.

Что же это за пир? Что знаем об этом духовном пире мы, приглашенные? Что за трапеза предлагается нам Царем? Есть еще на земле и в России, почти в каждом городе и во многих селах, храмы, и в каждом храме в алтаре есть стол, который напоминает обыкновенный стол, но от всякого другого стола отличается. Это — единственный стол, на котором совершается Божественная литургия. Самая простая пища предлагается здесь — хлеб и вино, но она драгоценнее всех сокровищ, какие существуют на свете. Этот стол называется престолом Господним, на котором восседает Сам Царь Небесный и Самим Собою питает нас на этом духовном пиру.

Те, кого в древности звали на пир Господень, отвергли и убили не только посланников Царя, но и Его Самого. А Он в ответ на это предлагает новый пир, на котором отдает нам Самого Себя — всю Свою жизнь, всю Свою любовь — и предлагает приобщиться бессмертной пище. Когда Церковь молится и священник благословляет хлеб и вино, Дух Святой сходит на принесенные Дары, и они становятся Пречистым Телом и Пречистой Кровью Христовой. «О, небесный пир! — говорят святые отцы. — О, сокровище вечное!» «О божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа, с нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе».

Одна крошка этого Небесного Хлеба и одна капля этого вина, освященного Духом Святым,

содержит в себе больше, чем может вместить самый великий человеческий ум. Есть такие люди, для которых лишение Причастия — самое величайшее бедствие из всех, какие могут быть на свете. Есть люди, для которых дар Причастия — самое великое благословение, самое величайшее блаженство вхождения в Царство, которое уже сегодня присутствует среди нас.

За Божественной литургией не перестает звучать через священников зов Господень ко всем, приглашенным на этот пир: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов» и «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов».

Что же происходит с людьми? Что произошло и почему произошло такое крушение всего в 1917 году? Потому что люди — те, которые именовались православными христианами, — слыша призыв, звон колокольный, даже в воскресные и праздничные дни шли по своим делам, на свою торговлю или на свои увеселения и развлечения. Некоторые просто не могли проснуться, оттого что всю ночь веселились. Были и такие, которые встречали приглашение на пир со злобою и заражали ею всех равнодушных, говоря, что если разрушить этот праздник Церкви, то они будут свободны от Бога и устроят свой земной праздник.

Что же происходит сейчас? То же самое, только несравненно хуже. Несравненно глубже равнодушие, которым охвачены люди. Несравненно более яростна злоба людей, ненавистников проповеди Православной Церкви. Но несравненно более горькими будут и последствия всего этого.

Дай нам Бог услышать сегодняшнее слово и призыв Господа на царский пир. Только бы и нам не оказаться среди этого пира подобными тому человеку, который был не в брачной одежде. Он присутствовал и сейчас присутствует за Божественной литургией, а сердце его не здесь. Сердце его там, где все его дела, где увеселения. Он не в брачной одежде, не в том духовном веселии, не в той чистоте и любви, которой живут Господь и Его святые. Даже присутствуя на царском пиру, Он облачен в ту земную одежду, в которой творятся все земные дела. «Друг, для чего ты здесь?» — говорит ему Господь точно такие же слова, как сказал Он на Тайной Вечере Иуде.

Помолимся Господу и услышим, что для Него важнее всего на свете — чтобы всем нам было хорошо. Будем верить в Него и тому, что Он говорит, больше, чем в кого-то, или кому-то, или чему бы то ни было. Будем исполняться любовью, которая соединяет человека с Богом. Это единство души человеческой с Богом и есть брак Агнца, для которого создан каждый человек. Когда на царском пиру Божественной Евхаристии душа человеческая

соединяется в любви с Богом, она узнаёт, что все остальное — измена и блуд.

Горьким может быть падение человека. Он может так привыкнуть к блуду, что законный брак ему покажется скучным и неинтересным. Но последствия такого падения страшны: лишение Царства, радости земной и радости вечной, которую предлагает Господь каждому без исключения человеку.

Никто не может скрыться от Господа

Мы слышим в Евангелии, какая печаль у господина пира о тех, кто отвергает Его. Брачный пир готов, а званые не были достойны. Они оказались совершенно недостойны, они пренебрегли преимуществом быть зваными в числе первых. И все, кто погибает, погибает только по своей вине — не потому, что Бог хочет этого, а потому, что они предпочитают свое тому, что Бог предлагает.

Страшны внешние скорби и бедствия, и не избежать их всем, отвергающим Господа. Но не это, оказывается, самое страшное. А самое страшное — прийти на пир и быть извергнутым из него. Самое страшное — лишение той радости, которую Господь приготовил для нас.

Как оказался не в брачных одеждах этот человек — один нечестивый среди тех, кем наполнилось собрание? Обратим внимание, как был обнаружен человек, одетый не в брачные одежды. Царь

вышел посмотреть возлежащих на пиру и увидел его. Всякая внешняя видимость перед взором царя исчезает, все становится обнаженным. Никто не мог заметить лицемера, что он одет не в брачные одежды, пока не пришел сам царь и не увидел всех гостей. Только Бог может знать, кто из нас подлинно исполняет свое служение, а кто нет. Мы можем обманываться относительно людей, а Господь — никогда. И прежде пасхального победного пира Он показывает Церкви Своих святых, облеченных в белые одежды, и советует нам тоже купить их, пока не поздно, трудами и покаянием (см.: Откр. 3:18).

Как раскрывается, кто из нас одет в брачные одежды, а кто нет? Когда священник, случается, приходит без подрясника в храм и тем более в алтарь, он говорит смущенно своим сослуживцам: «Простите, я не в брачных одеждах». Даже внешние одежды священника реально символизируют брачные одежды, в которые Духом Святым облакает Господь Своих служителей. Но Господь говорит о большем.

Преподобный Силуан рассказывает, как однажды Великим постом на вечерне он увидел старца-духовника, когда тот стоял в епитрахили и исповедовал. Лицо у него было молодое, как у мальчика, весь он сиял и был похож на Христа. Тогда преподобный Силуан понял, что духовник совершает службу в Духе Святом и Духом Святым

прощаются кающемуся грехи. И преподобный Силуан добавляет: «Если бы люди видели, в какой славе служит священник, то упали бы от этого видения. И если бы сам священник видел себя, в какой небесной славе он стоит, совершая служение, то стал бы великим подвижником, чтобы ничем не оскорбить живущую в нем благодать Святого Духа».

Один епископ рассказывал о священнике, который жил нерадиво. Когда тот умер и предстал пред Господом, то, видя себя не в брачных одеждах и не зная, чем еще оправдаться, сказал: «Господи, я сорок лет стоял перед Твоим престолом!» И Господь ответил ему: «Я тебя там ни разу не видел».

Это значит, что одно наше внешнее служение не может быть для нас оправданием. Преподобный Силуан говорит о славе, в которой предстает каждый священник. А святые отцы говорят, что каждый человек облечен этой славой, славой образа Божия. В особенности человек крещеный, держащий приступать к Святым Христовым Тайнам. Все мы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Если бы мы видели эту славу, мы поняли бы, как мы предаем дар Господень.

Никто не может скрыться от Господа — вот о чем говорит евангельская притча. Царь вошел, и его взор тотчас упал на человека, одетого не в брачные одежды. Никому невозможно спрятаться среди людей, сколько бы их ни было, — в толпе

на улице или в храме, где множество народа, как на Пасху. И когда вся Церковь, весь род человеческий будет собран по воскресении мертвых — этот человек всегда будет виден.

Почему этот человек сразу виден? Потому что он присутствует на царском небесном пиру, а сердце его не там. И Господь Сердцеведец видит, что нет этого человека среди Божественной радости.

Святые отцы говорят нам, что брачные одежды — это устроение сердца и вся наша жизнь, согласная с Евангелием. Посмотрите, этот человек не был нагим, он не был одет в лохмотья, хотя в наше время нередко почти буквально такие (согласно моде или по нищете) переступают порог Церкви. Этот человек был одет, может быть, вполне пристойно. Но у него не было брачных одежд. Только те, кто так облекся во Христа, что сияние Духа Святого стало их одеждой, готовы для небесного пира. Только те, для кого Христос — всё, в брачных одеждах могут присутствовать на пире Господнем. Пусть это напоминает нам, каким должно быть наше покаяние.

Христос обращается к этому человеку: *Друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?* (Мф. 22:12). Какой внезапный вопрос для того, кто горделиво восседает на пиру, на месте, которое, кажется, так надежно ему принадлежит! Приходит такой человек в храм и знает, что здесь он вот у этой иконы стоит, и никто уже не может претендовать

на его место. Он чувствует себя как дома, еще немного — и он перейдет в Царство Небесное... «Друг, — говорит ему Господь. Это слово ударяет в самое сердце. — Ты же только изображаешь из себя друга. Как ты попал сюда? Как ты сумел пройти на праздник, смешавшись со множеством людей, когда знал, что твое сердце неправо пред Господом?» «Сколько раз в своей жизни ты пренебрегал приглашением Господним! — скажет нам Господь на Своем брачном пиру. — Сколько раз ты пропускал воскресные службы, праздничные богослужения! Сколько раз приступал к таинствам, не рассуждая о Теле и Крови Господних! Как ты попал сюда, к небесной трапезе, без смирения Христова, без освящения Богом — не дверью, а каким-то другим путем, как тать и разбойник?»

Спросим каждый себя, стоя в храме: «Как я попал сюда? Есть ли у меня брачные одежды? Обращал ли я внимание вчера, когда читал правило ко Святому Причащению, на эти слова, что нет у меня этих одежд, а я дерзаю войти в небесный чертог?» Если бы мы судили себя, мы не были бы судимы.

Он же, — сказано об этом человеке, — *молчал*. А что он мог сказать? Он безмолвно стоял, обливаемый собственной совестью. Потому что нет большего греха, чем присутствие среди благодати Божией без покаяния, там, где Божий свет и Божественная любовь, — без любви, без приобщения свету.

Будем помнить все, какой приговор был вынесен этому человеку. *Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 22:13). Но только опасных преступников связывают по рукам и ногам! Если мы не творим дел, заповеданных нам, если мы не ходим путями Господними, мы будем связаны по рукам и ногам. И как избежать нам вечного наказания?

Из сияния пасхального пира во тьму внешнюю изгоняется этот человек. Ад — это внешняя тьма. Это то, что вне небес, где нет ни луча света и никакой надежды на свет. *Ибо много званных, — говорит Господь, — а мало избранных* (Мф. 22:14). Бог отвергает всех желающих войти в Царство Его без исполнения воли Его. Он низвергает их во внешнюю тьму — туда, где пребывают внешние, те, кто отверг Бога, туда, где ад.

Мы живем сегодня в таком мире, где внешний мир все более становится адом. Где грех как будто уже не нуждается в покаянии. В этом аду окажутся те из нас, кто только внешне принадлежат Церкви, без рассуждения приступая к Христовым Тайнам.

Как велико, как страшно может быть наказание от Господа! Какими бедствиями может посетить Господь лицемерного в вере человека, и всю Церковь, и весь народ! Но бесконечно страшнее быть лишенным радости присутствовать с Господом на Его пасхальном вечном пиру.

Как говорит святой Иоанн Златоуст, соедините тысячу геенн — это ничто по сравнению с тем, что человек может быть отвергнутым от лица Божия. Нет большего наказания, чем быть лишенным этой радости. Потому что нет большего блаженства, чем быть с Богом.

Облечься во Христа

Как часто мы слышим этот вопрос: «Почему одни христиане, которые живут как будто вполне благочестиво, все исполняют, регулярно исповедуются и причащаются Святых Христовых Таин, становятся все более теплостудными по отношению к своей вере, а другие, даже пришедшие ко Господу от многих грехов, покаявшись и причастившись однажды, исповедуют — и не одними устами, — что Христос для них все?» Ответ дан в известной нам притче о званых на брачный пир. Каждый раз, читая правило ко Святому Причащению, мы повторяем молитву: «Во светлостях святых Твоих како вниду, недостойный? Аще бо дерзну совнити в чертог, одежда моя обличает, яко несть брачна, и связан извержен буду от Ангелов. Очисти, Господи, скверну души моя и спаси мя, яко Человеколюбец».

Начало этой притчи относительно легко понять. Разумеется, Бог удивляет нас, когда Он зовет всех подряд — верующих и как будто не очень верующих. Но это не шокирует нас. Мы уже знаем это милосердие без меры и мы рассчитываем на

него. Такой Бог представляется нам понятным. Но остальная часть притчи — трудней. Вот брачный пир наполнен приглашенными — самого разного рода. Среди них нет ни одного, кто имел бы на это право. Все оказались здесь к своему собственному изумлению, ни за что. Но у одних — брачная одежда, у других — нет. И эти последние изгоняются тотчас же и бросаются со связанными руками во тьму. И Христос говорит: «Много званых, но мало избранных».

Что хочет сказать Господь? Почему такая жестокость? Почему одни званые, ответившие на приглашение, не достигают цели, а другие — достигают, потому что они избранные? И что это за «брачная одежда», почему в нее надо абсолютно обязательно облачиться, чтобы не лишиться благодати Бога, о Котором мы знаем, что Он весь любовь и милосердие?

Существует простой, известный всем ответ: что отсутствие брачной одежды — признак небрежения, неверности. Чтобы не в суд или во осуждение причаститься Святых Христовых Таин, чтобы войти в Царство Божие, надо соответствовать ему и быть подготовленным к нему. В притче нигде не сказано, что изгнанные были в грязной рабочей спецовке или в модных джинсах с дырами на коленках. Может быть, они нарядились как на торжественный прием, надели лучший костюм для земного брачного пира. Но неужели только внешний

наряд позволяет войти в Царствие Божие, неужели это единственное, что Бог может признать? Нет, речь идет не о том, чтобы просто все исполнять как полагается и иметь чистые руки. Разве Христос не говорил до этого, что блудницы и грешники предворяют всех в этом Царствии? Возможность быть среди избранных дается и грешникам при условии, если они оденутся не в одежду этой земли, как бы ни была она красива, а в настоящую, единственную одежду брака Царства.

Так что же такое эта брачная одежда? Апостол Павел говорит, что это новая одежда нового человека, сотворенного во Христе. Это одежда — Иисус Христос. Мы должны совершенно совлечься ветхого человека и всех его претензий, как изношенной одежды. И облечься в сияющую, новую — в Самого Христа, в смирение Его Креста и в силу Его Воскресения. Царь не потерпит среди гостей никого — не имеет значения, добрые они или злые, — кроме тех, кто являет черты Его Сына, тех, кто хотят быть избранными и возлюбленными в единственно Избранном и единственно Возлюбленном Иисусе Христе.

А каковы черты Иисуса Христа? Апостол Павел ясно обозначает их: *Облекитесь, как избранные Божиц, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас,*

так и вы (Кол. 3:12–13). Лик Христов — это кроткое сострадание, это милосердие, не имеющее конца по отношению ко всем нашим ближним. Такова и брачная одежда — единственная, которую Бог может признать на празднике пира веры. Если дано нам было ощутить однажды эту Его благодать и мы постарались в свою очередь обратить ее в любовь к нашим ближним.

Таковы избранные Божии и возлюбленные Его. Со страхом и трепетом приступают они ко Господу — как Петр, как Павел, как Мария Магдалина, как Мария Египетская, как разбойник благо-разумный. С сердцем сокрушенным, умягченным, с пламенеющим сердцем святого, которое трепещет при малейшем приближении всякой подлинной любви. Такова брачная одежда, вызывающая трепет у Самого Господа, ибо таких причастников ищет Господь.

Что значит эта таинственная трапеза

В притче о званых на пир жизнь будущая показана как трапеза, которую народ, верный Господу, разделяет с Сыном Человеческим во веки веков. Что это за трапеза, от которой званые один за другим, как бы сговорившись, отвергают приглашение, говоря: «Имей мя отреченна»? И кажется, по вполне уважительным, понятным для земной человеческой жизни причинам. Об этом приглашении возвещает пророк Исаия, когда зовет всех

жаждущих прийти и почерпнуть воду бессмертия и говорит о пище, которой все должны насытиться (см.: Ис. 55:1–2). Об этом каждому из нас напоминает псалмопевец, когда мы молимся Господу перед Святым Причащением: *Уготовал еси предо мною трапезу против стужающим мне, умастил еси елеом главу мою, и чаша Твоя упоявающая мя, яко державна* (Пс. 22:5). И мы знаем притчу о Премудрости Божией, которая *построила себе дом* (Притч. 9), — каждый раз за Богородичными праздниками мы слышим эту паремию. Подобно Премудрости, которая зовет всех проходящих мимо людей вкусить хлеба и вина, Церковь Божия зовет всех людей приобщиться трапезе, где хлеб и вино — не просто образы того, что совершится, но реальная Божественная жизнь, которой мы приобщаемся уже сейчас. А самое главное — обещание лучшего, то есть пребывания с Богом, которое не кончится никогда.

Этот пир, это общение души человеческой с Богом — то, что уготовано для всех. Здесь смысл всего исторического пути Церкви. Сам Господь накануне Своих страданий говорит, что Он уготовал нам Царство, как Отец уготовал Ему: *Да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем* (Лк. 22:30). И в Апокалипсисе мы читаем: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3:20). На Тайной Вечере

Господь говорит со всей Церковью в лице Своих учеников: *Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божием.* И потом, взяв чашу с вином и благодарив, сказал: *Приимите ее и разделите между собою, ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, доколе не придет Царствие Божие* (Лк. 22:15–18).

В жизни святого человечества есть два исхода. Один — избавление от земных бед, другой — вхождение в Царство Небесное. Но оба сопровождаются великими чудесами — в знамение того, что исход на самом деле один. Во время первого исхода Господь питает Свой народ манной и живой водой, истекающей из камня. В Новом Завете мы видим насыщение пятью хлебами пяти тысяч человек в знамение того, что новый исход уже начался, и Господь сопровождает его великими чудесами. Мы видим эти чудеса на браке в Кане Галилейской, когда Господь превращает воду в вино (см.: Ин. 2:1–11), и в чудесной ловле рыб на озере Тивериадском при призвании Петра (см.: Лк. 5:1–11) и по воскресении Своем (см.: Ин. 21:1–12).

Самое удивительное здесь — не просто избыток земной жизни, но уже присутствие жизни небесной. Так происходит по воскресении Христовом, когда Господь преломляет хлеб перед учениками Своими в Эммаусе. Таким чудом исполнена

трапеза на берегу озера Тивериадского, когда никто из учеников не смеет спросить Его: «Кто Ты?» — зная, что это Господь, и присутствие Бога Живого во время этой трапезы ощутимо для них. В Книге Деяний апостолы возвещают всем людям, что они являются свидетелями всех этих чудес, потому что они *ели и пили по воскресении Его из мертвых* (Деян. 10:41).

Что значит эта таинственная трапеза, это непостижимое Царство, где человеку дается полнота небесного и земного и радости нет конца? Мы должны услышать слова Господа в сегодняшнем Евангелии, что Царство Божие уже началось. Оно еще не раскрылось в полноте, но мы к нему идем. И призываемся, если мы в Церкви, уже быть причастными этому чуду. Может быть, не в великих чудесах, которые Господь являл сразу всей Церкви, всему избранному народу или отдельным Своим избранным святым, но в тех же самых несомненных чудесах. Если мы храним верность Господу, мы можем увидеть чудо присутствия Господня в нашей материальной жизни, какой бы скудной она ни была. Это начало Царства и участие наше в том пире, который обещает Господь.

Но если жизнь наша сосредоточена только на искании материального, если перевернут Божественный порядок жизни — *ищите прежде Царства Божия и правды его, а все остальное, несомненно, приложится вам* (ср.: Мф. 6:33), — то мы

лишаемся всего. Человек и даже целый народ оказывается либо в скудости — голоде телесном и духовном, как это происходит сегодня у нас в России, либо, что еще хуже, в кажущейся сытости — как где-нибудь в Америке или на Западе. Это насыщение свидетельствует о том, что люди, которым больше ничего не нужно, уже сейчас изгнаны с пира Царства Божия.

В мире все яснее раскрывается содержание сегодняшней притчи. Не пришло человечество, не пришли народы на пир, уготованный Господом. У всех нашлись дела, и очень важные, — не просто так что-то, а все нужное, все полезное, все замечательное. Но люди эти, говорит Господь, вовек не вкусят Царствия Божия. Они оказались только зваными, но отвергнутыми Господом, потому что не отозвались на то, что Господь совершил для человека.

В притче о званых на пир мы видим в первую очередь отвержение Израиля, богоизбранного народа. И это совершенно справедливо. Но эта притча распространяется и на весь род человеческий. Особенно когда происходит объединение всего рода человеческого на тех самых началах, благодаря которым все оказались согласными в отказе от Божия приглашения.

Апостол Павел говорит, что обетования Божии *непреложны* (Рим. 11:29). Богоизбранный народ получил особые дары от Бога. И Бог не отнимает

их от этого народа. Но когда дары, предназначенные для достижения небесного, устремляются исключительно на земное, совершается «тайна беззакония». Богоизбранному народу попускается достигнуть необычайного успеха в земном благодаря этим дарам. Но чем большего успеха они достигают, тем больше удаляются от Бога, тем больше лишаются Царства вечного, радости пира небесного.

На наших глазах сегодня в мире происходит торжество маммоны, произрастание всех видов зла из *корня всех зол — сребролюбия* (ср.: 1 Тим. 6:10). Мы видим объединение, уже почти совершившееся, столь многих — ради только земного, с отвержением небесного. Когда все темные силы собираются для последней битвы с Богом и человеком, задумаемся о том, **что** нам дано, и услышим, что Ангел Апокалипсиса возвещает всему роду человеческому, каждому человеку, всем нам: *Напиши: блаженны званные на брачную вечерю Агнца* (Откр. 19:9).

Чудо умножения хлебов

(Мф. 14:15–21; Мк. 6:35–44; Лк. 9:12–18; Ин. 6:5–13)

Христос щедро питает народ, идущий за Ним. Пятью хлебами и двумя рыбами Он насыщает пять тысяч человек. Это единственное чудо

Спасителя, записанное всеми четырьмя евангелистами. Оно показывает нам, что всех, кто следует за Христом, отвергаясь себя и предавая себя Ему, Он берет под Свою сугубую опеку. Он не допустит, чтобы боящиеся Его и верно Ему служащие испытывали в чем-либо нужду.

День же начал склоняться к вечеру. И, приступив к Нему, двенадцать говорили Ему: отпусти народ, чтобы они пошли в окрестные селения и деревни ночевать и достали пищи; потому что мы здесь в пустом месте. Но Он сказал им: вы дайте им есть (Лк. 9:12–13). «Но у нас нет ничего, — отвечают апостолы, — весь наш запас — пять хлебов и две рыбы. Но если Ты дашь нам немного времени, мы можем пойти в город и купить что нужно». Однако Господь хочет узнать, сколько у них есть в наличии веры, доверия Ему, готовности к самоотдаче. «Вот весь мой запас, — говорим мы, — вот все, что есть у меня в карманах. Вот все, что содержит мое сердце».

В чуде умножения хлебов нам открывается подлинная тайна христианства, путь жизни, где Господь дает с избытком. Пусть те, кто имеет мало, делают с этим малым что могут, предавая все в руки Господни, и тогда они обретут много. У Бога всего много. Благословение Христово направляет наше малое по великому пути. Христос не только исцеляет требующих исцеления, но питает требующих насыщения. У Христа достаточно

всего, чтобы не только спасти наши души от гибельных болезней, но напитать их жизнью вечной. Но все дары Христовы должны быть получены в правильном, законном порядке: *Рассадите их рядами по пятидесяти* (Лк. 9:14), — говорит Господь. Невозможно не поражаться тому служению, которое доверяет Своим ученикам Христос. Он дает хлеб, а ученики принимают его из рук Господа и раздают народу. Но прежде они должны упорядочить и организовать эту толпу. Они поставлены Господом как Его служители, Которому они послушны.

Если мы постараемся глубже проникнуть в подробности этого чуда, нам, несомненно, откроется его богослужебный характер. *Он же, взяв пять хлебов и две рыбы и, возрев на небо, благословил их, преломил и дал ученикам, чтобы раздать народу* (Лк. 9:16). Разве не напоминают нам эти слова последование Евхаристии? Здесь, в пустыне, Господь, *взяв пять хлебов, благословил их, преломил и дал ученикам*. На Тайной Вечере Он, *взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им* (Лк. 22:19). В Эммаусе Он, *взяв хлеб, благословил, преломил и подал им* (Лк. 24:30). Когда священник, служитель Христов, повторяет эти действия среди нас сегодня, Сам Христос повторяет их ради нас и являет нам Свое присутствие. Евхаристия дает нам возможность встретить в вере Христа воскресшего, Победителя зла и смерти

и потому — Спасителя человека. Этот хлеб *ломимый и раздаваемый* — знамение, которое Эммануил, *с нами Бог*, избрал, чтобы быть *с нами*. В этом хлебе — Сам Христос, даваемый нам, — *Сын и дадеся нам* — таинственная Личность, вопрошание о Которой предваряет и завершает описание чудесного умножения хлебов.

Кто же Этот, о Котором я слышу такое? (Лк. 9:9) — восклицает Ирод. *За кого почитает Меня народ?* (ст. 18) — спросит Господь Своих учеников после этого чуда. Если мы не ответим на этот вопрос, «знамение хлеба» останется слишком поверхностным для нас. Разумеется, христиане не могут быть равнодушны к физическому голоду своих ближних. Немаловажное значение имеет то, что ты делишься своим хлебом, трудишься, служа другим. Но есть то, в чем люди нуждаются больше. Больше, чем в насыщении чрева, они нуждаются в насыщении, которое принесет им Бог, если ты сумеешь дать его им. Каждодневный хлеб людей (что может быть обыденней хлеба!) должен стать Телом Христовым. Нельзя напрасно растрачивать этот хлеб, здесь сокрыта тайна: *И ели, и насытились все; и оставшихся у них кусков набрано двенадцать коробов* (Лк. 9:17). Нельзя выбрасывать ни одной частицы человеческого, ни одного куса обыденного, ни одного мгновения каждодневного — с тех пор, как Бог воплотился в этом мире. Благословен

Бог вселенной, дающий нам этот хлеб, плод земли и труда человеческого. Мы приносим этот дар Ему, чтобы Он стал Хлебом жизни.

Но мы знаем, что толпы не поняли этого. Они хотели сделать Его царем, ограничить Его ролью политического Мессии, замкнуть Его только в человеческом. Он не исполнил их желания. Он удалился *на гору один*, как сказано в Евангелии от Иоанна (6:15). И Он *тотчас понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на другую сторону*, как сказано в Евангелии от Марка (6:45). «Отче наш, Иже еси на небесех! Хлеб наш насущный даждь нам днесь» — и этот, и иной хлеб.

Евангелие от Иоанна о Хлебе жизни

Тайна, превосходящая всякое разумение

Святое причастие — великая тайна, превосходящая всякое разумение. Поэтому нелепо удивляться, когда кто-то говорит, что он не понимает, как хлеб и вино могут быть Телом и Кровью Христовыми. Самые гениальные умы (например, Лев Толстой в своем романе «Воскресение») обнаруживают жалкую беспомощность в попытке постигнуть непостижимое. Путь к непостижимому — только

вера. Ее начало также непостижимо, и утверждает-ся она усилием жить по таинственным заповедям Божиим, молитвой, словом Божиим, покаянием: *Верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк. 9:24), — и непременно с сознанием своего глубокого недо-стоинства, Святым Причащением.

Вся беседа Господа о Хлебе жизни в шестой главе Евангелия от Иоанна обращена к вере. Вера определяет условия спасения и единения с Госпо-дом. Он пришел и говорит, чтобы приняли Его. Всякий, кто принимает Христа, будь это даже са-марянин, становится Христовым. Всякий, кто от-вергает Его, будь это иудей или тот, кто по видимо-сти все знает о вере, роет себе яму. И разделение между ним и Богом неизбежно.

Христос остается наедине с двенадцатью. Тол-па отошла, неспособная к вере и жертве, которую требует вера. Господь не говорит им ничего, чтобы их удержать. Напротив, Божественные требования становятся еще тверже — до того часа, когда все оставят Его и Он будет окружен небольшой груп-пой верных, все немощи которых Он видит уже теперь. Евангелие от Иоанна ничего не сообща-ет о страданиях Господа перед лицом этой остав-ленности. Нам дается простое описание, которое раскрывает огромность того, о чем не сказано ни слова. Однако Господь не умаляет этих требова-ний, которые, кажется, скоро уничтожат все плоды Его служения и самых великих Его чудес. Он даже

готов к тому, что уйдут и те, кто еще остается, и как бы обличает их: *Не хотите ли и вы отойти?* (Ин. 6:67). Но апостол Петр от имени двенадцати исповедует веру, которая не может не быть утешением для Господа, когда уходят почти все: *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого* (ст. 68–69).

Апостолы понимали ненамного больше толпы. Мы не можем сказать, что слова нашего Господа были для них понятны. Но они верили не в очевидность того, что Он говорил, а во власть Того, Кто говорил. Они верили в Учителя, в Котором они узнали Сына Божия, Превечное Слово, Свет и Жизнь. Апостолы верили, что это были слова жизни, которые, даже несмотря на трудность понимания их умом, заслуживали того, чтобы следовать им. Ученики Христовы не руководствовались светом своего ума, но светом, исходящим от Превечного Слова. Им дано было принять свет Духа любви, открывающего им в их Божественном Учителе и в Его словах истину. Истина влекла их больше всего. Истиной определялся этот их совершенный выбор, к ней Воплощенное Слово вело их. И потому это была жизнь.

Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал (Ин. 6:29), — заповедал им Христос. Дело Божие совершилось в этих немногих сердцах, которые питались живоносными словами,

посеянными в них Превечным Словом, и через них посеянное Им в мире. Только тому, кто благодатно просвещен Господом, открывается высшая тайна — тайна Евхаристии. В Духе Святом он слышит, как Христос говорит за Божественной литургией: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6:56).

«Старайтесь не о пище тленной»

(Ин. 6:27–33)

Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную (Ин. 6:27), — говорит Господь. Мы не должны допускать, чтобы дела мира сего стали главной нашей заботой. Главная наша забота и главный наш труд должен быть о пище, которой питается душа. Эта пища пребывает вечно, и, принимая ее, мы обретаем вечную жизнь. Податель этой пищи — Христос, Сын Человеческий, на Нем положил печать Свою Бог Отец. Это значит, что Ему дана полнота власти в деле соединения Бога и человека. Он — Посланец Бога к человеку и Ходатай за человека пред Богом. И Он свидетельствует об этом чудесными знамениями.

Иудеи спрашивают, что они должны делать, чтобы творить дело Божие. Смиранный, серьезный вопрос, который показывает, что они, по крайней мере теперь, — в здравом расположении ума и желают знать свой долг и исполнять его.

Недостаточно говорить слова Божии, надо творить дела Божии. У нас должно быть желание делать все, что ни скажет Бог. «Господи, что мне делать, чтобы иметь жизнь вечную?» Ответ Христа предельно ясен: *Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал* (Ин. 6:29). Дело веры — дело Божие. Они спрашивают о делах Божиих, выражая заботу о многом, но Господь направляет их к единому на потребу: «Чтобы вы веровали». Без веры Богу угодить невозможно. Эта вера — дело Божие, которое ведет ко Христу.

Христос говорит им, что Сын Человеческий дает эту нетленную пищу. Они требуют у Него знамения, чтобы поверить Ему. Это происходит в Капернауме, где Он совершил множество чудес. Не этих же ли самых людей Он чудесно напичкал вчера пятью хлебами? Невозможно быть более слепым, чем тот, кто не желает видеть. Они показывают, что предпочитают чудесную пищу, которую Бог дал Израилю в пустыне, всем чудесным знамениям, совершаемым Христом. *Отцы наши ели манну в пустыне*, — говорят они. И цитируют Писание: — *Как написано: хлеб с неба дал им есть* (Ин. 6:31).

Как прекрасно могли бы они соотнести это древнее событие с тем, что происходит сейчас! Но мы видим, как они искажают смысл его. Христос обличает их за любовь к этому чудесному хлебу и зовет их не отягощать сердца заботой о пище

тленной. Под предлогом возвеличения знамений Моисея они хотят обесценить знамение Христа. Христос дал им эту пищу только однажды, а затем обличил тех, кто следовал за Ним в надежде снова и снова получить ее. Моисей питал свой народ в пустыне в течение сорока лет, и чудесные знамения не были редкостью, но их каждодневной пищей — хлебом насущным. Христос питал их хлебом, взятым от земли, — ячменным хлебом и рыбой из моря, а Моисей питал Израиль хлебом с неба, ангельской пищей. Эти иудеи высоко говорили о манне, которую ели их отцы. Но отцы их говорили о манне, как читаем мы в Книге Чисел, что им *противела эта негодная пища* (Чис. 21:5). Так склонны мы умалять и ставить ни во что явление силы и благодати Божией в наши времена, восхищаясь чудесами, о которых наши праотцы рассказали нам.

И вот слово Христово в ответ на их вопрошания. Правда, что отцы их ели манну в пустыне. Но не Моисей дал ее им, он был только орудием в руках Промысла Божия. И потому их взор должен бы направляться к Богу. Не Моисей дал им тот хлеб и ту воду. И Господь говорит, что Он — истинный Хлеб с небес, Который дает им Отец. Христос называет Себя истинным Хлебом. И далее в Евангелии — и во всей жизни Церкви — Он снова и снова утверждает эту тайну. Христос — Хлеб, Тот, Который питает душу, как обычный хлеб — тело. Хлеб, который дает жизнь миру. Скорее наши тела

могли бы жить без пищи, чем наши души — без Христа. Он — Хлеб Божий, Божественный Хлеб, Хлеб, Который невозможно отнять у детей и *повреци псом* (Мф. 15:26). В Церкви Своей Он питает нас Своей Пречистой Плотью и Кровью и будет питать Собою любящих Его в благословенной вечности.

«Я есмь Хлеб жизни»

(Ин. 6:35–39)

Христос снова и снова называет Себя Хлебом жизни. И снова со страхом и трепетом предстоим мы перед тайной Евхаристии. Он — Хлеб жизни, ибо Он произрастает от древа жизни. Он — Хлеб живой, в отличие от обычного мертвого хлеба, и питает нас Своей Плотью. Христос — вовеки живой, вечный Хлеб. Сколько бы ни проходило времени, учение Христа распятого и воскресшего будет укреплять и утешать верующих в Него. Он дает жизнь миру. Манна в пустыне только сохраняла и поддерживала жизнь. Христос дает жизнь умершим от греха. Манна была предназначена только для Израиля, но Христос дан для жизни мира. Он — Хлеб, сошедший с небес. Это свидетельство о Богочеловеческой личности Христа, о Божественном происхождении всякого истинного блага, которое мы приемлем через Него.

Господь показывает, что значит веровать в Него: *приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда* (Ин. 6:35).

Они будут насыщаться от Источника жизни. И вечная смерть не коснется их. Какая милость, и честь, и утешение — веровать во Христа! И Христос с печалью говорит о тех, кто видел Его и не верует в Него. Как может человек веровать в Него, если всего себя предает миру и жизни по плоти? Но хотя иудеи, которые видели Его, не веруют в Него, есть у Господа овцы, которые не от сего двора, и тех подобает Ему привести ко спасению. *Все, что дает Мне Отец, — говорит Христос, — ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6:37). Как радостно для нас слышать это слово Христово! От нас зависит только прийти ко Христу, и Он приведет нас к Отцу Небесному. Его красота, и любовь, и мудрость влекут нас к Нему. Чувство предельной нужды и страх опасности влекут нас к Нему. Все на свете — и жизнь, и смерть — влечет нас к Нему. И твердо Его обетование: *Приходящего ко Мне не изгоню вон*. Как много сказано в этих словах! Потому что у нас есть основание бояться, что Он изгонит нас.

По справедливости мы можем ждать, что нас встретит Его праведный гнев и двери Царства окажутся закрытыми для нас. Этот страх отчаяния исчезает, ибо Он уверяет нас, что никогда не сделает так. Как бы ни были мы грешны, Он никогда не отринет нас, если мы придем к Нему с искренним покаянием. И в этих словах «не изгоню вон» мы не можем не слышать несравненно

большого. Он не только не изгонит нас — Он примет нас, Он даст нам все, ради чего мы приходим к Нему. Он соединит нас со Своим Пречистым Телом и Кровью в таинстве Святого Причащения. И нам открывается воля Пославшего Его Отца — чтобы из того, что Он Ему дал, ничего не погубить, но все воскресить в последний день. Это Завет искупления между Отцом и Сыном, открываемый в Духе Святом. Никто из тех, кого Бог избрал Своей любовью и вверил Своему Божественному Сыну, не будет похищен из руки Его. Никто из тех, кто сохранит свою веру и верность Ему, не будет оставлен Им — ни здесь, на земле, ни в вечности, пока не достигнет всеобщего воскресения.

«Я воскрешу его в последний день»

(Ин. 6:40–44)

Мы никогда бы не могли даже искать Его, если бы Он раньше не нашел нас. Бог все может, кроме одного, — заставить нас любить Его. Жизнь — это принятие Бога или отказ от Него. Когда мы принимаем Христа Бога, наше сердце обретает то, к чему оно всегда неосознанно стремилось, и наша жизнь перестает быть просто существованием и исполняется радости, смысла и покоя. И мы узнаем, что в последний день, когда человечество пройдет через все бури истории, Господь введет нас в гавань, в которой нет опасности. Господь предлагает нам жизнь во времени и жизнь в вечности.

Мы лишаемся этого величия и славы, обманывая себя, когда отвергаем Его дар.

Христос — Хлеб жизни. Это значит, что Он — то, чем питается жизнь. Потому отвергнуться Его и заповеди Его — лишиться жизни и умереть. Те, кто не решился войти в землю Обетованную, был осужден на странствование в пустыне, пока не умерли все. И святые отцы говорят, что они лишились не только земли Обетованной, но лишились и будущей жизни. Отвергнуться Христа — значит лишиться истинной жизни в этом мире и в будущем. А принять Его дар — обрести истинную жизнь здесь, на земле, и славу будущего века.

Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день (Ин. 6:40). Вечную жизнь, венец славы предлагает нам Господь. Это наше высокое призвание. Каждый человек, верующий во Христа, с несомненностью обретает их. Всякий видящий Христа и верующий в Него спасется. Надо только научиться смотреть оком веры. Не слепой веры требует от нас Христос, не того, чтобы мы с закрытыми глазами следовали за Ним, а чтобы видели Его и знали, на чем зиждется наша вера. Верующего в Него Он воскресит Своей силой в последний день.

Когда иудеи слышали, что Христос назвал Себя «Хлебом, спшедшим с небес» (ср.: Ин. 6:51), это вызвало у них ропот. Христос возвещает им о воле

Отчей и о Своем посланничестве спасения рода человеческого. Из уст Его исходят самые великие и самые благодатные слова, когда-либо сказанные на земле. Можно было бы ожидать, что они с изумлением и благодарностью поклонятся Ему. Но нет — они противятся Господу, вступая в спор с Ним. Мы знаем, что многие из тех, кто по наружности принимает учение Христово, внутренне отвергают его. Иудеев соблазняет слово Христа о том, что Он сошел с небес. «Как может такое быть, — размышляют они в себе, — если родителей Его мы знаем. Как может Он говорить, что сошел с небес, если Он — такой же, как один из нас?» (см.: Ин. 6:42). Иудеи судят согласно человеческим ценностям и внешним понятиям. В ответ на призыв Христа они утверждают, что Он — сын плотника и что они видели, как Он рос в Назарете. Они не в состоянии понять, как человек из простой бедной семьи может быть вдохновенным Посланником Божиим. Мы должны быть внимательными, чтобы не отвергнуть благовестие Божие, потому что ни во что ставим Благовестника.

Иудеи спорят друг с другом, они так захвачены собственными доказательствами, что им в голову не приходит узнать волю Божию. Для них главное — чтобы все узнали их мнение по этому вопросу, а не то, что думает Бог. В конце концов, не имеет большого значения, что думаем мы, но что думает Бог. Ибо Его мысли — не наши мысли,

как свидетельствует пророк, и Его пути — не наши пути (см.: Ис. 55:8). И мы так редко стараемся потрудиться их узнать!

В помраченной душе павшего человека таится бунт против разумных требований истины. Поэтому требуется воздействие благодати для привлечения души к Богу. *Никто не может придти ко Мне, — говорит им Христос, — если не привлечет Его Отец, пославший Меня* (Ин. 6:44).

Иудеи роптали на учение Христово. Христос сказал им: «Не ропщите между собой. Не перекладывайте вину неприятия Моего учения один на другого. Ваша нелюбовь к истине столь велика, что только Божия сила может победить ее». Это не значит, что кто-то может быть привлечен к Богу силой. Речь идет о такой перемене воли, о таком глубоком обновлении души, что она неодолимо влечется к Богу. Сотворивый человека знает, как исправить его душу. Никто — ибо все, вследствие отпадения от Бога, пребывают в состоянии духовной немощи и беспомощности — не может прийти ко Христу без дара благодати, *если не привлечет его Отец, пославший Меня*, — говорит Христос. Отец не мог послать Его на безнадежное дело. Посылая Христа спасать души, Он посылает и души, жаждущие спасения, навстречу Христу.

И вот венец совершенства служения Христово: *Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6:44). Господь неоднократно повторяет это слово в беседе о Хлебе

жизни. Он хочет, чтобы мы знали, что Он может все совершить. Среди отчаяния мира да будет непоколебима наша надежда на дар жизни, который Бог откроет для нас в полноте в последний день.

«Ядуший Хлеб сей будет жить вовек»

(Ин. 6:48–54)

Господь — Хлеб, прообразом и символом которого была манна. Манны было достаточно для всех. Так и у Христа достаточно благодати для всех верующих в Него. Кто собрал много манны, не имеет лишнего для употребления ее в своем служении. Кто собрал мало, узнаёт, что не имеет недостатка, когда достигнет славы небес. Дух Святой открывает нам здесь и за каждой Божественной литургией пасхальный пир веры, непостижимое единство с Богом, таинственнейшее и теснейшее, не сравнимое ни с чем, что может быть на земле.

Господь отдает Свою плоть и кровь за жизнь мира. Его плоть и кровь — искупление мира от греха и предложение вечной жизни всему миру. Потому плоть и кровь Сына Человеческого являются Христа, и Христа распятого, дар Его искупления. В них — обетование Нового Завета и вечной жизни. Вечная жизнь куплена для нас дорогою ценою — Его Телом ломимым и Его Кровью проливаемой — во оставление грехов. Это — пища и питье для нас. До этого Господь сравнивает Себя с хлебом — с тем, что питает человека. Его плоть —

не видимость и не тени, которыми мир прельщает прилепляющихся к нему. Это истинная пища и истинное питье.

Принятие Плоти и Крови Христовых неотделимо от принятия верою всего, что говорит и делает Христос. Это духовное вкушение начинается с алкания и жаждания Христа и правды Его. «Дайте мне испить из этого источника, или я умру» — таково состояние души, истинно ищущей Бога. Недостаточно изобразить истину, надо дать силу жить по ней. Нарисованный хлеб не может никого напитать. Христос — истинный Хлеб, но и на такой Хлеб недостаточно только смотреть, надо вкушать его, чтобы узнать, как сладка жизнь, как благ Господь. Он питает нас и через обычную пищу. Но здесь тайну нашего ядения и питья Он делает Таинством. Духовное возрастание и крепость нового человека зависят от принятия этой небесной пищи.

Питание Христом жизненно необходимо для нас. *Истинно, истинно говорю вам, — возвещает Христос, — если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин. 6:53). Несомненный признак того, что человек не имеет в себе духовной жизни, — когда он не ищет с алканием и жаждой Христа, не полагает всю радость свою — в Нем. Душа такого человека несомненно мертва. Он не живет. Точно так же несомненно, что невозможно жить духовной жизнью, не приняв верою этот

дар от Христа. Ибо без Него мы не можем творить ничего (см.: Ин. 15:5). Как тела наши не могут жить без пищи, так и души наши — без Христа. Вернее сказать, без Христа не может жить ни душа, ни тело. Как Его Крест и Воскресение не только души наши наполняют славой Божией, но и тела. Плоть и Кровь Христовы питают душу причастника и тело, соединяя его со Христом Богом.

И снова мы слышим это слово, в котором шествие святых всех веков к Чаше Господней — к последнему Страшному Суду и всеобщему Воскресению: *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6:54).

«Какие странные слова! кто может это слушать?»

(Ин. 6:56–69)

Плоть Христа Бога — Его совершенное человечество. Это «тайна благочестия», приобщаясь которой мы противостояим «тайне беззакония» — антихристу. *Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста* (1 Ин. 4:2–3). Господь наш — кость от кости нашей и плоть от плоти нашей. Это значит, что нет такой нашей нужды, нет такого искушения, нет таких отношений, которым бы Он не приобщился в Своей человеческой плоти и крови. Мы должны всегда

помнить об этом и творить нашу жизнь в Его воспоминание, чтобы и наша плоть стала прославленной от соприкосновения с Богом. И в центре этого воспоминания — таинство Тела и Крови Господних. Причащаться Святых Христовых Таин — значит питать наше сердце, и ум, и душу Его Божеством и Человечеством, соединяя нашу жизнь с Его жизнью. Христос не должен никогда быть внешним по отношению к нам, мы должны жить Им, и тогда наша жизнь станет истинной жизнью. Вот что Христос имеет в виду, когда говорит о нашем пребывании в Нем и Его — в нас.

Многие из учеников Его, слыша то, говорили: *какие странные слова! кто может это слушать?* (Ин. 6:60). Господь отвечает им: «Вам трудно поверить, что Я пища жизни, хлеб, спешший с небес. Но придет день, когда вы увидите Меня вновь восходящим на небо». Он говорит о Своем Воскресении и Вознесении. Но путь к этому лежит через Крест. Господь говорит, что все определяется жизнеподательной силой Духа. *Плоть не пользуется ничем.* Это значит, что жизнь сама по себе — ничто. Истинная ценность жизни зависит от того, куда она устремлена, какой дух наполняет ее. «Слова Мои, — говорит Господь, — *суть дух и жизнь*». Он один может сказать, что такое жизнь, и вдохнуть в нас дух и дать силы истинно жить.

Господь знает, что есть такие, кто не только отвергают Его дар, но враждебно настроены

к Нему. Никто не может принять Христа, пока не будет привлечен к Нему Духом Божиим. Но до конца своих дней человек свободен противиться Духу. Не Бог удаляется от него, а он — от Бога. Среди именующих себя христианами есть немало неверующих. Неверие лицемеров обнажено перед взором Христовым. Сердцеведец Господь *от начала знал, кто суть неверующие и кто предаст Его* (Ин. 6:64).

Было время, когда люди во множестве шли ко Христу. Многие видели Его чудеса и уверовали во имя Его. Толпы всюду следовали за Ним. Но постепенно все стало меняться. Все более возрастала ненависть к Нему духовных вождей Израиля, все отчетливей проступал Его Крест. Бог посылает нам скорбные обстоятельства, чтобы открылись сердца многих по отношению ко Христу. *С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним* (Ин. 6:66). Так часто бывает. Когда одни отходят от Христа, многие следуют их примеру. И мы знаем, сколь массовым может быть отступничество. Несомненно, они испугались предстоящих испытаний. Хорошо быть со Христом, когда Он идет во славе, но при первых признаках, что этот путь означает Крест, они оставляют Его. Как часто люди приходят в Церковь, чтобы получить что-нибудь от Христа. Но когда выясняется, что им надо пожертвовать чем-то ради Христа, от-

дать свою жизнь Ему, они отходят. Никто не может дать так, как Христос дает. Но мы должны помнить, что быть христианином, следовать за Христом — всегда Крест.

И мы слышим слово Господа к двенадцати, которое мы должны всегда воспринимать, как обращенное лично к нам: «Не хотите ли и вы отойти от Меня?» И вот исповедание Петра, подобное тому, которое он произнес в Кесарии Филипповой: *Мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого* (Ин. 6:69). Надвигающиеся испытания являются преданность его сердца своему Господу и решимость идти за Ним до конца. Куда и к кому нам еще идти? К этому миру, который обманет нас? К этим грехам, которые погубят нас? Оставить источник воды живой и идти к кладенцам хананейских мыслей? Ты один, Господи, имеешь глаголы жизни вечной!

Верность Петра основана на его личном отношении ко Христу. И он многого не понимал, и он, как все, порой в растерянности стоял перед путями Господними. Но во Христе было то, за что он готов был идти на смерть и в темницу. В конце концов, христианство — не просто принятие высшей мудрости и совершеннейшей нравственности. Это наш личный ответ Христу. Это наша ответная любовь к Богу живому, потому что глубины нашего сердца не дают нам поступить по-другому.

«Это ли соблазняет вас?»

(Ин. 6:61)

Мы часто напоминаем слова преподобного Серафима Саровского: «Кто причащается, тот спасен будет. А кто не причащается — не думаю». Тайна спасения велика. Все началось, по сути, еще с иудеев, которые, видя чудеса, совершаемые Господом, хотели взять Его и сделать «хлебным царем».

Однако, прежде чем бросать камень в иудеев, попытаемся их понять. Христос напрямик говорит им о Евхаристии. Он приглашает их есть Свою Плоть и пить Свою Кровь («жевать» или «грызть» Его Плоть — точные слова, произнесенные Им, а не «есть», как мы слышим в современном переводе). Для иудеев невозможно было слышать это слово даже в символическом или образном смысле. Более того, Он говорит, что надо «пить Его Кровь». Было отчего ужаснуться иудею, знавшему предписание Книги Левит: *Никакой крови не ешьте во всех жилищах ваших ни из птиц, ни из скота; а кто будет есть какую-нибудь кровь, истребится душа та из народа своего* (Лев. 7:26–27). Кровь сохранялась для Бога в жертвоприношениях. Чтобы яснее обозначить невозможность для «естественного», безблагодатного разума понять тайну Евхаристии, достаточно, наверное, напомнить о том, как воспринимали ее не только иудеи, но и язычники. О Евхаристии первых христиан язычники говорили как о чудовищных собраниях злых сект,

на которых занимаются каннибализмом: «Они пьют кровь закалаемых ими младенцев и этой кровью скрепляют свой союз». Разумеется, слова Христа были для иудеев и язычников соблазном и скандалом. Точно так же, как для многих из тех, кто сегодня переступает порог Церкви.

Это ли соблазняет вас? (Ин. 6:61) — спрашивает иудеев Христос. Что за вопрос! Как не быть шокированными от этих слов? Они быстро расходятся, и еще быстрее, когда понимают, что на сегодня чудеса закончились и не будет больше умножения хлебов.

Но Христос не делает ничего, чтобы их остановить. Он не пытается уладить дело миром. Господь позволяет им уйти, чтобы люди всех веков знали, что евхаристический Хлеб — не символ, не простое воспоминание, но реальное Его присутствие под видом хлеба и вина. Христос не бежит им вдогонку, чтобы присоединиться к ним. Он не имеет права смягчать остроту благовестия этой тайны. Евхаристия — реальное действие, где Бог реально отдает Себя, Свою плоть. Что бы не сказали об этом! И пусть последствия будут разрушительными — уход от Него учеников. Истина не нуждается в дипломатических компромиссах.

Тайна столь ошеломляющая — апостолы потрясены. Они смотрят друг на друга, пытаясь понять, что думают другие. Господь видит их растерянность: *Не хотите ли и вы отойти?* (Ин. 6:67).

Мы уже не раз останавливались на этих словах. И это понятно, потому что снова и снова — в начале, в середине и даже в конце нашего духовного пути — мы стоим перед все решающим выбором. Избранные ученики Христовы могут только ответить: «Господи, это превосходит наше понимание, мы в полном недоумении, но куда нам идти? Твои слова трудно понять, но мы знаем: все, что Ты говоришь, — истина, и во всех Твоих словах — огонь и жизнь. Мы знаем и исповедуем, что Ты — Святой Божий». Двенадцать составляют «малый остаток», и они утешают своего Господа в этом как будто небывалом поражении.

«Малый остаток» проходит через строгое испытание доверия. На этих людях Господь сможет построить Свою будущую Церковь. Разумеется, Господь заранее готовил Своих апостолов к принятию этой превосходящей разумеение тайны. До этого они были участниками чудесного умножения хлебов. Он позаботился также о том, чтобы объяснить им, как манна, дарованная иудеям в пустыне, прообразовала этот Новый Хлеб, Который Он им принес. Подобно манне, не сошел ли Он также с небес? Подобно манне, не давал ли Он им жизнь, и больше, чем телесную жизнь, но жизнь вечную?

И Господь в завершение говорит им о Своем Вознесении: «Вам трудно поверить в то, что Я вам открываю. Но вы увидите большее. Как вы будете

потрясены, когда Я воскресну и возвращусь на небо, откуда Я пришел!»

Евхаристия всегда будет непостижимой тайной. Она неразрывно связана с тайной Воплощения Христова. Нам надо так молиться и такое приносить покаяние, чтобы при всяком причащении, когда Церковь, как говорит святитель Феофан Затворник, облачается в белые победные одежды, дано нам было по благодати Духа Святого узнать не только душой, но и телом, что Бог воплотился лично ради каждого из нас.

Воскресное Евангелие об эммаусских путниках

Третий Путник

Мы знаем это Евангелие о явлении Христа воскресшего двум ученикам Христовым, идущим во Эммаус. Когда они идут по дороге, с ними рядом вдруг оказывается третий Путник.

Где двое или трое собраны во имя Христово, там Он посреди них (см.: Мф. 18:20). Они собраны во имя Христово и говорят о том, что произошло в Иерусалиме. Но они не могут узнать Того, Кто идет рядом с ними, потому что *глаза их были удержаны*, — как сказано в Евангелии, — *так что они не узнали Его* (Лк. 24:16).

День уже клонился к вечеру, и дорога шла на закат. Может быть, они оттого не узнали Христа, что солнце уже заходило, и в слепящем его свете трудно было узнать идущего рядом с ними Человека. Они шли туда, где уже наступала ночь, а христианин должен идти не к закату, а к восходу солнца.

В Ветхом Завете, после того как Бог в пустыне явил чудо через медного змия, знаменующего прообраз Христа Распятого, Он повелел народу Божию идти по дороге, ведущей к восходу солнца (см.: Чис. 21:9–11). Православные храмы, мы знаем, обращены алтарями к восходу солнца, и каждый христианин призывается идти по дороге, ведущей к восходу в нашей жизни Солнца Правды, — к воскресшему Христу.

Наступает тьма. Не только о конкретном дне идет речь в Евангелии, эта тьма передает внутреннее состояние апостолов, когда они были в горе и разочаровании от всего, что произошло. Но наступает тьма в истории человечества, когда к вечеру преклоняется день. И тем не менее мы призваны к тому, чтобы всегда помнить, что наша дорога идет туда, где восходит солнце, где свет. Не ко все сгущающейся тьме вокруг нас, которая очевидна, но к восходящему солнцу, которое мы не можем различить.

Когда два ученика в сегодняшней евангельской притче говорят Путнику, поравнявшемуся

с ними, о страшных событиях, в их словах звучит печаль, и мы видим, что они потеряли всякую надежду. Может быть, самые печальные слова, которые когда-либо были сказаны в мире, — это слова двух апостолов: *А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля* (Лк. 24:21), — однако все эти надежды оказались похоронены. Но по мере того, как ученики Христовы идут по дороге в Эммаус, их Спутник все более и более раскрывает им смысл произошедших событий, так что жизнь снова обретает смысл там, где она уже казалась совершенно безнадежной. Тьма постепенно становится светом, оттого что Он идет рядом с ними. В самых горьких обстоятельствах, когда нет никакой надежды, и в самые страшные времена Господь — единственный, Кто может снова возвратить драгоценное значение жизни, если только мы рядом с Ним.

Далее мы видим, что Путник, идущий в Эммаус вместе с апостолами, показывает, что Он хочет идти дальше, в то время как они, уставшие после дороги, остаются на ночлег. Они приглашают Его остаться с ними на трапезу, *потому что день уже склонился к вечеру* (Лк. 24:29). В этот момент очень многое решается в судьбе двух апостолов (и всегда решается в такие моменты в судьбе каждого человека), когда самый великий, самый опасный дар, какой дан человеку Богом, — дар свободы — может быть употреблен в погибель человека.

Бог не навязывает Себя никому, Он очень бережно относится к свободе человека. Он говорит, что идет дальше, но оттого, что люди проявляют милосердие и приглашают Его быть вместе с ними, они сподобляются встречи со Христом воскресшим.

Каждый из нас может принять Бога в свою жизнь, а может навсегда пройти мимо Того, Кто присутствует рядом с нами, неузнанный нами в других людях. *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3:20). Именно это и происходит с апостолом Клеопой и другим учеником, имя которого не названо в Евангелии. Это дивная трапеза — трапеза любви, за которой присутствует Сам Христос. Она начинается как обычная трапеза в обыкновенном доме, где предлагается обычный хлеб, но, как на Тайной Вечере, она становится таинством Евхаристии. Простая трапеза соединяется здесь с таинством Евхаристии — в напоминание того, что Бог присутствует в нашей жизни не только когда мы молимся в храме, участвуем в таинстве преломления хлеба за Божественной литургией, но и когда помним о Его присутствии в нашей повседневной жизни.

Господь — не только Хозяин дома Божия, когда мы молимся в храме за литургией. Он — Гость в доме каждого из нас, когда наша молитва, наше участие в самом главном таинстве Церкви не от-

деляется от нашей повседневной жизни. Когда молитва перед трапезой и после нее становится реальностью присутствия Христа среди нас, а не только тем чудом, которым эта трапеза завершается во Эммаусе, когда Господь превращает хлеб в Свое Пречистое Тело, отданное за спасение мира. Когда ученики Христовы, благодаря участию в вечерней трапезе и благодаря приобщению к этому таинству (обретая присутствие Христова во внутреннем состоянии своей души), узнают распятого и воскресшего Господа, они исполняются радостью ликования. И хотя вечер уже наступил, так что Христос *стал невидим для них* (Лк. 24:31), но Он присутствует в них Своею благодатью, и они, *встав в тот же час, возвратились в Иерусалим* (ст. 33). Этот длинный путь они совершают радостно, чтобы скорее сообщить другим апостолам, что воистину воскрес Христос.

Святые отцы говорят, что нам ничего не принадлежит в этом мире, кроме того, что мы отдаем другим. Если это верно относительно материальных вещей, то тем более это касается духовного. Только тогда благовестие о победе Христовой над смертью до конца становится нашим, когда мы сознаем эту радость так глубоко, что не можем ее удержать для себя и приносим ее другим людям.

Когда апостол Клеопа вместе с другим учеником приходят в Иерусалим, где собрались все

апостолы, они видят, что и остальные исполнены радости, потому что им тоже дано было узнать о воскресшем Христе. Здесь нам открывается, что такое наша Церковь. Каждый из нас, кто сподобился встречи со Христом воскресшим (в обыденной ли жизни, при чтении Писания или приобщаясь Святых Христовых Таин) и кто знает, что Христос воскрес, приходит в Церковь, где встречается с другими людьми, которые тоже могли бы рассказать о своем чуде, о своем даре увидеть Христа воскресшего, полученном ими от Господа. Они обладают тем же самым драгоценным сокровищем, что и другие люди, и вместе все мы исповедуем за воскресной всенощной, повторяя слова святых в течение всех веков до скончания мира: «Воскресение Христово видевше». Это — слава Церкви, потому что каждому из нас принадлежит не только то богатство благодатного дара, которого сподобил его Христос, но и то богатство, которое имеют все другие люди, находящиеся в Церкви Христа воскресшего.

Господь после Своего Воскресения одному из первых явился апостолу Симону Петру — человеку, который трижды отрекся от Него, — и это говорит об очень многом. Здесь напоминание нам о непостижимой любви Божией, о смысле победы Христовой над смертью, над грехом и над диаволом. Напоминание о том, что Господь принес Своим Воскресением покаяние в мир. Светом Своего

Воскресения Он побеждает тьму всякого греха, когда, раскаявшись, мы возвращаемся к своему Господу.

Будем дорожить словом Божиим, как апостолы, которым Христос во время их странствования начал говорить от Писаний, от Моисея и других пророков, и сердце их горело оттого, что они слушали Господа. Чтобы мы в течение всего пути нашей жизни слышали слово Божие в Евангелии, в принятии Евхаристии, в чуде преломления хлеба, в таинстве покаяния, когда Господь снова и снова являет нам Себя.

Главное знамение Христова присутствия

Как открывается нам самая главная тайна жизни — Воскресение Христово? Двое учеников идут по дороге в Эммаус вместе, они не верят в Христово Воскресение, однако говорят о Господе. Господь являет совне их глазам то, что происходит у них в сердце, ибо внутренне они были раздираемы между любовью и сомнением. Господь идет рядом с ними, но остается неузнанным. Истина не прячется от людей, но открывается им по мере испытания их в любви к Богу и человеку.

«А мы надеялись, что Сей избавит Израиля» (см.: Лк. 24:21), — говорят они. Что ждем мы от веры на самом деле? Подсознательно — чуда, того, что переменит нашу жизнь, перевернет, может быть, весь мир. Эти люди слышали о свидетельстве

жен-мироносиц, и им было видение Ангелов, *Сама-го же не видеша* (Лк. 24:24). Здесь — вопль скорби нашей веры, вопль апостола Фомы: *Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю* (Ин. 20:25). Здесь плач Марии Магдалины перед Гробом Христовым: *Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его* (ст. 13). Пока не позвал ее Господь по имени: *Мария!* (ст. 16).

И вот незнакомый Путник приходит к нам и предлагает нам перечитать Писание еще раз. Но на этот раз Он дает нам ключ разумения. То, что, как нам казалось, мы знаем, освящает новым светом. Странной была эта встреча, эта книга нашей жизни, это паломничество в Иерусалим, это пророчество. И вдруг Он заставил эти слова трепетать в нас, гореть в нас, что-то новое произошло с нами. Из знакомого текста Священного Писания Бог-Слово, Превечное и живое, как меч обоюдо-острый прошло через нас. Слово Творца Бога, через которое мы стали понимать то, что тысячу раз читали, слушали и не понимали.

Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру (Лк. 24:29). День близится к закату, день жизни многих из нас, день человеческой истории. Снова и снова и всегда мы рискуем остаться в ночи. «Останься с нами». Мы невольно видим здесь других апостолов, на горе Фаворской, которые говорят: *Хорошо нам здесь быть; если*

хочешь, сделаем здесь три кущи (Мф. 17:4). Однако таинственный Путник уйдет, Он не может остаться. Он не может вместо нас совершать труд веры, наш главный постоянный труд. Никто, даже Он, особенно Он, не может совершить его за нас. *Не прикасайся ко Мне* (Ин. 20:17), — говорит Он Марии Магдалине. Значит, каждый из нас должен остаться один. Нет, мы уже вдвоем, если мы идем по дороге в Эммаус.

Не каждый в отдельности, но вдвоем, в том состоянии между сомнением и верой, в котором мы пребываем. И затем вместе мы можем обнаружить, что Превечное Слово Божие в Писании говорило с нами. И узнать, что Оно говорило с нами, когда сердце наше горело в нас. Он хочет, чтобы мы часто слушали это Слово, Которое говорит с нами. Это Он, это Его голос, голос, который может сказать: «Мария!» Или Он может сказать мое имя, имя каждого из нас. С самого начала нашего нового рождения в крещении. И незнакомый Путник не оставляет нас без ничего. Он оставляет нам Свое знамение, главное знамение Своего присутствия, — знамение Тайной Вечери, Страстной спасительной седмицы. Он здесь, когда мы творим в воспоминание Его Пасху. Он здесь, в Хлебе ломимом. И в свою очередь мы можем рассказать другим то, что произошло с нами по дороге в наш Эммаус, как это делают Лука и Клеопа. О том, как они узнали Его в преломлении хлеба.

Присутствуя среди двух учеников, Он остается неузнанным. Они узнают Его в преломлении хлеба. И Он исчезает, остается невидимым. Что это значит? Это значит, что когда Он кажется отсутствующим и наши глаза, как бы мы ни напрягали их, не могут открыться для видения Его, Он внезапно оказывается с нами. И мы уже не одни, не двое только, но Слово Божие воплотившееся — с нами. Оно собирает множество людей, народ Божий. Нам дается пережить эту встречу, и она необходима для нашей веры. Иначе она превратится в какие-то смутные ощущения, в холодные умствования и исчезнет. Мы не должны искусственно искать встречи с Богом, ждать каких-то особенных духовных переживаний. Встреча с Богом возможна и необходима, и она может совершиться очень просто. И иногда совершенно внезапно — в приобщении Слову Божию и Хлебу ломимому. Эта встреча состоится, когда мы подлинно поймем, что мы ищем Его, а не что-то иное, пусть даже самое священное.

Вы теперь имеете печаль, — говорит Господь на Тайной Вечере, — но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас (Ин. 16:22). Вера живая, вера подлинная начинается там, где начинается радость Церкви. И радость может родиться только во встрече с Господом. Незнакомый Путник снова дает нам это узнать. Всегда Он присутствует с нами на всех наших дорогах. «Раввуни, Учителю!» — восклицает

Мария. «Господь мой и Бог мой», — выдыхает покоренный любовью Христовой апостол Фома. «Верую, Господи, и исповедую», — говорим мы перед Чашей Христовой.

Литургия слова и Евхаристический канон

Лука и Клеопа путешествуют в Эммаус. В Палестине есть несколько мест с таким названием. И не только в Палестине. Даже у нас в Тверской области есть селение Эммаус.

Эммаус — это место, куда человек идет рядом со Христом, часто не зная об этом. *Стоит среди вас Некто*, — говорит Предтеча, — *Которого вы не знаете* (Ин. 1:26). Где бы мы ни находились, Бог всегда присутствует с нами — с каждым человеком и со всем родом человеческим — до конца нашей жизни и до скончания века. Но Он часто остается неузнанным. Что должны мы делать, чтобы узнать Его?

Евангелие говорит нам об этом. Для этого нужно не быть равнодушным к добру и злу, к истине и правде, к смыслу жизни, к тому, что совершается с другими людьми. Апостолы, идущие в Эммаус, сокрушены. Они потерпели полное поражение. Тот, в Ком они полагали всю свою надежду, предан позорной смерти. Что ждет их теперь впереди? Всякий раз, когда мы разочаровываемся в самых лучших своих надеждах, когда мы терпим полное крушение в жизни, когда наша душа страдает

после совершения греха, Господь приближается к нам и идет рядом с нами. Особенно Он близок к нам, когда наша мысль, наше сердце устремлены к Самому Христу, к самому главному, что есть в жизни человеческой, — к тайне жизни и смерти.

Эти ученики знают все о Христе. Они с самого начала были с Ним, они знают, что Он из Назарета, что Он пророк, сильный в слове и в деле пред Богом и всеми людьми, что Он проповедовал и совершал чудеса. Что Его осудили на смерть первосвященники, Он был распят и был положен во гроб. Потом этот гроб оказался пустым. И было видение Ангелов, возвещающих, что Он жив. Жены, возвратившиеся от гроба, подтверждают свидетельство Ангелов. Можно сказать, все, что содержится в Символе веры, известно этим ученикам. Но им недостает веры. *О, несмысленные и медлительные сердцем*, — говорит Господь, — *чтобы веровать!.. Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?* (Лк. 24:25, 26). Господь неоднократно повторяет эти слова, когда речь заходит о Его крестных страданиях. И до Креста Он говорил Своим ученикам, что подобает много пострадать Сыну Человеческому. И по Воскресении Своем Он говорит, что так должно было быть. Не потому, что была фатальная неизбежность Его страданий, а потому, что так решено в Превечном Троичном Совете о спасении мира. И крестная смерть Христа не была поражением.

И, начав от Моисея (Лк. 24:27), Господь показывает им, что можно и нужно взглянуть на эти самые события под другим углом. Священное Писание — это великий свет, который дает нам возможность увидеть по-новому все, что происходит в жизни каждого из нас, все, что совершается в истории человечества. Пророк Исаия, Моисей, псалмы — все они говорят о грядущем Христе. Сам Господь является толкователем Писания, которое говорит о Нем. Ветхий Завет освещает Новый Завет. Ветхий Завет обращен ко Христу, в Котором все должно осуществиться. И он обращен к нам, чтобы мы знали, что Превечный Божий Совет совершается в истории рода человеческого непрерывно и достигает нас, каждого человека.

Когда они достигают Эммауса, Незнакомец делает вид, что хочет идти дальше. Они удерживали Его: *Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру* (Лк. 24:29). Воистину никакое изъяснение Священного Писания, никакое изъяснение тайн веры, даже Самим Господом, не могут еще привести к вере, к ведению того, что есть Господь наш Иисус Христос. Можно окончить все духовные семинарии и академии, можно знать наизусть все Священное Писание — и Ветхого, и Нового Завета, можно прочитать всех святых отцов — и не обрести веры. Ученики по-прежнему не узнают Христа. Для этого требуется, чтобы Сам Господь открыл им ум к разумению Писания.

Как происходит это открытие ума у апостолов? Оно начинается с самого простого — с их приглашения таинственного Путника разделить с ними трапезу. И мы слышим: *Он взяв хлеб, благословил, преломил и подал им* (Лк. 24:30). Те же самые слова, которые употребляет Евангелие о чудесном умножении хлебов. И те же самые слова звучат за Божественной литургией. Принято разделять литургию на литургию слова, когда вначале читается Священное Писание, а потом литургию Господней трапезы — Евхаристический канон. И мы видим, что этот порядок соблюдается и здесь.

Господь предложил им Пречистое Свое Тело. И мгновенно стал невидим. Они обрели Христа в себе. *Не горело ли сердце наше*, — сказали они, — *когда Он говорил нам на дороге?* (Лк. 24:32) Воскресший Христос незримо присутствует с ними. Его нет, но Он с ними. Он заполняет их сердце, их ум, их душу. Христос становится невидимым, чтобы апостолы узнали и передали всей Церкви, что после Его Воскресения наше общение с Господом — только в вере. В той благодати, которая, несомненно, дает нам знать о присутствии с нами Господа.

Для тех, кто хочет встретить воскресшего Христа в своей жизни, существует такая возможность — во-первых, через внимательное, благоговейное чтение слова Божия; во-вторых, через знамение ближнего, в котором мы не видим Христа,

но Который всегда присутствует в нем, как с Лукой и Клеопой по дороге в Эммаус. И наконец, в знамении Евхаристии — Хлеба ломимого, в котором Господь предлагает Самого Себя.

Когда ученики узнают о Воскресении Христовом, они тотчас же с радостью устремляются в Иерусалим, несмотря на большое расстояние, отделяющее их от этого города. Это значит, что знамением нашей встречи с воскресшим Христом является общение со всей Церковью. Участие в том, что всей Церкви принадлежит, — в том собрании, которое всегда остается таким же, каким оно было, когда Господь собрал Своих учеников в Сионской горнице накануне Своих крестных страданий. Требуется личное наше узнавание Господа по дороге в Эммаус и вместе со всей Церковью.

Изгнание торговцев из храма

(Мф. 21:12–13; Мк. 11:15–17; Ин. 2:13–17)

Мы помним эти события в начале служения Господа и накануне Его крестных Страстей. Христос выходит из Себя и вразумляет торговцев Храма с помощью бича. Он хочет, чтобы мы научились относиться с таким же глубоким благоговением к нашим каменным церквам, как и к Церкви, составляемой из камней живых, которая есть таинственное Тело Христово. Никогда возмущение

Господа не проявлялось с такой силой. Есть среди нас «проповедники любви», которые говорят, что никакой гнев недопустим в Церкви. И они даже соблазняются действиями Господа. Но Христос, мы видим, опрокидывает столы, рассыпает монеты и выметает торговцев из Храма вместе с их скотом, как нечистоту. «Где вы находитесь, меркантильные души? Здесь не рынок, не дом торговли!»

Почему Господь являет такую ревность о храме? Неужели ради того, чтобы защитить его красоту? Этот храм, только что перестроенный Иродом, был огромен и великолепен. Шестьсот священников и триста левитов участвовали в богослужениях во время великих праздников. В центре площади среди многочисленных дворов, один из которых был доступен для язычников, располагалось самое святилище. Оно состояло из двух помещений: Святое, куда могли входить только священники и где был жертвенник фимиама, золотой подсвечник с семью ответвлениями, стол для хлебов предложения. И далее, отделенное двойной завесой, было Святое святых. В первом храме, построенном Соломоном, здесь находились Ковчег Завета и скрижали Закона, врученные Богом Моисею. С разрушением храма в 587 году до Рождества Христова Ковчег исчез, но Святое святых осталось священным местом присутствия Божия. Только первосвященник имел право войти туда раз в году — в праздник, пророчествующий об

Искуплении. Вот почему гневается Господь! Этот звон монет в храме, рядом со Святое святых, был оскорблением величия Божия. И Христос говорит нам, чтобы мы не боялись отстаивать право защищать святыни Церкви. «Здесь вы должны уподобляться Мне, — как бы обращается Он к нам. — Храм — дом Отца Моего, и Я не позволю никому превращать его в вертеп разбойников».

Сколько ударов бича Господня полагалось бы для всех тех, кто разорял и осквернял наши храмы, превращал их в клубы, кафе и овощехранилища, в общественные туалеты — в дома их торговли! Воистину полной мерой они получили эти удары от Господа. Как полной мерой получают их и те, кто сегодня публично глумится над нашими святынями. Было бы неплохо, если бы Господь заходил время от времени, как делал Он это в Иерусалиме, и в наши храмы — для «наведения порядка». Ознаком ли мы, что в самом скромном деревянном христианском храме есть несравненно большее, чем то таинственное присутствие Божие, которое было во Святое святых Иерусалимского храма? Сам Христос Бог Своим Пречистым Телом и Кровью присутствует здесь в Евхаристии — вот где подлинное Святое святых! Сколько священников желали бы, наверное, иногда дать волю своему гневу, подобно Христу, и изгнать из храма тех, кто непочтителен к священному месту. Толпы туристов отечественных и иностранных устремляются

в древние православные храмы в более чем сомнительных для святилища одеждах. И вслух комментируют произведения церковного искусства, которые они видят, не замечая ни табличек, призывающих соблюдать тишину, ни самого богослужения. Певчие праздничного хора на виду у всех переговариваются со смехом в перерывах между пением в то время, когда совершается вхождение Церкви во Святое святых. А в боковом приделе скачут, как на игровой площадке, дети, оставленные без присмотра «благочестивыми» родителями. В это время у входа в храм нетерпеливо и отсутствующе ждут очереди те, кто суеверно, «на всякий случай», принес своих детей на крестины. Мы не говорим уже о тех искренне верующих, которые всю жизнь ходят в церковь и до сих пор не знают важнейших моментов Божественной литургии. А тем более о тех, кто приходит в храм с черной целью — «подзарядиться энергией» или украсть икону.

Степени различны, а Бог долготерпелив и многомилостив. Но Он напоминает также, как опасно всякое неблагоговение. Из него постепенно создается атмосфера нечестия — так что, согласно Писанию, «человек беззакония» сможет сесть в храме, выдавая себя за Бога. Господь попустил быть очистительной буре 1917 года, разрушающей наши храмы, чтобы дать нам время на покаяние. Но как мало мы вразумились! О, если бы каждый

из нас мог сказать вслед за Господом: *Ревность по доме Твоем снедает Меня* (Ин. 2:17)!

Где нет благоговения к храму, там не может быть истинного отношения к Церкви Божией. Но храм, которым иудеи так гордились, — только каменный храм, построенный к тому же язычником, желавшим польстить этому надменному народу. «Разрушьте его, — говорит Господь (и это произойдет при императоре Тите в 70 году), — его значение относительно, ибо подлинный храм — тот, который Я восставлю в третий день». Даже ученики не поняли тогда слов Христа, потому что Он говорил о Своем теле, которое должно было воскреснуть в третий день.

Господь говорит, что истинный храм, достойный бесконечного почитания, — человечество Христа, которое стало ковчегом Его Божества. Он Сам — совершенное Святое святых, присутствие Божие среди людей. Слово стало плотью, и Его Тело — подлинное Святое святых храма. *Ибо в Нем обитает полнота Божества телесно* (Кол. 2:9).

Тело Христово, которое мы принимаем за Евхаристией и которое присутствует в дарохранительницах на престолах наших храмов, должно исполнять нас страхом Божиим и бесконечным благоговением. И наоборот, всякое неблагоговение или просто безразличие перед этой великой тайной должны вызывать в сердце христианина

святой гнев, несравненно более праведный, чем по отношению к нечестию в Иерусалимском храме.

Сделаем еще один шаг во святилище. Новый храм, достойный почитания, — не только человеческая природа Христа, но весь народ Божий, привитый к Нему и питаемый Божественной жизнью, исходящей от Него на всех членов Его мистического Тела. Вся Церковь, Тело Христово, — этот новый храм, каменные храмы Которого — только бледный образ. Она составлена из всех крещеных людей, ищущих жизни по воле Божией. Несмотря на несовершенства, грехи и немощи своих чад, Церковь есть пребывание Бога среди людей, знамение присутствия Его в мире. Она не создана святыми людьми, она создана, чтобы делать людей святыми. Потому что Создатель ее — Бог, Который становится одним из нас.

Радуясь тому чудесному, что совершает Церковь в мире, принесем покаяние пред Господом, позаботимся о нашем внутреннем очищении, чтобы быть на самом деле чадами ее. Даром Духа Святого увидим в ней Тело Христово, исполнимся любви к ней. Осознаем, что каждый христианин — храм Божий. Тело каждого крещеного ребенка — вместилище присутствия Христова. В каждом новокрещеном младенце рождается Христос. С каким благоговением должны бы наши дети, и мы вместе с ними, совершать восхождение к Богу, неся в своем теле живое присутствие воскресшего Христа,

принятое в Крещении и в Причастии! Придет день, когда наши тела, эти храмы Духа Святого, возвратятся в землю. Наступит время, когда земная Церковь с ее священством и таинствами перестанет существовать, исполнив свое предназначение. Не будет больше Божественной Евхаристии. Наш мир разрушится, и все самые великолепные храмы превратятся в ничто. Но во граде небесном и вечном останется один только Храм, Который есть Сам Бог. Мы будем введены в него как чада Божии, и наша жизнь будет бесконечным приобщением радости Святого святых.

Куда ведет дорога Илии

(Лк. 4:25; Мф. 17:3; Лк. 9:54; Мф. 27:49)

Пророка Божия Илию Церковь называет «пророков основанием». Но в эпоху пророка Илии не пришло еще время принять то, что будет явлено на горе Преображения, и то, что исходит от Креста Христова. *Не знаете, какого вы духа* (Лк. 9:55), — скажет Господь Иакову и Иоанну, которые на селение Самарию (древнего Царства Иероваама) будут призывать огонь с неба, чтобы он попалил их, как и Илия сделал это. В тот час апостолы не видели лика «другого Илии», который будет предтечей Второго Пришествия Христова. Они не знали тайны явления ему Бога на горе Хорив. Тайны

света Преображения, о котором Церковь поет: «Свете тихий святых славы», света «во откровение языков», уготованного для всех людей, жизни вечной, Пасхи Господней. В этом свете — пророчество о Святых Христовых Тайнах, о Евхаристии. Но подготовка к принятию этого дара требует всего человека. Не так, как после революции 1917 года: многие из тех, кто причащался Святых Христовых Таин, отверглись Господа и вместе с врагами Божиими крушили алтари. И не так, как сегодня, когда значительная часть из 70–80 процентов крещеных в нашей стране уготовляет худшее. «Коммунизм» — не последнее зло. Согласно учению Церкви, прежде чем наступит последняя жатва, должны созреть до конца не только пшеница, но и плевелы. Чтобы зло было уничтожено дыханием уст Христовых до конца. И это Его дыхание присутствует в Божественной Евхаристии. Для каждого именующего себя христианином подготовка к причастию — испытание и борьба. И потому — решительный, все определяющий выбор.

В Священном Писании, в Книге Царств, мы видим как бы два различных образа пророка Илии. Один — тот, кто одерживает над пророками Ваала потрясающую победу, и другой — тот, кто вскоре после этого желает умереть. Он один одолел всех врагов, а теперь он — в отчаянии. В пустыне, сидя в тени можжевелевого куста, он произносит слова, которые заставляют нас надолго задуматься:

я не лучше отцов моих (3 Цар. 19:4). Он размышляет о том поколении, которое исчезло в пустыне во время Исхода из-за своей неверности Богу. Он просит смерти себе: *Довольно уже, Господи, возьми душу мою...*

Царица Иезавель, у которой он истребил языческих пророков, поклялась отомстить ему и послала к нему вестника сказать об этом. Чтобы спасти свою жизнь, Илия отправляется в пустыню. На первый взгляд, его молитва — вопль человека, спасающегося бегством от угрозы смерти. Но при внимательном рассмотрении открывается большее. Не на финикиянку Иезавель жалуется Илия Богу, он обвиняет свой народ: «Оставили Твой Завет, пророков убили мечом, я остался один» (ср.: 3 Цар. 19:10, 15). Эта жалоба повторяется дважды в тех же самых словах. Бог отвечает ему обещанием, что Он оставит семь тысяч в Израиле, верных Ему. Речь идет не столько об опасности, угрожающей Илии, сколько о неудаче его служения. Это не может не удивлять нас, поскольку чудо, совершенное им на горе Кармил, возвратило израильтян, поклонявшихся языческому Ваалу, к истинной вере. Илия привел их ко Господу, насколько прочно их обращение?

Для нас очень важно осознать это состояние Илии, в котором он кажется совершенно другим, чем он был в дни явления своей великой силы. В жизни Моисея также были подобные испытания,

доходящие до желания умереть. Три века спустя Иеремия дойдет до того, что будет жалеть, что родился.

Илия не всемогущ: он умер бы без ворона и, очевидно, также без вдовы из Сарепты Сидонской. На этот раз Ангел, прикоснувшись к нему, будит его и предлагает ему пищу: «Встань, ешь». Илия ест, но не встает. Не то чтобы у него не было сил, скорее, к нему еще не вернулось желание жить. В Библии мы нередко встречаемся с таким: человек, не желающий жить, не желает больше есть. Однако неизвестно кем и как испеченные в пустыне лепешки делают свое дело. Видя, что пророк опять заснул, Ангел касается его во второй раз и говорит: *Встань, ешь*, — и чтобы убедить его, добавляет: — *ибо дальняя дорога пред тобою* (3 Цар. 19:7). Дорога? Какая дорога? Скоро мы узнаем об этом. А теперь видим только трудное утреннее пробуждение человека, который еще вчера при одном нашем взгляде на него заставлял нас думать о громах и молниях. «Встань!» — вот слово, которое каждый из нас всегда имеет возможность услышать повторенным более чем дважды.

Оттого что это повествование приближает Илию к нашему уровню, постараемся задуматься, каждый из нас, о себе, о своей жизни. Слишком дальней и долгой будет перед нами дорога, нам не осилить ее, если не придет Ангел наплатить нас,

если наше обращение к Церкви не будет глубоко искренним, определяющим всю нашу судьбу.

Святые отцы не устают объяснять, что означает этот ангельский хлеб. Благодать молитвы, слова Божия, таинств, Евхаристии прежде всего. Повторим еще раз: Евхаристии — прежде всего. Речь идет о потребности в помощи свыше, общей для всех людей. Она явлена по отношению к величайшему из пророков. Илия съедает свой хлеб и отправляется в путь. Мы не знаем еще, куда идет дорога Илии, но мы знаем, что она ведет к Богу. Да, но к какому Богу?

Ответ дается в другом видении. Илия вошел в пещеру и ночевал в ней. «Что ты делаешь здесь?» (см.: 3 Цар. 19:9) — сказал ему Бог. Великий пророк говорит в ответ о своей ревности о Господе Боге Саваофе, Боге Небесного воинства, о мириадах всегда послушных Ему Сил («Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат...»). Эта ревность его не принесла плода, *ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом* (и мы видим, что поистине пророчески был избран Илия одним из первых покровителей нашей Русской Церкви в самом начале ее пути). *Остался я один, — говорит Илия, — но и моей души ищут, чтобы отнять ее* (ст. 10). Так велика ненависть слуг диавола к Илии, так невыносимо для души пророка повсеместное торжество

зла — до полной невозможности жить среди него, так непоколебима его верность Господу и ревность о славе Его, что Господь соделает его пророком победы над смертью, когда он живым взойдет на небо на колеснице огненной. *Выйди, — говорит ему Бог, — и стань на горе пред лицом Господним* (3 Цар. 19:11). Пророк выходит из своего убежища и стоит, оглушенный большим сильным ветром, раздирающим горы и сокрушающим скалы. *Но не в ветре Господь*. Потом наступает землетрясение. Но Господа нет в нем. После землетрясения огонь, *но не в огне Господь*. И наконец — *веяние тихого ветра* (ст. 12). *Глас хлада тонка*, Божественное молчание и тишина, которую не слышит никто, кроме тех, кто любит Господа больше жизни. Перед этим Ангел кротко коснулся плеча пророка, а теперь голос кротости открывает ему, каков наш Бог. Жизнь человеческая проходит через бури и землетрясения, через огонь испытаний. Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие. Их цель — приведение нас к истинному Богу, потому что в глубине их всегда слышен голос Христов: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11:29). А в Евхаристии, когда предлагается нам Божественная пища, эти слова звучат по-другому: *Приимите, ядите, сие есть Тело Мое... пейте от нея вси, сия бо есть Кровь Моя Новаго Завета* (Мф. 26:26, 27–28).

Дар самого себя

Мы помним эту картину из Евангелия. Множество народа слушает Господа в храме. Чуть поодаль под красивыми колоннадами в игре света и тени проступают торжественные силуэты хозяев этой роскоши — первосвященников, старцев, книжников, исполненных сознанием своей значимости и достоинства. Их отношение к происходящему особенно отвратительно в этом месте, где каждый должен умалиться, чтобы воздать должное величию Божию. Господь обличает их и предостерегает всех от такой гордыни. Учителя, подобные этим, не могут помочь людям обрести подлинную веру. Лицемерие — норма их жизни, и следует остерегаться этого извращения. Слово Господа по отношению к книжникам предельно сурово. И в нем — полезное напоминание христианам: ни одна община верующих не застрахована от того, чтобы произвести сословие имени-тых, которые служат не Богу, а себе во имя Бога. Мы должны быть постоянно на страже, чтобы не превратить святейшую веру в карикатурную религию.

Книжники изображают из себя каких-то великих. Они ходят в длинных развевающихся одеждах, как князья, как судьи. Ходить в таких одеждах не грех, но любовь к хождению в таких одеждах обнаруживает их гордость. В то время как те, кто

служит Богу, должны иметь препоясанные чресла. Книжники изображают себя очень благочестивыми. Они подолгу молятся и заботятся о том, чтобы все знали, что они молятся. Они делают это напоказ, чтобы все видели, как они любят молиться.

На самом деле они любят *приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и возлжания на пиршествах* (Лк. 20:46). Что значит, при их полной внутренней пустоте, это уважение к ним со стороны тех, кто не знает, что они собой представляют? Они любят обогащаться. И поедают дома вдов. Но чтобы оградиться от подозрений в бесчестности, они надевают на себя личину благочестия. Чтобы никому в голову не пришло, что они хуже всех, они стараются выставить себя лучше всех. Пусть не скажет никто из нас, что молитвы, и тем более долгие молитвы, — это плохо, когда они приносятся искренне и в смирении. Но нечестие, имеющее вид благочестия, — двойное нечестие. И участь его вдвойне ужасна. *Сии... примут тягчайшее осуждение* (Мк. 12:40).

И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу (Мк. 12:41). Это жертва на храм и на дела милосердия. И в Церкви Христовой с самого начала, как читаем мы в книге Деяний, молитва и милостыня были неотделимы друг от друга. Хорошо, говорит апостол, каждому отлагать у себя и сберегать, сколько позволит ему состояние, чтобы при необходимости

быть готовым принести жертву благотворительности (см.: 1 Кор. 16, 2).

Взор Христов обращен на нас, когда мы подходим к церковной кружке. Господь замечает, как мы жертвуем на Церковь и на нужды бедных. Даем ли мы щедро или скупое, приносим мы это Господу или для того, чтобы нас похвалили другие?

Многие богатые клали много (Мк. 12:41). Приятно видеть богатых людей, исполненных щедрости. Хорошо, когда много таких людей и когда они кладут много. Кто богат, тот должен давать богато. Если Бог дает нам с избытком, Он ждет, что и мы будем давать с избытком. Хотя не всякое богатое приношение, согласно церковным канонам, может быть принято. Святитель Серапион, знаменитый проповедник XIII века, так говорил с сильными мира сего: «Вы — зверье ненасытное — пожираете вдов и сирот с тем, чтобы вам жить в вашей сытости звериной». Или как свидетельствует «Изма-рагд», рукопись XV века, об одном проповеднике: «...он не щадит богачей, зажигающих на всех светильниках храма свечи и думающих, что Господь призрит на их богатое приношение. Разве вы не слышите, — говорит он, — воздыхания вдов и сирот, всех угнетенных и униженных вами людей, из-за вас проливающих слезы? Их слезы потушат все свечи, которые ставите вы, и ваше стояние в храме будет в суд вам и в осуждение». Святитель Ефрем, епископ Новгородский, издает указ, чтобы

священники не принимали в дар храму пожертвований от тех, кто угнетает бедных, кто морит других голодом и томит наготовою.

Там, в Иерусалимском храме, была одна бедная вдова, которая, придя, положила две лепты — самые мелкие монеты. И Господь наш воздает ей высокую похвалу. *Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех* (Мк. 12:43). Господь оценивает это дороже, чем то, что все вместе взятые положили, чем то, что положили богатые, ибо *они все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое* (ст. 44). Многие, наверное, готовы остановить эту бедную вдову — зачем она отдает последнее другим, когда у самой ничего нет? Поистине, немного найдется таких, кто поймет ее, и тем более кто пожелает последовать ее примеру.

Богатые, пришедшие в храм, клали огромные суммы, но их дар был маленьким, осторожным. Они не рисковали ничем. Тем более своей жизнью! Опуская золотые монеты в сокровищницу, они не забывали заботливо подсчитать, сколько им остается на жизнь, — на хорошую жизнь. Но Господь говорит: *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8:35).

Не такой ли была другая бедная вдова — из Сарепты Сидонской, которая сказала: *Есть у меня*

горсть муки в кадке и немного масла в кувшине... пойду, и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем (3 Цар. 17:12). А потом принесла все, что у нее было, в дар пророку. Это дар, ведущий к смерти, дар всего что есть, дар самого себя. Вот о чем идет речь. Две вдовы, рискуя своей жизнью, дерзнули всецело довериться Богу. Первая была чудесно вознаграждена. Мука в кадке у нее не истощалась и масло в кувшине не убывало. Вторая также была вознаграждена не менее чудесно: она заслужила похвалу Самого Христа. Когда мы видим этих двух женщин, как не задуматься нам о том, что совершает Господь? Он тоже вольно отдает все, что есть у Него, всю Свою жизнь. *Никто не отнимает у Меня жизнь, но Я Сам отдаю ее* (ср.: Ин. 10:18), — говорит Он. В Евангелии от Марка эта встреча с бедной вдовой у сокровищницы — последнее событие в храме перед крестными страданиями Господа. Дар двух бедных вдов возвещает о даре Сына Божия.

Где наш излишек? Где необходимое нам для жизни? Таков вопрос сегодняшнего Евангелия — ибо перед лицом Божиим качество нашей жизни измеряется качеством наших даров. Дать лишнее — может быть, не дать ничего. Такой дар не производит впечатления на Бога. Но самый скромный дар становится значительным, когда мы отдаем необходимое для нас, то, без чего, может быть, мы не сможем выжить, когда мы отдаем часть себя

и всего себя. За Божественной литургией мы слышим, как Христос говорит: «Сие есть Тело Мое». Господь отдает Себя нам, предает Свою жизнь за нас. Мы причащаемся Тела и Крови Христовых — высшего дара на земле. Но готовы ли мы отдать свою жизнь Ему? Готовы ли мы отдать не излишек нашей жизни, но саму нашу жизнь?

Как нам возвратиться к Богу

Кто из нас не знает Евангелие об исцелении десяти прокаженных! *Не десять ли очистились? где же девять?* (Лк. 17:17) — вопрошает Господь. Не являемся ли мы теми девятью исцеленными, которые не возвратились воздать славу Богу? И хотя мы приходим в храм, чтобы участвовать в Евхаристии, то есть в таинстве благодарения, — где мы находимся на самом деле, насколько правдивы наши сердца? Господь ждет нас. Он скорбит, когда не видит, что мы возвращаемся к Нему. Для чего же мы здесь? И как нам возвратиться к Богу?

Диагноз нашей болезни известен — неблагодарность, тайное зло, от которого мы должны быть очищены: *От тайных моих очисти мя* (Пс. 18:13), как говорит псалом. Когда нам плохо, мы поступаем, как эти десять прокаженных. Мы взываем ко Господу: «Помилуй нас!» Мы пра-

вильно поступаем, но почему мы поступаем так? Потому что хотим получить избавление от скорби или болезни? А Сам Он нужен ли нам? Почему мы обращаемся к Нему? Наша неблагодарность объясняется тем, что мы удовлетворяемся полученным, оставаясь без Христа. А когда у нас все хорошо — редко, когда такое бывает, но все-таки бывает, — почему мы забываем Его? Наша неблагодарность, слишком привычная, это и есть наше забвение о Боге. Мы должны бы благодарить Его всякий раз, когда получаем какое-либо благо. Или мы не можем благодарить, пока не получим от Него дар благодати? Какие удивительные созвучия: благодать, благодарить и дарить благо! Апостол Павел часто напоминает: *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?* (1 Кор. 4:7). Почему мы ведем себя так, будто если все у нас хорошо, то это благодаря нам самим?

Бывает также, что мы так подавлены бременем тревог и забот, что нам просто в голову не приходит благодарить Бога. Нам надо пробиться сквозь эту внешнюю видимость, сквозь эту толщу неблагодарности и увидеть, что Бог никогда не оставляет нас. Даже если все у нас плохо и беды измучили нас, Бог и через них совершает наше новое рождение. И Дух Святой непрерывно ходатайствует за нас. Почему же мы забываем об этом? Нам мешает быть всегда благодарными Богу наше

беспокойство о том, что происходит с нами и вокруг нас, и неуверенность на всех уровнях в нашем будущем. Погружаясь в мимотекущую суету, мы забываем о подлинно настоящем. Том настоящим, которое не только обыденность сегодняшнего дня, а настоящее нашего Бога Отца, присутствующего с нами, дающего нам хлеб наш насущный каждый день.

Так как же нам возвратиться к Нему с благодарностью? Как избавиться от такой привычной инертности, как стать живыми людьми, всегда исполненными подлинного изумления перед дарами Божиими? Для этого нам надо, снова вспомним прекрасное слово преподобного Серафима Саровского, обрести решимость. Он говорит о жизни, смысле и целью которой является стяжание Духа Святого. Благодарение не приходит одно. Надо сильно возжелать этого дара благодати. И прежде всего необходимо научиться узнаванию того, что Бог дает. Во Христе Иисусе открывается нам чудо Отца Небесного и сила Духа Святого, всегда исполненные новизны. Эта новизна бесконечна, и нам никогда невозможно познать ее в достаточной мере. И мы тоже, несмотря на утомительную, как говорит Екклесиаст, повторность, остаемся всегда новыми. Если бы мы знали, как Бог чудесно одаряет нас, мы благодарили бы Его непрестанно. Господь наш благ, Он даром, ни за что дарит нам Свое благо, а мы ищем своей выгоды. Его мило-

сердие неисследимо, оно всегда предлагается нам. Надо, чтобы мы уподобились Ему даром Его благодати и всегда на новой глубине узнавали Его.

Господь дает нам образ. Всякий раз, когда Он молится, Он начинает с благодарения. Святые отцы говорят, что наша молитва становится подлинно христианской только тогда, когда Христос молится в нас. И значит, все заключается в том, чтобы мы жизнью своей давали Духу Святому действовать в нас. Он научит нас прежде всего благодарению — что бы с нами ни происходило и какими бы мы ни были. Возвратиться ко Христу — это и есть покаяние — значит совершить переход от принятия даров к узнаванию Того, Кто дал нам их. Мы знаем Его дары: в них узнаем мы Того, Кто дарит благо, Того, Кто един Благ. Того, Кто отдает Себя нам. Эту тайну знают родители, отдающие себя своим детям. Но если дети ограничатся подарками, которые получают, они, как говорится, начнут портиться. Во всех смыслах этого слова — так, как портятся плоды. И только когда их взор обращен к родителям, происходит подлинное узнавание ими полученного дара — в благодарении. Насколько бесконечно больше открывается эта радость там, где мы предстоим пред Отцом нашим Небесным! Он все дал нам и дает в Своем Единородном Сыне. Не будем испорченными, неблагодарными, себялюбивыми детьми, в то время как нам дается возможность непрестанно становиться

новорожденными чадами Отца нашего Небесного в Духе Святом.

Не забудем, что благодарение, действие благодати — именно действие, а не просто переживание нами возвышенных чувств. Когда наше сердце радостно устремляется к любящему нас, мы находим способы засвидетельствовать свою благодарность. В конце концов, смысл христианской жизни заключается в том, чтобы искать и находить эти возможности.

Есть еще одна замечательная подробность, которую Господь открывает нам в этом событии. Только самарянин, «иноплеменник сей», изумленный и потрясенный, возвращается ко Христу и падает ниц к ногам Его. Именно это делаем мы в центральный момент Евхаристии, когда все изменено и преображено, оттого что Отец Небесный дает Духа Своего Святого, и священник падает ниц перед престолом Божиим, и мы с ним. В нашей сердечной молитве мы можем жить этим моментом, сокровенно длящимся во времени. Надо, чтобы несколько раз в течение дня мы возвращались так ко Господу — падая ниц перед Ним, сознавая смиренно всем нашим существом, что мы земля и прах, из которых Он создал нас. В житии святителя Иоасафа Белгородского есть рассказ, как, объезжая свою епархию, он остановился в доме одного священника и не мог заснуть. Во время молитвы Господь показал ему, что на полке между цветочными

горшками находятся запасные Святые Дары, завернутые в бумажку. Со страхом и трепетом святитель перенес их на стол посреди комнаты, зажег перед ними свечу и, как перед престолом, всю ночь, преклонив колена, молился. Священник, допустивший такое небрежение к святыне, был запрещен в служении. А нам этот случай оставлен в напоминание о том, что значит Евхаристия и кому и как открывает Господь духовное зрение к узнаванию присутствия Божия. Молитва — это память сердца, а неблагодарность — небрежение к святыне и забвение. Память сердца дает нам услышать, как Господь говорит нам: *Встань, иди; вера твоя спасла тебя* (Лк. 17:19). Быть спасенным — это больше, чем быть исцеленным, больше, чем преходящее исцеление от какой угодно болезни. Если коснется нас благодать благодарения, мы не сможем молчать. Не столько словами, сколько тем, что мы есть, наша вера будет свидетельствовать о Благой Вести — о чуде, что каждый человек любим Богом и призван быть спасенным, не только исцеленным. Это будет наша Нечаянная Радость — есть чудотворная икона с таким именовани-ем, изображающая чудо покаянного и благодарного возвращения грешника к Богу. Этой радости Пресвятая, Преблагословенная, исполненная Христова смирения Божия Матерь приобщает нас в Своем гимне, который стал благодарением всей Церкви. Пусть каждый день, как в храме, звучит в нашем сердце

эта песнь Пресвятой Богородицы: *Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем* (Лк. 1:46–47). Чтобы Ее предстательством мы обрели способность без конца возвращаться к Богу, как бы ни поражала нас проказа греха. И через это благодарение возвещать всем, кто способен услышать, о ничем непобедимой Божией и нашей победе.

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

Литургия слова

Божественная литургия совершается в алтаре на престоле. Что такое престол? Первоначально это просто стол.

Стол имеет огромное значение в нашей повседневной жизни. Мы не говорим только о тех, кто живет, чтобы есть, а не ест, чтобы жить. Стол — это место, где может собираться большая семья, где создаются связи столь крепкие, что они превосходят всякое разделение и все разрушающее время.

За литургией Бог Своей чудесной волей присоединяется к людям и соединяет их друг с другом, предлагая на выбор самое лучшее — пищу Слова и Самого Себя.

Христос — Слово Божие. Первая пища — Слово Божие, первый дар, говорящий о втором.

«И будут все научены Словом Божиим». Первая часть литургии — литургия слова. Христос преподает нам Себя в Своем слове. Он присутствует в слове, которое возвещается в Церкви.

Только уста, вдохновленные Богом, могут возвещать человеку достойную мысль. Мы слышим слово апостолов в их Посланиях, говорящих о Боге и от Бога. Но прежде всего при чтении Евангелия Сын Божий, Слово, ставшее плотью, наставляет нас. Вот почему мы предворяем слышание его молитвой: «И о сподобитися нам слышанию Святаго Евангелия Господа Бога молим». И все, даже самые немощные, стараются встать и стоя слушать его — Благовестие Сына Божия, обращенное ко всей человеческой Божественной семье. Что может быть важнее для нас любви Божией, изливаемой в нем?

Это слово — всегда новое, всегда самое актуальное. Написанное более двух тысяч лет назад, оно как впервые услышанное волнует нас в нашем современном мире. Но это слово нам не принадлежит: оно требует, чтобы мы делились им с другими, как самым великим богатством. Как было бы замечательно, если бы каждый христианин мог сказать вслух то, что перевернуло его жизнь дыханием Духа в слове Писания! Дар, который он получил, принадлежит всей Церкви.

Но как поделиться этим даром с теми, кто его не получил? Как научиться мужеству открывать его другому с бесконечным доверием, но без всякого

прозелитизма? Мы призываемся к трапезе Слова и хотя бы несколько крошек должны воспринять от нее. Мы — словесные существа, и потому всякое осмысленное слово, как обычный хлеб, заключает в себе символ человеческого труда, все наше горе и радость. Что же тогда сказать о слове Писания?

Старыми словами Писания Бог говорит нам всегда новое. Бог пользуется старыми событиями и историями, чтобы сказать нам о нашем будущем. Если мы будем слушать Его, мы увидим, что побеждает наше противление Ему. Мы должны быть внимательны: если это слово не трогает нас, мы, вне всякого сомнения, не слушали его. Бог никогда не говорит, чтобы ничего не сказать. Это слово несравненно более проникновенное, чем самые лучшие на свете проповеди и стихи. Это слово, которое обращено лично к каждому из нас, если мы хотим поднестись от греха и от нашей подчиненности смерти.

Мы знаем, что невозможно постигнуть это слово обычным умом. Между бесконечностью Бога и «ничто» человека — бездна, которую один Бог может покрыть. Христос — единственный Первосвященник, единственный, Кто способен построить мост между Богом и человеком. Христос приглашает нас на Трапезу Своего Слова. Он не говорит пустых слов, и Его надо слушать. Это слово звучит, чтобы собрать всех рассеянных чад Божиих во едино. Потому еще раз повторим: о, если бы после каждой литургии мы могли всем ищущим истину

громко сказать то, что Дух Святой сокровенно передал нам Своим дыханием! Сколько тысяч людей трудились ради нас, ради совершения одной литургии! Если бы дано было узнать, что такое Евхаристия, мы бы умерли! (А без нее — умирают все.)

Литургия начинается с нашей встречи с Господом и слушания Его. На литургию ходят, чтобы обрести способность ответить на вопрос Спасителя: «Любишь ли Меня?» Как приступить к страшным Тайнам тому, кто не может ответить: «Господи, Ты все знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя»?

Великий вход

За каждой Божественной литургией во время великого входа поются заповеди блаженств. И первая из них — «блаженны нищие духом». Это путь всех святых. Потому, завершая великий вход с Евангелием, священник осеняет крестным знамением открытые царские врата и возглашает: «Благословен вход святых Твоих».

Во время совершения таинства мы стоим как поистине ничего не имеющие. Мы не сможем пройти через узкую дверь Царства Божия, не оставив наш багаж. Мы можем принять этот дар жизни, когда освободимся от ненужной тяжести. Благодать, предлагаемая нам, может быть принята только руками,

в которых нет ничего, только если мы поистине нищие. От беспросветного уныния мы можем перейти к радостному изумлению, узнавая, что *виноградник*, который был вверен нам, — не то и не это, даже не мы сами, а Он Сам — Господь наш Иисус Христос.

Наконец, — говорит Христос, — *послал он к ним своего сына* (Мф. 21:37). Христос знает, куда идет это «наконец», — до Его смерти, которая Его любовью уничтожит смерть. И Сам Он ничего не возьмет для Себя. Он отдаст все — и Свое дыхание, и Свою Кровь, и Свое Тело. То, что мы переживаем за Божественной литургией, — это дело Божие, Бога Отца, и Его Сына, и Святого Духа, Совершителя невозможного, и «сие есть дивно во очесех наших» (ср.: Пс. 117:23).

Предадим Ему радостно в нашей нищете старые камни, которыми мы являемся, чтобы стать новыми *живыми камнями, строящими из себя дом духовный, священство святое, приносящими духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом* (ср.: 1 Пет. 2:5).

Символ веры

Прежде чем вступить во Святое святых Божественной литургии, в Евхаристический канон, мы должны воспеть Символ веры. «Возлюбим друг друга,

да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

Некоторые непросвещенные верующие думают, что Бог — это одна Личность, и мы можем войти в общение с Ним. Но Бог не таков. На самом деле Лик Бога открывается нам в Трех Лицах. В Нем — тайна общения, дар любви — сама сущность жизни Пресвятой Троицы. Отец превечно сообщает Себя в полноте Сыну во всем, что имеет, так что Сын — Его совершенный Образ. И Дух Святой, от Отца исходящий, пребывает в полноте в Сыне. В той мере, в какой мы едины с Отцом и Сыном, мы причастны Божественной любви, которая изливается в сердцах наших Духом Святым.

Мы касаемся здесь глубин Троичной тайны. И эта тайна более всего освещает тайну человеческих отношений. Святые отцы говорят, что Церковь создана по образу Пресвятой Троицы, она — единое существо со множеством ипостасей. Это значит, что любовь как общение личностей определяет все в нашей жизни. В основании бытия — общение личностей. Некоторые говорят, что в основании бытия — материя, другие — что дух, третьи — что все вместе. Все они заблуждаются. Поистине, в основании бытия — общение. И это есть чудесное откровение, которому мы сугубым образом приобщаемся за Божественной Евхаристией. Невероятно, чтобы христиане — те,

кому открыта эта последняя тайна всего, те, кто одни только проникают взором Христовым в бездну сокрытой тайны, в которую все погружено, — не сознавали основополагающего значения благовестия, которое они призваны донести до других: в основании бытия — общение.

Когда в благодатном приобщении Святых Христовых Таин мы входим в глубины Божии, эта вечная тайна открывается нашему потрясенному взору. Она являет нам глубину всех вещей, о которой мы уже знаем, и эта глубина — сама любовь Пресвятой Троицы.

Бог — превечно любовь, и разумное творение, получившее жизнь по дару Его, — явление Троичной жизни. Оно также призвано войти в жизнь любви. И хотя можно говорить об этой тайне, человеческий язык и ум умолкают от прикосновения к ней. Но, опираясь всегда на Слово Божие, — этот твердый камень истины, дарованный Самим Богом, — предстоя перед Святой Евхаристией, мы можем нечто постигать в этой непостижимости в глубоком смирении, в той мере, в какой Дух Святой, Который один может ввести нас в Божественную жизнь, просвещает наш разум. Что выносим мы из храма после Божественной литургии? «Причастие» означает «приобщение». Приобщение тому общению любви, которое есть Бог. Тому общению любви, которое Бог через нас хочет передать всему миру.

Приношение «о всех и за вся»

Наше приношение Богу — то, что прежде всего определяет нашу духовную жизнь. Разве в каждом человеческом сердце нет потребности давать, и давать себя? Эта потребность несравненно глубже, чем то искание своего, которым отмечено отпадение человека от Бога. А для верующего сознания это должно стать уже как бы естественным. *Ибо все из Него, Им и к Нему* (Рим. 11:36). Приношение Богу означает приношение Ему всего, что у нас есть. И в этом смысл каждой Божественной литургии. Все — для Бога, все, даже когда нам нечего Ему отдать. Принесение всего творения, всего мира, всей нашей жизни. И принесение Христа, Сына Божия, — самого дорогого, что у нас есть. Каждая литургия — приношение Церковью Христа, и оно достигает самых высоких небес. Мы слишком малы, и все наши приношения скудны. Но Христос заступает место каждого из нас. Речь идет не о том, чтобы легко обрести этот свет, — только руку протяни. Он открывается у Креста Христова — в том страдании, которое является причиной страданий Божией Матерью и всех любящих Господа, в Его Кресте. Истинная жизнь может явиться в нас только этим крестным рождением.

«Твоя от Твоих Тебе приносяще, о всех и за вся». Христос говорит, что мы, христиане, ответственны

за всех людей, за весь мир, потому что Он — Второй Адам. В Нем человеческий род обретает новое начало. Он устанавливает связь между всеми поколениями, чтобы даром Духа Святого сделать их как бы нашими современниками, соединенными с нами одной и той же судьбой. Может быть, мы забыли, о каком причастии Господу идет речь? И, присутствуя на празднике, совершенно утратили свет праздника. Когда мы стоим с зажженными свечами на вселенской родительской субботе, или среди Пасхи Господней, или преклоняем колена в «протяженносложенных» молитвах в праздник Святой Троицы, мы просим о милости Господней не только к тем, кто нам близок, но и к тем, чьих имен мы не знаем, кто не оставил как будто в нашей жизни никакого следа.

Мы должны молиться о мире всего мира, о наших современниках, принимая их в таком состоянии, в каком они пребывают. О всех, за кого мы ответственны, кого посещаем в тюрьмах, в больницах, о всех умирающих, о всех скорбящих. О всех отчаявшихся, о всех приносимых сегодня в жертву новым идолам. И этого будет довольно для нас, чтобы очиститься от самих себя и представить наши души обнаженными пред Господом. Только так мы можем принести Ему нашу жизнь, чтобы Он заполнил ее Своею, чтобы наша жизнь стала сиянием Его жизни. В этом радость праздника и приношение, в котором мы принимаем

весь мир как сноп света и любви, возносимый ко Святой Троице руками Пречистой Божией Матери.

Разве это Божественная литургия, когда мы просто собираемся в храме, чтобы исполнить положенное, повторяя составленные другими людьми молитвы? Мы собираемся здесь с одним желанием — встретиться с Богом и собрать на эту встречу всех людей. Если не в этом смысл литургии, то для чего она? Никто не участвует в Трапезе Господней для себя — но для других. Мы в храме — ради других, потому что мы здесь — с другими. Только при этом условии можем мы встретиться со Христом. Потому что в противном случае мы ограничиваем Христа, мы хотим создать Его по нашей мерке и не можем соединиться с Ним. И именно потому, что мы не можем этого допустить, и потому, что Он явил такую любовь, наша ответственность за все — в самом сердце христианского призвания. Христианами становятся ради других, христиане — это те, кто ради всех. Чтобы говорить о собственном спасении, надо преодолеть собственную ограниченность, надо принять всех людей. Всю историю человеческую, все поколения, все лица, все сердца, все мысли — всё мы должны принести ко Господу. Таким должно быть приношение, достойное Христа.

Но верность истине Христовой и любви неотделимы друг от друга. Малейшее наше отступление от истины делает для нас невозможным

участие в литургии Христовой любви, изливающейся в сердца наши Духом Святым. На жертвеннике на дискосе представлено все святое человечество, и мы вынимаем частицы только за верных. Но всегда в нашей памяти будет свидетельство языческого жреца, приводимое преподобным Макарием Великим: «Когда вы приносите Бескровную Жертву, мы начинаем немного видеть лица друг друга». Даже для тех, кто служил бесам, начинает брезжить свет встречи друг с другом и с Богом благодаря приношению Церкви.

В этом — первая победа над смертью, первая победа над временем, собрание всех людей с нами, в нас, нами вокруг Трапезы Господней. И все будущее — здесь. Если мы сохраним эту верность истине, если мы войдем в дух этого общения, которое столь же огромно, как общение святых, и еще больше, — что-то произойдет, совершится решающее событие, которое может быть сокрыто от внешних глаз. Но чья-то земная жизнь благодатно завершится, чья-то скорбь будет утешена, чье-то одиночество посетит Господь, чье-то отчаяние обретет надежду, чьи-то немощи будут исцелены, чьи-то грехи очищены, чье-то неверие побеждено. Произойдет событие вселенского масштаба, историческое событие, значимость которого ведома одному Богу. Только это может нас интересовать. Только этот свет пришел Христос возжечь в глубине наших сердец, когда люди встречаются с Богом

и друг с другом. Чтобы обрести Христа, мы должны расширить наши сердца до Его служения, до пределов всего мира.

«Отче наш»

Молитва Господня «Отче наш» — завершение Божественной литургии. Прежде чем приступить к Святой Чаше, мы должны воспеть эти слова, в которых, как говорят святые отцы, заключено все Евангелие, все заповеди Христовы.

Как можем мы, грешные люди, дерзать называть нашего Творца, к Которому мы то и дело поворачиваемся спиной, Отцом? Ни по природе, ни по нашей жизни мы не являемся сынами и дочерями Бога. Только Господь Иисус Христос, Единородный Сын, может законно называть Бога Отцом. А мы можем делать то же самое, входить в те же отношения сыновства только в той мере, в какой мы одеваемся во Христа и живем Его жизнью. Мы становимся детьми Божиими только по дару Христа. И для нас сказать «Отче наш» значит вступить в Его сыновство. Никто из нас никогда не может сказать «Отче мой». Мы должны быть совершенно неотделимы от Христа, Он должен жить в нас. Он должен говорить «Отче наш» через нас.

Сказать «Отче наш» — значит вступить в общение с нашими братьями и сестрами, которые едины с нами в этом прекрасном слове «наш». Если мы исключаем ближнего из нашей жизни, не может быть для нас сыновства. Не может быть истинной связи с Богом в нашем отделении от Христа или друг от друга. Мы можем прийти к Нему, если мы любим нашего ближнего так, что он становится совершенно неотделимым от нас. Если мы любим Бога всем сердцем, всею мыслию и всею крепостию своею и ближнего своего, как себя, по заповеди Христа и во Христе. Если мы едины в родстве с Богом и всем святым человечеством. Только тогда можем мы произносить молитву «Отче наш» в реальном смысле, входить в Царство, где мы отвергаем всех ложных богов и радостно принимаем волю Господню. И это значит — жить Царством Небесным на земле, исполняя на деле заповеди Божии.

Прошения молитвы Господней — о всех наших нуждах: о прощении грехов, об избавлении от искушений и козней лукавого. А «хлеб наш насущный» — это прежде всего хлеб духовный, а не материальный, потому что мы ищем Бога, а не земных сокровищ. Это наша Евхаристия. Господь говорит, что Он знает наши нужды прежде нашего прошения. Но надо, чтобы мы глубоко осознали, что все, что мы имеем, — от Бога, по дару Христа. И что мы можем всецело положиться на Его

любовь. Мы предстоим пред Богом и предаем наши сердца Ему в изумлении и радости в ответ на Его жертвенную любовь к нам. *Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин. 6:53). Когда мы причащаемся, Сам Христос преподает нам Святую Чашу и, преломив хлеб, раздает его, чтобы каждому дать его часть. Не питаясь Евхаристией, не принося плода Евхаристии, — иначе говоря, не уподобляясь Христу с Его духом Сыновства, с Его преданием Своей жизни Отцу, с Его нищетой, с Его независимостью от всех обстоятельств, с Его внутренней свободой, — мы не будем иметь в себе жизни. Мы должны так причащаться Тела и Крови Христовых и так жить после причастия, чтобы не препятствовать Его жизни, Его смерти, Его воскресению действовать в нас. Все остальное, всякий другой хлеб, даже манна, имеет своим плодом смерть и завершается смертью. Но кто будет есть от этого хлеба, будет жить вечно.

Человеку вверена его судьба. Он осуществляет ее или терпит поражение в зависимости от того, сообразует ли он со Христом свою жизнь или нет. «Святая святым», — возглашает Церковь. «Кто не свят, да не приступает», — говорит святой Кирилл Иерусалимский. «Един свят, Един Господь Иисус Христос», — отвечаем мы. Мы делаемся достойными принятия Божественных Таин только потому, что Христос заступает наше место. Причащаясь,

мы становимся единокровными Сыну Божию, детьми Отца Небесного.

Заамвонная молитва

В Церкви Евхаристию называют Святыми Дарами. В конце Божественной литургии на заамвонной молитве мы слышим слова священника о том, что это — «дар совершен, сходяй от Отца светов». Поистине, в Евхаристии выражен в полноте смысл всякого дара, но и всякий дар должен иметь смысл. Возьмите, например, дар евангельской вдовы в храме. Почему она больше всех положила, в то время как стоимость ее дара меньше всех, почти ничто?

Именно потому, что его материальная составляющая исчезает до такой степени, что остается только дар и тот, кто его приносит. Давая столь немного, вдова как бы совершает, выражаясь богословским языком, истощание себя, ибо она дает не то, что имеет, но, как сказано неожиданно в Евангелии, *от скудости своей* (Мк. 12:44). И это ничтожное приношение не препятствует раскрытию дара дающего, а, наоборот, раскрывает его. Чем больше дар освобождается от своей внешней значимости, доходя до минимума, тем больше дающий приобщается избыточествующему свету Дара. Таким

образом, вдова, дающая *от скудости своей*, приносит чистый дар. Она является той, кто дарит, и никакой самый великий или самый ничтожный дар не может скрыть это. То же самое происходит в Евхаристии: дар умалается до самых обыкновенных вещей, хлеба и вина, так что его материальное содержание почти исчезает — до прозрачности, являющей Дающего, Христа, Который в Своем Божественном истощании являет Подателя всего — Бога Отца.

Реальное присутствие Бога в Евхаристии как бы упраздняет вещество дара, потому что Дающий прелагает его в Себя, в Свое Пречистое Тело и Кровь. Так Евхаристическим даром совершается наше приобщение Отцу через Сына в Духе Святом. Вспомним еще раз заамвонную молитву: *Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов* (Иак. 1:17), — говорит апостол Иаков. Это не означает, что Евхаристия — один из даров Божиих, но что ни один дар не может быть истинным даром, если он не нисходит свыше, от Самого Бога. Совершенство его возвращения к Богу делает совершенным для нас принятое от Него.

Во всех случаях признание или непризнание дара за дар зависит от способности нашего взгляда видеть — в прозрачности дара — Дающего, от Которого он нисходит. Узнавшему истинный дар в Евхаристии открывается истинная цена всего,

что есть в мире. Вот почему апостол Павел со святой гордостью пишет: *Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне* (1 Кор. 4:11–13). И святые отцы свидетельствуют о всех узнавших тайну дара и умаливших себя ради Господа: «Кто умалил их, если не любовь». Поистине Своим умалением Христос «возлюбил сущих с Ним до конца» (ср.: Ин. 13:1). И продолжает так любить в таинстве Евхаристии, до отдачи Своего Тела и Своей Крови как нашей пищи и питья. Мы призваны донести тайну дара всем людям. Но если внутри слушающих нас нет Учащего, напрасны все наши слова.

Как можно выразить таинство любви, таинство тайны веры, Евхаристию? Слишком беден наш язык, чтобы говорить об этом непостижимом уничтожении Господа. *Какие странные слова! кто может это слушать?* (Ин. 6:60), — говорят ученики Христовы. Господь сказал им: *Это ли соблазняет вас?* (ст. 61). И с этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним (ст. 66). Как актуальны сегодня эти слова! Потому что мир теряет понятие дара.

Хотя известно, что человечество не может существовать, если между людьми нет взаимности, цемнтируемой законом дара. Мир существует, пока

мы имеем желание отдавать себя друг другу. Все соглашаются: да, без дара невозможно никакое подлинное общение. Но все чаще можно слышать: дар не имеет отношения к нравственности или религии. Его содержание — только политическое или прагматическое: ты — мне, я — тебе. Но Христос говорит: *Блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20:35). С утратой тайны дара начинается путь упразднения высшего добра — способности к самоотдаче высшим злом — эгоистическим самоутверждением. Полное игнорирование природы человека, вытеснение любви циничным расчетом. Без вольного дара себя ближнему человек начинает задыхаться, происходит по существу остановка жизни. Вот что прежде всего Церковь должна донести до сознания мира.

Жизнь — это дар. И только идя путем постижения тайны дара, можно обрести способность принять то, что принес на землю Христос. В Евхаристии Он отдает Себя, Он предлагает нам Свое Тело и Кровь, всю Свою жизнь — Превечного Сына Божия, данного Отцом в Духе Святом. Здесь полнота Божественного дара Пресвятой Троицы, которому мы приобщаемся в Евхаристии.

Самое главное, что мы должны понять и передать другим: человек осуществляет свое призвание, когда в нем есть способность приобщения дару. И сокровенность. Подлинный дар всегда сокровенен, и путь веры совершается в сокровенности. Вот почему нет ничего на свете дороже веры.

На Кресте только Божество Христа было сокрыто, человеческое же естество было видимо и ощутимо. А в Евхаристии и человечество Христа сокрыто под видом хлеба и вина. Этот дар предлагается нам, чтобы мы могли стать причастниками Божества, Которого никакое творение не может познать, идя своими путями: *Бога не видел никто никогда* (Ин. 1:18). Это значит, что требуется всецелая вера в тайну дара, в Святые Дары, в таинство *пути, истины и жизни* (ср.: Ин. 14:6). *Ибо не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2:9).

Нигде так не раскрываются для нас Божественные пути, как в тайне Евхаристии, именуемой Святыми Дарами, тайной веры. Любовь всегда бедна. Она ничего не имеет, потому что все отдает, и ей все принадлежит. Нигде Христос не просит до такой степени нашей любви и нашей веры, как в этом таинстве любви, совершенного дара.

Литургия святителя Василия Великого

Святитель Василий Великий — человек царского достоинства. Его имя означает «царственный», и он действительно приобщился Царству Христову, всему величию, всей мудрости и всему смирению нашего Господа.

Литургия святителя Василия Великого занимает особое место в жизни Церкви. Мы знаем, что она служится только десять раз в году: в день памяти святителя, в дни, когда празднуется Рождество Христово, Крещение Господне, и в воскресные дни Великого поста. Только очистив свои умы и сердца покаянием, мы становимся способными воспринимать то, что Господь открывает нам.

Тайные молитвы, которые читает священник за литургией, не произносятся вслух. Но дыхание Божественной жизни особым образом ощутимо для всех верующих, когда служится литургия святителя Василия Великого. Более продолжительное пение за этой литургией соответствует «протяженно-сложенным» молитвам.

За этой литургией всегда молится вместе с нами святой Василий Великий, и вся Церковь небесная и земная молится его словами о том, чтобы Господь сподобил нас милости приблизиться к Нему и Его Царству. Чтобы Он сподобил нас принести Ему эту Божественную литургию, подобно дарам Авеля, жертве Ноя, всеплодию Авраама, священству Моисея и Аарона и мирным жертвам Самуила. И чтобы, подобно апостолам, участникам первой литургии, совершенной Господом, мы приобщились этой тайне. И все человечество, которое обращено лицом к Богу, было причастно ей. И перед Евхаристическим канонам — сердцем Божественной литургии — священник молится,

чтобы когда Дух Святой сходит на принесенные нами хлеб и вино, мы сподобились быть свидетелями этого чуда. Чтобы, освятив Дары, Он показал нам их (буквально это слово «показал» употребляется в молитве). И мы действительно могли увидеть, что это уже не хлеб и вино, а Тело и Кровь Христовы.

После пресуществления Святых Даров мы слышим прославление Божией Матери: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельский собор и человеческий род». Среди нас присутствует Христос. Там, где мы стоим, — Бог Живой. Рядом с нами, на престоле, — Тот Самый, Который лежал в яслях Вифлеема, Тот Самый, Который принял обрезание, Тот Самый, Который был распят и воскрес, вознесся на небеса и воссел одесную Бога и Отца и через Которого мы получили дары Святого Духа в Пятидесятницу. Все это присутствует в Церкви, и каждый из нас может получить от Господа, что он хочет. Нет того, что мы могли бы не получить в этот час. И вся Церковь молится, когда священник произносит молитву, прославляя тайну Воплощения Божия, чтобы Господь помянул прежде всего Свою Святую Соборную и Апостольскую Церковь, которую Он ведет от конец до конец вселенной, то есть от начала мира до сегодняшнего дня, так что все человечество, все живые люди участвуют в этой тайне. Чтобы Честною Своею Кровию Христос просветил Свою Церковь и дал

ей разумение истины. И чтобы храм, в котором мы молимся, утвердил даже до скончания века, до Второго Своего Пришествия.

Мы молимся перед Богом живым о том, чтобы Он помянул тех, кто дары сии Ему принес, и тех, кто во всех Божиих храмах совершает в этот день Божественную литургию. И прежде всего — о том, чтобы Господь помянул всех, кого святитель называет убогими, то есть тех, кто сознает свою бедность и нищету. Бедность — потому, что нет Бога в их жизни.

Мы молимся о тех, кто предпочел земным делам стояние здесь, в храме. Даруй им, Господи, «вместо земных — небесная» за то время, которое они стояли сегодня в храме, «вместо временных — вечная, вместо тленных — нетленная». Молимся о всех, кто совершает, подобно древним святым, особенный подвиг спасения — «в пустынях и горах, и вертепах и пропастях земных» (может быть, есть еще и до сего дня такие люди, которые участвуют с нами в этом стоянии перед Богом). И особенно поминает Церковь в этот момент тех, кто в девстве и кто хранит благоговение и чистое жителство, потому что в наши развращенные времена эти добродетели, по слову преподобного Серафима Саровского, как никогда обретают достоинство перед Богом.

Мы молимся о всем, что совершается в нашей земной жизни. О властях и воинстве и о том,

чтобы Господь всем людям дал глубокий и неотъемлемый мир. Чтобы благия — тех, которые избрали путь добра, — Он сохранил в этом добре, а тех, которые лукавы и не могут всецело обратиться к Богу, Господь благодатью Своей обратил к вере. И мы молимся о тех, которые не смогли прийти на литургию «ради благословных вин», чтобы Господь помиловал их и нас по велицей Своей милости. Чтобы все, чего хочет человек, все, что может он вместить в сокровищницах своих, было дано ему от Бога. «Супружества в мире и единомыслии соблюди, младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушныя утеши, расточенныя собери». Тех, кто беснуется сегодня и унижается духами нечистыми, свободи. Всем помощи: «плавающим сплавай, путешествующим сшествуй», и особенно вдовицам предстани и сирых защити, ибо в этом заключается наше участие в тайне благочестия. «Плененныя избави, недугующия исцели» и тех, кто в заточениях, в горьких работах и во всякой скорби, и нужде, и обстоянии, помяни, Боже. Всех, требующих великого Твоего благоутробия: «и любящих нас, и ненавидящих, и заповедавших нам, недостойным, молиться о них», и вся люди Твоя помяни, Господи Боже наш, и на всех излей богатую Твою милость, все подавая им необходимое ко спасению. И тех, кого мы не помянули неведением, или забвением, или множеством имен, Сам помяни, Боже, знающий

каждого возраст и имя, каждого от утробы матери его. Ни один человек, живущий на земле, да не будет забыт. Святая Церковь молится о граде, в котором мы живем, и о стране, чтобы Господь избавил их от глада и губительства — телесного и духовного. Все обнимает Церковь, когда она в Духе Святом предстоит перед Господом, и невозможно отделить ничего и выбросить хотя бы одно слово из этого молитвенного стояния.

Именно такое служение литургии было у святого Василия Великого. Когда перед образом Божией Матери и иконой святого великомученика Меркурия Кесарийского он молился о спасении Церкви и о гонящих ее, то изображение великомученика на иконе на какое-то мгновение исчезло и потом снова появилось, но уже с окровавленным копием. В этот самый момент император Юлиан Отступник, гонитель Церкви Христовой, находившийся на войне с персами, был поражен копием, и суд о Церкви Промыслом Божиим, заступничеством святителя Василия Великого был изменен на милость.

Так молился и так участвовал в жизни других людей святитель Василий Великий, что человека, отрекшегося от Бога, мог возвратить ко Христу и обратить к глубокому покаянию. Известно, как одна знатная женщина, имевшая множество прегрешений (особенно блудных), страшилась исповедать их кому бы то ни было и, написав свои

грехи в свитке, подала его запечатанным святому Василию Великому. Он всю ночь молился, чтобы Господь простил ее, а утром возвратил свиток нераспечатанным. И когда она раскрыла его, то увидела там изглаженными все грехи, кроме одного, самого страшного. Тогда святитель Василий сказал, что есть только один человек, который может помочь ей, это преподобный Ефрем Сирин, и благословил женщине идти к нему в пустыню. Но преподобный, глубоко почитавший Василия Великого, ответил, что разрешить ее от смертного греха может только сам святитель. Она вернулась обратно, но в городе ее встретила погребальная процессия с телом святителя Василия Великого. С рыданием бросилась женщина ко гробу и положила на него свиток, а когда один из священников, желая узнать, что было в свитке, развернул его, то увидел чистый лист.

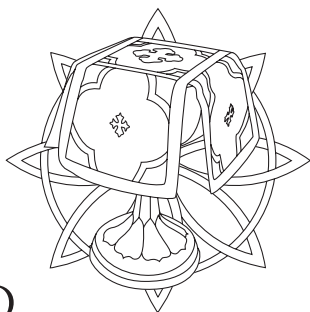
Смерть Василия Великого — это действительно соединение с Господом и отдавание своей жизни за другого человека. Так же было с врачом святителя Василия, иудеем Иосифом, который, видя его на смертном одре, сказал, что он должен приготовиться к исходу, потому что не доживет и до утра. «Если этого не произойдет, — добавил врач, — то я уверую, что Христос — Бог, и приму крещение». И святой Василий Великий, чаявший часа исхода, потому что смерть была для него воистину приобретением, умолил Господа, чтобы Он продлил

ему жизнь ради этого человека. А утром встал, совершил таинство Крещения над иудеем Иосифом, отслужил Божественную литургию, причастил новокрещеного, преподал ему наставление и отошел ко Господу.

Вот эта жизнь, это служение, эта Божественная литургия, это богословие святителя Василия Великого. Он говорит нам о тайне творения мира и человека, о тайне Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, Которым приобщается человек в своей жизни и смерти.

Дай Господи нам всякий раз, когда по неизреченной милости Его мы узнаем, как близок Он к нам, принять этот дар жизни не в суд или во осуждение, но во оправдание и «во освящение души же и тела». Дар жизни земной, дар жизни вечной, дар Божественной литургии, которую мы, увы, до сих пор не имеем сил принять так, как открывает нам Церковь Христова.

ЕВХАРИСТИЯ И СВЯЩЕНСТВО

Таинственная жизнь Церкви

Божественная литургия не может совершаться без священника. На Тайной Вечере Христос — Священник. Он — Священник, но прежде всего Он — Сын Божий. И мы становимся Его причастниками таинственным приобщением этой тайне Сына Божия. Как священники, мы только Его орудия, а Он в Таинстве — Тот, Кто от начала Сущий. Это Таинство будет совершаться на земле до скончания века, и кто знает, какое место займет оно после обновления мира. Так необходимо для Церкви ясное христианское сознание, в особенности там, где речь идет о Святое святых. Не без причины мы повторяем слова святого Иринея Лионского: «Наше учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия, в свою очередь, подтверждает

наше учение». Однако созываемые в последнее время и, безусловно, необходимые богословские конференции, посвященные Евхаристии, и споры о том, как часто надо причащаться Святых Христовых Таин, следовало бы увидеть прежде всего в ином аспекте.

Сегодня мы переживаем тревожные дни. И даже внутри Церкви (не только католической и протестантской) появляются люди, которые подвергают сомнению присутствие Бога живого на престоле. А посмотрите, что делается в так называемой ПЦУ на Украине, где Евхаристию совершают запрещенные в служении епископы и священники! Судя по поддержке раскольников иными православными Поместными Церквями, это злокачественное образование может дать метастазы по всему церковному телу. Разве мы не помним пророчество апостола Павла о том, что «человек беззакония» сядет в храме, *выдавая себя за Бога* (1 Фес. 2:4)? «В каком это смысле “в храме”?» — спрашивает святитель Феофан Затворник и отвечает: «В самом буквальном. Все внешние установления будут соблюдены (в том числе как будто и совершение Евхаристии, добавим мы), а внутри — полная пустота». Самая главная опасность, предупреждает Господь, — когда соль теряет свою силу. Она не годится ни на что, кроме как быть выброшенной вон на поппание людям (см.: Мф. 5:13).

Евхаристия — это соль: где нет благодати, она теряет свою соленость. И чем *сделаешь ее соленую?* (ст. 13). Мы становимся свидетелями, как на наших глазах подвергают сомнению то, чем живет Церковь в течение двух тысяч лет. Святое Евангелие говорит об этой тайне предельно ясно, и все святые передают через века это свидетельство присутствия Господа в Причастии, которым Он обновляет жизнь.

Смысл нашей веры в том, что мы должны прежде всего попытаться осуществить наше призвание. Мы должны войти в тайну того, что произошло на Тайной Вечере Господней. Там не были произнесены слова «таинственная жизнь Церкви», но этой жизни тогда было положено основание, и она была пережита в почти наивной простоте высокой святости. В такой простоте мы должны молиться за Божественной литургией. («На молитве будь, как муравей лепечущий, ничего не знающий», — говорит преподобный Ефрем Сирин.) И причащаться с желанием и решимостью обновления нашей жизни, без лишних размышлений — с полным доверием Господу. У нас будет достаточно времени для этого. Одно мгновение реальной таинственной жизни стоит более тысячи лет книжного ее изучения, более тысячи лет чисто человеческих размышлений. Разумеется, в момент Евхаристического приношения необходимо иметь в душе и в сознании ясную и точную

богословскую формулу, заключающую в себе все, что мы знаем об этом таинстве, — таком, каким оно дошло до нас.

Превечным Словом сотворены небо и земля и все существующее. Однажды сотворенное, человеческое слово творит невероятные вещи. Оно творит дружбу, которую нельзя потрогать, оно оказывает влияние на души, преображает их, и это тоже нельзя потрогать. Оно творит победу над грехом или ненависть. Одно простое слово, как будто о самом незначительном, может утешить нас или вывести из себя, и даже нарушить нравственное равновесие целого народа. Таково человеческое слово, соединенное с тем, кто действует согласно ему. А Превечное Слово, создавшее все, в одно мгновение творит на земле начало вечности. Перед нами хлеб и вино, а Церковь поет: «Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите». Мы принимаем его и обновляемся. Если мы принимаем его и если понимаем, что это воистину Тело Христово, тогда еще одно, самое важное для спасения знание открывается нам: Христос принес Себя в жертву за всех перед самым Крестом. Установление Таинства Евхаристии предшествовало Его Кресту. *Сие есть тело Мое, которое за вас предается* (Лк. 22:19), — говорит Он, и крестное приношение совершается в Сионской горнице прежде Креста Голгофы. Оно содержит в себе не только знамение, но ре-

альность приношения во оставление наших грехов. То, что мы принимаем в последний час, если сподобляет нас этого Господь, — не просто предсмертное причащение, поддержка умирающему, это семя вечной жизни нового человека, который понесет с собой к Престолу Божию приношение искупления.

Кто присутствует за Божественной литургией? Все причастники — обыкновенные люди, со всеми их грехами, с духом, всегда колеблющимся, полным суетных желаний и нелепых слов, и мы, священники, — более грешные, чем все, потому что мы недостойны совершать великое Таинство на этом престоле, будь он деревянный или золотой. Все мы можем приобщаться по бесконечному Христову милосердию этому вечному приношению, которое оно содержит. «Сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя» — это слово Бога Творца, Который говорит: «приидите, ядите» и «пейте от нея вси».

Как можем мы стоять — одни в алтаре перед престолом, другие в храме — и внимать этим словам без трепета? Задумайтесь на мгновение, что это значит. Если вы не веруете — вы должны выйти отсюда. Если вы веруете, вы должны пасть на землю. Херувимы лица свои закрывают, а мы спокойны, как будто ничего не случилось, и после причастия выходим из храма, надежно и бережно храня в себе чисто человеческие желания.

Непостижимо милосердие Божие! Для чего мне продолжать как ни в чем не бывало свои книжные исследования? К чему мне знать все о Боге с очень отдаленной приблизительностью и не знать Бога? Не делаться способным до конца жизни идти на коленях к Нему, даже если это вызывает смех у других? (Есть такой, чисто внешний, обычай в народном греческом благочестии, когда в знак сугубого покаяния издалека идет на коленях к храму.)

Сегодня мы должны обновить не наши идеи, а нашу жизнь — во всей ее глубине и полноте, чтобы иметь в себе Христа. Чтобы уже не мы жили, а Христос — в нас (см.: Гал. 2:20). Об этом мы должны непрестанно размышлять и молиться. Нам надо оставить все, что не дает этому семени вечной жизни проникнуть в нас, все, что является только словами, только кажущейся новизной, и войти в самую тайну Божественной литургии. Все оставить и исполниться решимости, ибо жизнь коротка. Что такое семьдесят или восемьдесят лет, как напоминает нам псалом (см.: Пс. 89:10)? Исполниться решимости, когда касается сердца благодать, просить у Бога дара исполнять Его волю и поклоняться Святым Таинам всей своей жизнью, принести себя в ответ Его приношению, без какой-либо торговли, и сказать: *Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения прииму и имя Господне призову* (Пс. 115:3–4).

Не дай мне, Господи, далее быть священником, если мое служение — не ради Твоей славы. Не дай мне профанировать Твою святыню и продолжать жить на земле, если я более не в состоянии сделать к Тебе ни одного шага.

Принесем Богу нашу жизнь, чтобы не быть нам мертвыми символами, но чтобы быть реальными священниками, монахами, христианами, все посвящая этому желанию. Пусть проходит через наши души эта Литургия, проходящая через всю землю из Сионской горницы, — этот луч вечной любви, сжигающий, как соломой, нашего ветхого человека, все наши маленькие желания, наши мелкие мнения и сомнения, в то время как речь идет о Доме Божием, о небе, о звездах, о Самом Боге. И преграда всегда одна — себялюбие, самоуслаждение, отвержение истинного общения.

Будем просить у Бога дар возвыситься над всем этим, чтобы мы могли, как апостолы, собравшиеся за Трапезой Господней, возлюбить друг друга в совершенной чистоте. Не просто терпеть друг друга, не только по долгу хранить внешнюю чистоту, но, как Ангелы, сослужащие нам, как апостолы, как все святые, приобщаться бесконечной чистоте. Будем так участвовать в Божественной литургии, чтобы в конце ее и в час исхода нашего из этой жизни мы могли не одними устами воскликнуть: «С миром изыдем» — «О имени Господни».

Кто может произносить эти слова

Очень трудно произносить слово в такой день, и особенно для священника. Если бы можно было понять хотя бы на минуту, что совершается на Тайной Вечере, невозможно было бы жить. Однако на самом деле невозможно жить без приобщения этой тайне. Если бы нам вдруг сказали, что земной шар, на котором мы живем, пронизан насквозь фантастическим лучом, исходящим из космоса, пересекает центр земли, исходит из другого ее края и уходит в космос, этот естественный физический образ заставил бы нас трепетать. Но святые отцы говорят о другом свете, бесконечно превосходящем всякий видимый свет. Вот почему в момент пресуществления хлеба и вина в пречистое Тело и Кровь Христовы мы не можем найти человеческих слов, чтобы выразить происходящее.

Да, благодаря Святым Христовым Таинам этот день можно назвать праздником установления священства. И священники могут всегда получить особую радость и углубление веры в этом даре. Потому что их служение — в приобщении священству Христа. Но исключительный дар Божий всегда зависит от сознания абсолютного недостойнства совершать это таинство.

Христос — Священник, но Он прежде всего Сын Божий. И мы участвуем таинственным

усыновлением в тайне Сына Божия. Как священники, мы — орудия, а Он — в Таинстве, Он — от начала Сущий. Он Тот, Кто Есть до скончания времен, и мы не знаем, какое место будет занимать это Таинство после восстановления мира.

Сегодня мы переживаем тревожные дни, и присутствие Христа на престолах наших алтарей многими ставится под сомнение. В Церкви появляются люди, которые сомневаются в том, что было совершено две тысячи лет назад. Святость Хлеба они хотят экспериментально исследовать, как и святость Христа, апостолов, евангелистов и святых, свидетельствующих из века в век о присутствии Господа в таинственном Теле, через которое Он обновляет жизнь. И человек — обычный, средний, как большинство людей, даже если он крещеный, — нередко печальное явление, от которого надо плакать. Он лишает себя святости, потому что не видит ее: то, что выше нас, то, о чем не говорят (или почти не говорят) гении, выдающиеся люди, великие ученые и поэты, главы государств. А большинство людей — увы, даже крещеных — так или иначе зависимы от их суждений. Более того, у католиков и протестантов, пытающихся как никогда оказать свое влияние на православие, возрастает число профессоров богословия и священников, которые спорят и сомневаются.

Кого-то может смущать и то, что иные яркие гении науки, такие как, например, Ньютон,

являясь убежденно верующими людьми (тем самым утверждая победу веры), оказываются в числе людей, от которых сокрыта тайна Евхаристии. Они прославляют святых, которые представляют малую часть человечества, но сомневаются в присутствии Господа в святом Таинстве.

Сегодня мы должны узнать, что Господь хочет нам сказать. Мы приглашаемся войти в тайну, через которую проходит Господь. Он не только говорит о том, что есть вечная жизнь, но являет ее. И истина, предельно простая, почти наивная для многих, — что есть святость — открывается нам. Сегодня нам дано быть участниками литургии и принести жертву обновления, а не просто молитвенно предстоять пред Господом.

Это праздник, единый со всеми праздника-ми Церкви, и они все — не просто воспоминания, а то, что реально происходит сейчас. Это не просто воспоминание, а наше участие в том, что Христос совершил накануне Своих крестных страданий. И Церковь будет участвовать в этом до конца мира, когда явится перед всеми Крест Христов.

Здесь тайна нашего спасения в вечной духовной реальности. Христос умер на Кресте в три часа в Великую Пятницу. В этот час пасхальные агнцы приносились в жертву в Иерусалимском храме.

После смерти Христа прекратилось Его земное присутствие в смертной плоти. Для Бога вре-

мени не существует, нет понятий «до» и «после». Это «до» и «после» существует для нас, пребывающих во времени. Вечер Великого Четверга для ветхозаветной Церкви был уже пятницей. В это время на Тайной Вечере было пресуществление Тела и Крови Христовых, которое зримо должно осуществиться завтра. Это таинство — как и таинство Креста Христова — было уготовано еще до того, как человечество получило от Бога в дар Священное Писание.

Но слово должно быть единым с действием. Ибо Словом Бог все сотворил, Словом Бог вдохновил слово человеческое и о Христе и словом воссоздал это тело и эту пролитую кровь, и оно воплотилось во чреве Богородицы через слово Архангела. И слово, которое каждый день претворяет хлеб в Тело Христово, исходит от Превечного Творческого Слова. Таинство алтаря — вечное повторение, по образу Божию. Бог создал Адама, и мы приобщаемся его бытию до обновления человеческого рода, до обновления мира. Это обновление достигается Христом, совершившим его, и оно остается до конца времен через все века, через Церковь (через ее священство), устремляясь к этому новому роду, к тому присутствию Христа, которое всегда есть, потому что Он Сущий, Тот, Кто Есть.

Святые Тайны для любящих Бога по мере приближения Второго Пришествия Христова

становятся все более страшными, все более значительными, потому что мы причащаемся не просто жертвенному хлебу и вину, но всей Жертве и всему страданию Христову. И всей Его превечной славе.

«Приимите, ядите, сие есть Тело Мое... и сия есть Кровь Моя». Пусть запечатлевается в нас, что это — слова самые страшные и непостижимые, сказанные на земле от создания мира до его конца. Христос, превечно рожденный от Бога, Слово, ставшее плотью через Ангельское благовестие, и Христос в евангельском просвещении мира — Тот же Самый и в Евхаристии, возносимой руками священника.

Кто может совершать литургию

Во время Херувимской песни священник, сознавая свое абсолютное недостойнство, молится, чтобы Господь не отвратил лица Своего от него, но сподобил его, грешного и недостойного, совершить приношение Святых Даров. «Ты бо еси Приносяй и Приносимый, и Приемляй и Раздаваемый, Христе Боже наш». Христос — Единственный Священник, Он принес спасительную жертву Своей смертью, которой Он прославлен. Он Самого Себя принес в жертву, Он умер, чтобы

упразднить всякое служение, которое является только внешним. В Послании к Евреям апостол говорит, что *не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел Христос во святилище* (Евр. 9:12). Когда Он испустил дух на Кресте, завеса храма разодралась от верхнего края до нижнего. Со смертью Христовой был сокрушен храм земного служения, который никогда более не должен быть восстановлен. Согласно преданию Церкви, восстановление его будет означать приход антихриста.

Богу угодно только личное служение — то, которое лично связывает нас со Христом. Церковь никогда не знала священства, внешнего по отношению к личности Христа. Она никогда не принимала никакого священства, кроме священства Голгофы. Только такому священству открывается слава Отчая.

Мы должны знать, кто может совершать литургию. Никто, кроме Самого Христа. И никто, кроме того, кто всю жизнь своей устремляется быть единым со Христом и Его жертвенным служением. Мы перестаем участвовать в таинстве жертвы Христовой, если только внешне совершаем его. Если евхаристическая чаша и дискос возносятся только нашими руками. И тем более, если, хотя бы даже только внешне, мы солидаризируемся с теми, кто сознательно отвергает и предаст смерти Христа. «Не бо врагом Твоим тайну

повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда». Можем ли мы принести жертву Христову только пением, даже самым прекрасным, «поминающе спасительную сию заповедь и вся яже о нас бывшая: Крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки Пришествие», и только устами вместе с Ангелами «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще»? Если евхаристическое приношение означает смерть Христову и славу Его воскресения, невозможно совершить его, не умирая и не воскресая во Христе. Это будет не настоящее служение Евхаристии. Точно так же, как если бы мирянин стал повторять все слова и жесты священника. Вернее, несколько иначе. Священник, законно рукоположенный и имеющий благодать для служения, может быть просто орудием, через которое Христос являет Свое присутствие Церкви и приносит Себя в ней. Но если священники не будут лично соединены с любовью Христовой, с Его смертью для мира, с Его благодатью воскресения, литургия не будет их служением. Они будут служителями внешних символов, того, что в христианском служении является земным и несовершенным. Они уподобятся священникам Ветхого Завета, которые приносили жертву — внешнюю по отношению к ним самим. Они не будут священниками в духе и истине — согласно небесному и реальному богослужению. Они не

будут причастниками Божественной Евхаристии, когда Сам Христос совершает ее.

Реальность таинства не зависит от совершающего его

Стать священником в Церкви — значит войти в самоотдачу Христа через таинство Хиротонии, и войти в нее всем своим существом. Христос отдал Свою жизнь за всех, но Он посвятил Себя особым образом тем, кого дал Ему Отец Небесный, чтобы они были освящены в истине, то есть в Нем. Чтобы они могли говорить и действовать во имя Его, представлять Его, продолжать Его спасительные действия — преломлять Хлеб жизни и прощать грехи.

В этом главный долг священника — приносить Бога людям. Разумеется, он не может этого делать, если сам не придет от Бога, если он не живет с Богом, и прежде всего — не живет Богом. Рукоположение священника есть погружение в Него, в Истину.

Священник должен упраздниться в таинстве Евхаристии. Он действует и говорит как тот, кто до конца во Христе. В святых таинствах он не присутствует сам, он не говорит, выражая себя, он говорит за Другого, за Христа: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое».

Мы знаем, что реальность таинства не зависит от святости совершающего его. Но мы знаем также, что действенность его для него самого и для других будет большей, если он живет глубокой верой, пламенной любовью и духом пламенной молитвы. Такими были литургийные чудотворцы — святитель Николай, святой праведный Иоанн Кронштадтский, святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский.

Мы, священники Нового Завета, каждый день являемся свидетелями Богоявления Христа в Евхаристии. Церковь совершает все тайны Господа в этом святейшем и смиреннейшем таинстве, в котором Он являет и одновременно сокрывает Свою славу.

В центре священнической жизни находится Святая Евхаристия, в которой жертва Христова на Кресте реально без конца присутствует среди нас. И исходя из этого мы понимаем, что значит должным образом совершать Евхаристию: это значит быть готовым к встрече с Господом, сошедшим ради нас Своей Божественной славы, которая длится до Его смерти на Кресте и по этой причине — до смерти каждого из нас.

Священник, совершающий Евхаристию, един с Телом Христовым в двух неотделимых друг от друга измерениях Евхаристии и Церкви — евхаристическим телом и телом церков-

ным. Вот почему наше служение — служение любви Христовой. Это дело доброго пастыря, который душу свою полагает за овцы (см.: Ин. 10:11). В таинстве Евхаристии Христос отдает Себя каждый раз, когда она совершается, и именно в Евхаристии мы научаемся любви Христа и, значит, любви к Церкви.

Церковь должна явить присутствие Христа в сегодняшнем мире. Следуя за Своим Господом, Который пришел не для того, чтобы служили Ему, а послужить другим (см.: Мк. 10:45), мы должны прежде всего передать людям любовь Церкви, дар слова, питающего нас. Не только любовь в Церкви, но любовь Церкви.

Неслучайно многие отождествляют пастыря и Церковь (и вся критика Церкви направлена прежде всего на ее пастырей). Пастырь страдает вместе с ней от ее недугов, которые ранят его. Он готов отдать свою жизнь за нее, как Христос, по дару Христа. Ибо Церковь открывает нам Царство, которое грядет.

И священник должен также любить мир, который Бог возлюбил так, *что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16).

Церковь в своем богослужении и во всем служении исполнена заботы о спасении всех. В центре этого служения Христос полагает Свою любовь и ждет нашего ответа.

Два рода священства

В конце Божественной литургии священник выходит на амвон с Чашей, и мы слышим: «Со страхом Божиим и верою приступите».

Священник — кто он? Это призванный Богом. Никто не может присвоить себе это служение. Его получают призванием Бога. *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин. 15:16), — говорит Христос апостолам, собранным на Тайной Вечере.

Кого избрал Христос? Он не смотрит ни на наше общественное положение, ни на наш интеллектуальный уровень, ни на наши поверхностные вдохновенные порывы. Одно несомненно: священник — призванный Богом, то есть возлюбленный Им, иначе говоря, таинственно предпочтенный для этого служения. *Я уже не называю вас рабами... но Я назвал вас друзьями* (Ин. 15:15).

Священник — это также посвященный Богом. Посвященный на что? Христос — единый Священник. Ничто так не соответствует тайне Воплощения, как человеческое служение Божественным вещам. Человек, священник, разумеется, не заменяет Бога, не замещает Его. Нет, он не посредник между Богом и людьми. Но он осуществляет то единственное посредничество, которое принадлежит Христу.

Священник — призванный, посвященный, чтобы осуществить единственное посредничество

Христово. Но как? Таинствами Церкви. Речь идет здесь, несмотря на всю ограниченность священника и все его недостатки, о реальном и сокровенном преображении его личности, принявшей Божественную печать в Личности Христа. Так что он становится орудием Его действия. Вот почему через священника Сам Христос совершает крещение, дарует прощение, прелагает Духом Святым хлеб и вино в Свое Пречистое Тело и Кровь — одним словом, являет тайны Божии, таинства жизни, таинство спасения мира. И таким образом через все, что делает Христос руками священников, Он возрастает, как говорит святой Ириней Лионский, до «Христа всецелого», до Церкви с ее Главою и членами.

Каким же должен быть священник? Он — человек таинства. Но он также человек слова Божия. Он произносит его, и вот горит огонь. Он горит в словах, произнесенных две тысячи лет назад, но всегда горящих. Эти слова подобны огню, который иногда тлеет как бы под пеплом и стелется по земле, а иногда воспламеняется в сердцах, в умах, в нашей человеческой воле. Он вспыхивает здесь и там и, кажется, порой угасает в чем-то сердце, чтобы снова появиться в нем, превратив его в факел, в полыхающий костер. Это слово возвещает, что наши грехи прощены, потому что их взял на себя Другой. Оно возвещает, что, прикоснувшись к тайне Агнца, закланного прежде всех век,

мы узнаём, что мы любимы так, как если бы мы были единственными, на кого обращена вся Его любовь.

Одно слово произносится в мире — в Евангелии, в таинстве Евхаристии или в проповеди после нее, — и с этого момента это слово совершает свою работу в сознании и совести человечества. Мы прекрасно знаем, что священник может мешать, но каким бы посредственным он ни был, есть у него слово, проникающее в предельную глубину каждого человека, и никто другой не может произнести это слово на его месте, потому что это — слово Христова. К этому человеку, к священнику, единственному среди всех, приходят люди — не только любящие Господа, но и заблудившиеся во тьме житейских попечений, которые просят помочь им «разделить имение с братом своим» (см.: Лк. 12:13) или желают узнать свою судьбу, а он открывает им смысл мира, жизни, страдания и смерти. Напоминает им, почему они были когда-то крещены, почему покаяние именуется вторым Крещением, открывающим путь к непостижимому единству с Самим Богом в таинстве Тела и Крови Христовых. Этот нищий, как определяет его первая заповедь блаженства, ничего не имеющий, несет в своем сердце солнце, освещающее и согревающее нас среди апокалиптического холода мира. И в его пустых руках — Божественный мир, которым он благословляет всех, или Чаша, содержащая Источник жизни.

Этот безумный Христа ради показывает нам, что наша жизнь не напрасна, какими бы ни были наши грехи. Поистине, священническое служение — зов услышанный и воспринятый, неодолимое влечение не только к ближним, но и к дальним с желанием отдать свою жизнь за них, возвысить их, спасти. Вместе со Христом он сходит до дна бездны и, *из глубины воззвав*, открывает им небо.

Все вы священники, говорит нам апостол (см.: 1 Пет. 2:9). Все верные — *царственное священство*. Не иерархическое, не для совершения богослужения — между тем и другим священством есть существенная разница. Но одно не может быть отделено от другого, мы все посвящены на служение Богу, каждый в своем образе, в единственном священстве Христа. Нашей молитвой, нашим причастием благодати Божией, свидетельством нашей жизни мы все приобщаемся священническому, царскому и пророческому служению Христа.

Какую полноту смысла, какое богатство обретает внезапно наша жизнь, несмотря на все ее убожество и однообразие, — все мы, и вместе с нами священник, получивший духовную власть, составляем Церковь. Но это означает также, какой жизнью мы должны жить, причастившись Святых Христовых Таин. Ибо, по слову апостола Петра, *вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать*

совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет (1 Пет. 2:9). И апостол Павел добавляет: Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в свялый храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом (Еф. 2:19–22).

Отдать то, что нам дороже всего

Божественная литургия, тайна и источник богословия, соединяет Евхаристию со священством. Евхаристия — таинство, жертвенное приношение Отцу Небесному. Священство — служение, которое вводит нас в это служение приношения. Все мы призваны жить на большей глубине, согласно нашему призванию. Это значит, что вся наша жизнь должна стать живым приношением хвалы Богу. Чтобы стать этим приношением, мы должны войти в дар Евхаристии Христовой. Быть причастным Святых Таин — значит устремляться к тому, чтобы быть способными сказать: «Сие есть Тело мое» и «Сия есть Кровь моя».

Христос призвал все отдать Богу, Отцу и Сыну в Духе Святом. Мы все это прекрасно знаем, но как

мы сопротивляемся этому! Мы неспособны отдать все, но Господь ждет, что мы отдадим Ему только одно — то, что всего нам дороже. Он ждет отдачи Ему нашей свободы, нашего слова: «Да будет воля Твоя!» Господь может сделать нас святыми, но при условии, что мы отдадим Ему нашу свободную волю, ибо Бог предлагает нам свободный выбор. Спасение предлагается, никогда не навязывается.

Таинство Евхаристии — это благодать приношения. Мы учимся в нем открытости Богу, принятию Его, преданию себя Ему. В Евхаристии мы узнаём, что значит умирать для себя, чтобы жить в Боге. Красота и величие этого таинства с исключительной силой открывается нам в Великий Четверг. Все, не только священники, призваны к священническому служению. Но все верные будут *царственным священством*, если в ответ на дар Божественной литургии, принимаемый ими от священника, станут служителями радости, которая Крестом приходит всему миру. Церковь не может остаться без иерархического священства, так же как она не может остаться без причащения.

Священник — человек Евхаристии, но не ради собственной славы, а ради того, чтобы дать народу Божию возможность стать *царственным священством*. В таинстве рукоположения священник принимает из рук епископа Тело Христово со словами: «Приими Залог сей... о немже имаши истязан

быти во Второе и Страшное Пришествие великого Господа и Спаса нашего Иисуса Христа».

Мы живем во времена, когда средства массовой информации нападают на Церковь и высмеивают все святое. И священники, монахи, все любящие Господа призваны явить миру, что они самые счастливые на свете люди, потому что избраны Христом, чтобы всем передать благовестие спасения. Смысл священства — святость. Этой святости трудно достигнуть. Но мы причащаемся Святых Христовых Таин, мы причастны ей. Невозможно нам опускать руки оттого, что тяжелы бремена. Испытание скорбями всегда было в Церкви временем самых великих возможностей. Мы не должны отказаться от просвещения мира оттого, что мы гонимы этим миром. Наш единственный ответ тому, что происходит сегодня, — святость нашей жизни.

Церковь свята приобщением Христу, но также своими святыми, всеми, кто устремляется к святости. Мир окажется безоружным только перед лицом святости. Будем реалистами среди сегодняшнего небывалого распада мира, но не будем слушать лжепророков, кричащих о духовной несостоятельности Церкви и уже почти требующих ее запрета. За многие годы служения на приходе и преподавания в духовных школах я был свидетелем непрерывного обновления Церкви приходом в нее молодых людей, приведенных к ней

Господом. Как всякий христианин, они имели свои немощи и недостатки, но дух их горел радостью приобщения Христову дару, апостольской решимостью, желанием святости.

Пророчества о будущем Церкви определяются надеждой на ее священство. Среди нынешних бед наш народ — как спелая жатва, которая ждет быть собранной для Христа. Но где достойные жатели? Надо прежде всего, как заповедует Христос, молиться Богу, да пошлет нашему народу истинных делателей на жатву Свою (см.: Мф. 9:37–38). Нет сомнения, что если бы все священники шли путем верности Господу даже до смерти, то духовное лицо нашей страны скоро бы преобразилось. Достойно и праведно быть священником при условии твердого обещания исполнить это служение свято.

Священниками не становятся так, как становятся начальниками или специалистами в каком-либо деле. Никакое внешнее обновление, никакие реформы не будут иметь смысла, если нет любви ко Христу, к тайне священства. Что будет значить наша жизнь без этого? Сколько священников разных поколений встретили мы на своем пути: все они учили нас молитве, учили смирению Христову, неизреченной милости Боговоплощения. Все эти священники всю жизнь служили Божественную литургию. Вне сомнения, не все было у них чудесным, но они исполняли свое служение с благоговением и верностью Богу. Через

них, по-человечески говоря, можно было видеть Христа. Это казалось невероятным!

Мы имеем благодать совершать каждый день Божественную литургию, которая есть источник и вершина нашего служения. Мы имеем благодать чаще других причащаться Святых Христовых Таин и принимать прощение от Господа. Я хотел бы здесь сказать, что ни один из тех священников, которых я знал, ни разу в жизни не выразил сожаления, что пошел путем служения Господу. Почему мы, священники, так счастливы? В чем наш секрет? Вне сомнения, в том, что Христос, Тот, Кто умер и воскрес, ведет нас с Собой туда, где нет конца Его любви. Хорошо всякий раз всем, кто причащается Святых Таин, возносить молитву за священников. Чтобы мы всегда, до последнего своего вздоха, были служителями Христовыми. Чтобы по образу Господа, умывшего на Тайной Вечере ноги Своих учеников, мы могли смиренно и верно совершать служение, которое Он вверил нам в день нашего рукоположения.

Евхаристия и проповедь

Евангелие — книга жизни Господа. Оно существует для того, чтобы стать книгой нашей жизни. Подобно тому как причастие существует для того,

чтобы мы стали единокровными Богу. Ибо не только по дару Христа, но и нашими собственными усилиями должны мы стать причастниками Божественного естества. И от того, как мы причащаемся, от того, как мы слушаем слово Божие, зависит вся наша жизнь. Не потому ли научиться читать Писание так непросто? Ведь недостаточно только услышать, важно сохранить услышанное — отвергнуться себя, чтобы принять судьбу, которая может быть только у Самого Христа, — по дару Его и Его Евангелия. И сделаться способными возвестить эту тайну другим людям.

Есть такой забавный семинаристский рассказ. Выходит на амвон на воскресной всенощной только что рукоположенный священник. В голове от страха все смешалось, и он только повторяет про себя начало проповеди о явлении Господа на озере Тивериадском: «Иду рыбу ловить, — торжественно начинает проповедник и умолкает. — Иду, — прерывающимся голосом продолжает он, — рыбу ловить иду». И после мучительной паузы в отчаянии восклицает: «Ловить рыбу иду, иду ловить рыбу!» — и больше ничего произнести не может. «В следующий раз, — говорит ему в алтаре архиерей, — прежде чем идти рыбу ловить, не забудь приготовить снасти».

Да, к проповеди надо готовиться, и не только начинающему священнику, особенно в наше время, когда Церковь видится обновленной,

омоложенной, вновь просвещающей народ, ниспавший в язычество. Видится Церковь новых апостолов, готовая забрасывать сети в открытом море, а не только ловить удочкой у берегов. Сегодня нужно не сотрясание воздуха среди митинговых страстей — «Велика Артемида Ефесская!» — а слово глубокого покаяния, как проповедь апостола Петра, обращающая к вере сразу по несколько тысяч человек, как пророческое слово святого праведного Иоанна Кронштадтского за Божественной литургией, которое вызывало покаянный плач в переполненных храмах и уготовляло многие души к принятию в грядущих испытаниях мученических венцов. Молитва перед проповедью — с глубоким осознанием бесплодности своих усилий достучаться хотя бы до одного сердца: «Мы трудились всю ночь и ничего не поймали!» обретает смысл, если надежда на Спасителя, и только на Него, распространяется на всю нашу жизнь: «Но по слову Твоему закину сеть» (см.: Лк. 5:5). Катехизация детей и взрослых, уроки в воскресной школе, выступление по телевидению, статья в газете, отдельная книга — это тоже проповедь, но в центре всего — та проповедь, которая, по определению церковного устава, является частью богослужения.

Успешное распространение учения Господа нашего Иисуса Христа зависит от того, как и что говорим мы в обыденной жизни, как молчим, как

слушаем другого человека, как читаем Святое Евангелие, как молимся за Божественной литургией. Прежде чем говорить, надо научиться слушать. Первая заповедь — «Слушай, Израиль!» Грех — всегда непослушание, неслушание, пренебрежение слушанием Бога и другого человека. Сокровенное слышание есть послушание, только оно дает разумение человеку. Прежде чем проповедовать о любви Христовой, надо услышать Слово Христово: «Любишь ли Меня?» Этот вопрос Господь задает и сегодня каждому из нас: «Ты отвергся Меня жизнью своей, но любишь ли ты Меня?» И каждый, кто может, как апостол, ответить: «Господи, Ты все знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя!» — услышит: «Иди говори братьям Моим, будь Моими устами». Это продолжается от апостолов до наших дней через всю историю Церкви. Если этого нет — не может быть глаголов вечной жизни. Отсутствие любви превышает все канонические препятствия к священству, хотя всякий грех есть отсутствие любви.

Уместно сказать о проблеме понятности проповеди и красоты ее, проблеме очень серьезной не только для святых гениев, таких, как Иоанн Златоуст. «Золотые твои уста, но слово твое слишком глубоко для нас!» — сказала ему в храме простая женщина. Да, нужно слово, которое считается с ментальностью современного человека, и это слово должно быть простым. Как просто

говорит Христос: «Да — да и нет — нет!» Он ведет нас к реальности Царства через самое простое, что окружает нас: посмотрите на цветы полевые, взгляните на птиц небесных, вот вышел сеятель сеять, и вот тащит невод с рыбами на берег рыбак. Но всякое наше слово праздно, то есть непонятно человеку сокровенного сердца, если оно не связано с его словом или с его молчанием. В проповеди слово нам не принадлежит — оно на службе у любви, такова специфика веры. Невозможно понять слово, если оно не относится к личности, а личность открывается только в любви, в той доброй реальности, к которой влечется дух. Без этого нельзя ничего понять в Церкви. Вот почему проповедь — главное проявление богословия, и нет ничего опаснее так называемого «профессионального», отвлеченного богословия. Святитель Игнатий (Брянчанинов) заметил: «Бывает, человек — вполне заслуженный профессор богословия, а случись с этим “богословом” какая напасть — и он смотрит растерянно: да есть ли Бог?» — и добавляет: «Какого света ожидать от этой тьмы?!» «Если ты чисто молишься, — говорят святые отцы, — ты богослов, и если ты богослов, ты чисто молишься». Молиться за других — это кровь проливать», — записал преподобный Силуан Афонский. Невозможно поверить, что профессиональные эти богословы пишут кровью, а не чернилами. То же относится и к проблеме

красоты проповеди. Есть проповеди — как стихотворения. Один очень одаренный проповедник как-то сказал, что, благоговей перед святостью великого праведника и чудотворца отца Иоанна Кронштадтского, он поражается, насколько банальна его проповедь. Суть в том, что гений, в отличие от среднего таланта, не боится банальности. Тысячу раз слышанное звучит в его устах, как сказанное впервые, и не потому, что он пещется о блеске каждого слова, а потому, что все слова, самые обычные, оживотворены дыханием Духа, в устах любви привычные, уже почти не воспринимаемые — становятся поэзией, чудом. Человек нуждается в поэзии и чуде, подаваемом Духом Святым. Только любовь знает, как ей следует говорить, и находит слова. Она видит нужду любимого человека и боится пустого красноречия. Только любовь зряча, она видит даже во тьме.

Вне сомнения, самое глубокое искажение современной цивилизации в том, чтобы не называть добро и зло подлинными именами, а началось это с тех пор, как Адам и Ева захотели сами, без Бога, определить границу между добром и злом. Среди растрепанности миллионов людей ложной поэзией и сладостью греховною, перед культом самости, вседозволенности, магией, развратом, когда те, кто скользит по поверхности, уже не в силах преодолевать течение, Церковь должна возвыситься

свой голос «как власть имеющая, а не как книжники и фарисеи» (см.: Мф. 7:29), чтобы пробудились все, ибо страшнее всего — отчаяние. Если рыбам угрожает отравление, они не спасутся, выбрасываясь на берег. Наоборот, следует погрузиться как можно глубже — туда, где воды еще чистые и живые. Как спасти души, как привести их к глубинам Евхаристии и Божественного Слова — вот в чем вопрос.

Один весьма почтенный священник сказал: «Почему я проповедую? Как хотел бы я не иметь иного ответа, кроме того, который один великий поэт дал начинающему стихотворцу. Вместо того, чтобы оценивать его первые поэтические опыты, он взволнованно спросил: “Согласились ли бы вы умереть, если бы не могли больше писать?”». Тут, как говорится, кончается искусство. Готовы ли мы умереть, если нам запретили бы говорить? Апостолы Петр и Иоанн, выйдя из темницы, отвечали ясно и просто: «Мы не можем не говорить об этом Человеке» (см.: Деян. 4:20). Вот что больше всего нам нужно — не красноречие, которое может собрать восторженные толпы, но никого спасти не может, а сила слова, которую по обетованию Господнему дает нам Дух Святой, когда ведут нас на земные судилища. Многие говорят: «Мне это не дано, я не умею говорить, и кто я такой, чтобы исцелять болезни, которые живут во мне, как во

всех!» Я знал одного священника — он проповедовал длинно и вяло, говорил полчаса то, что можно сказать за две минуты. Но однажды на отпевании его друга, погибшего вместе с женой в автомобильной катастрофе, — трое маленьких деток стояли тут же, у гроба, — я услышал потрясающие слова горя, любви и веры — в крест и воскресение. Неужели нам нужна смерть наших близких, чтобы слово наше перестало быть деревянным и стало живым?! Разве мало мы приняли испытаний, разве собственные скорби не научили нас, что нельзя не проповедовать у гроба, когда пришедшие на отпевание, может быть, впервые в жизни вошли в храм! Нельзя священнику не проповедовать, зная, с какими горестями каждый день обращаются к нему, зная, каких потрясений и страшных соблазнов полон сегодня мир. Необходимо, разумеется, проповедовать каждый день, за каждым богослужением. Мы только что молились, предстояли пред Господом. Неужели это не имеет к нам особого отношения, неужели не хочется сказать хотя бы несколько слов о том, что совершилось и что для всех имеет значение!

Бог однажды стал человеком, Он разделил с нами нашу жизнь, и пусть кто-нибудь скажет: «Все это я уже знаю, батюшка снова говорит об известном», — а между тем это единственно важное на свете, это единственное, перед чем нам

нужно ставить себя каждый день. Но проблема только одна, повторим еще раз, она заключается в том, что слова наши должны быть подлинными. Прежде чем выйти к народу со словом, священник стоит у престола перед крестом и Евангелием, как на исповеди. Он целует крест и, хочется добавить, — и Евангелие, хотя по уставу полагается целовать только крест, но каждое слово Евангелия будет судить его в последний день и судит сейчас. Необходимо испытание совести и очищение сердца, как перед причастием. Подготовка к проповеди, как бы серьезна она ни была, не может в самый последний момент не завершиться молитвой: «Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?» Только сердце сокрушенное и смиренное поможет проповеди не остаться на уровне слов. Бывает, священник абсолютно уверен в успехе проповеди, он приготовил замечательные мысли и слова, но *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак. 4:6). Проповедь за литургией, посредине ее, после чтения Евангелия, или в конце, когда мы причастились Святых Христовых Таин, имеет исключительное значение. Христос дает Свою жизнь через слово и таинства. В Евхаристии с особой силой раскрывается таинство Креста, которое совершилось при Понтии Пилате и которое на Тайной Вечере свободно предварилось Самим Господом. Оно явлено здесь, каждому из нас, под

таинственным видом хлеба и вина, которые уже не хлеб и не вино, но истерзанная Плоть и изливаемая Кровь Господа. Как воскресший Христос проходит через закрытые двери, так и мы в этом таинстве, преодолевая время и пространство, получаем от Него дар припасть к спасительному источнику. Можно сказать, что слово — тоже таинство. В таинстве слова — присутствие Христа, идущее от Евхаристической реальности и ведущее к ней — к тому, что превосходит слово. Надо, чтобы хоть в малой степени совершилось с нами то, о чем говорит апостол Павел: «То, что я проповедую, — *не от человека, но через откровение Иисуса Христа*» (ср.: Гал. 1:12), чтобы люди могли сказать священнику, как самаряне сказали женщине, которая привела их к Господу: *Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос* (Ин. 17:20).

Высшее испытание совести проповедника происходит, когда он слышит Христовы слова: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их». Христос молился на Евхаристии Тайной Вечери перед страданиями за тех, к кому будет обращена священническая проповедь во все века. Слово, которое готовится к произнесению, предваряется не только молитвой проповедника, но и молитвой Самого Господа о стоящих в храме. К проповеди надо готовиться всю жизнь, пока

огонь покаяния не истребит всю тьму в тебе самом и уже не останется другого мотива для проповеди, кроме зова Божия, с которым Он посылает нас в мир во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Память о Втором Пришествии Господа

В таинстве Евхаристии присутствует все, что совершил Христос нашего ради спасения. И в нем — напоминание о Втором Пришествии Господа. В Великий Четверг мы слышим слово апостола: *Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет* (1 Кор. 11:26). Этими тайнами и этой устремленностью ко дню Господню измеряется ответственность пастырей и пасомых в таинстве Святого Причащения. Призыв Церкви к ответственности предельно строг: *Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей* (1 Кор. 11:27–28).

Все Евангелие — предупреждение о том, что подлинное чаяние Пришествия Христова есть жизнь как бы в постоянном присутствии Господа. Такой образ жизни — главное и лучшее

приготовление ко Святому Причащению. Христиане, и особенно пастыри, совершители великого Таинства, всегда должны быть на страже — в ожидании своего Господа. Христос рисует образы мудрого и неразумного домоправителя. Мы помним эту простую и глубокую евангельскую притчу. На Востоке домоправитель обладал почти неограниченной властью. Он сам был рабом, но под его властью находились все другие рабы. Мудрый домоправитель верно управлял домом своего господина и его имением. А неблагоразумный раб сделал одну серьезную ошибку. Он думал, что в отсутствие своего господина он может вести себя так, будто его нет. Увы, нам свойственно разделять свою жизнь на две части! Одна — когда мы находимся в присутствии Божием и другая — когда мы живем сами по себе. Между священным и профанным как бы проходит линия разделения. Но рано или поздно мы должны узнать, что такое на самом деле христианство. И что нет такой части жизни, где Бога нет. Что бы мы ни делали, это всегда происходит в присутствии Божием.

Кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими раздавать им в свое время меру хлеба? (Лк. 12:42) — говорит Христос. Это относится в первую очередь к служителям Церкви, которые являются домоправителями в доме Божием. Они поставлены

Христом, их власть — от Христа. Их служение — раздавать чадам Божиим и рабам Божиим меру хлеба — слово Божие, молитву, таинства, в особенности Евхаристию, в свое время, чтобы те не изнемогали от многих скорбей. В этом они должны явить себя верными и благоразумными. Верными своему Господу и верными своим пасомым. И мудрыми — ибо служители Божии должны отличаться рассудительностью и искусством, всегда отличающими истину от лжи, знающими, что вечная жизнь присутствует в каждодневных наших трудах. *Блажен раб тот, — говорит Господь, — которого господин его, придя, найдет поступающим так* (Лк. 12:43). Тот раб, тот служитель Христов, кто не проводит время в праздности, кто занят деланием духовным — богослужением, проповедью, пастырским попечением. Господь говорит о Своем благодатном посещении этого раба среди его трудов, о его смертном часе и о Своем Втором и славном Пришествии. *Истинно говорю вам, что над всем именем своим поставит его* (ст. 44), — говорит Господь. Служители Божии, получившие милость от Господа быть верными, сподобятся еще большей милости в день Господень. И ко всем Своим верным рабам обращается Христос: *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (ст. 32).

Никто не знает ни дня, ни часа, когда придет к нам Господь. Долгое путешествие господина

в этой притче — вся история Церкви от Вознесения Господня до Его Второго Пришествия. С самого начала Церковь не переставала ждать возвращения Господа, но с течением времени надежды многих ослабли. Сегодня мало кто говорит о Христе и еще меньше — о Божественной внезапности Его прихода. «Да и придет ли Он вообще?» — говорят иные и в то же время дерзают причащаться Святых Христовых Таин. Но какое страшное наказание ждет тех, кто окажется предателями и неверными!

Неверный раб скажет в сердце своем: *Не скоро придет господин мой* (Лк. 12:45). Нет большего заблуждения, чем думать, что у нас еще много времени и мы еще успеем подготовиться к решающему, навеки соединяющему нас с Господом причащению. Господь сказал: *Мне должно — а значит, и нам — делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать* (Ин. 9:4). О долготерпении Христовом «гнусные ругатели» говорят, будто медлит Господь (см.: 2 Пет. 3:3–4), и от этого в уныние приходят слабые духом и воодушевляются враги Церкви. Решив, что Господь запаздывает, неверный раб злоупотребляет своей властью. Слово Божие замечает, что гонители народа Божия могут быть и в самой Церкви. Причем, нерадея о деле Христовом, они могут предаваться распущенности. Мало того, что они не исполняют как должно

своего служения, они роскошествуют и пьянствуют и грубо обращаются с теми, кого они должны питать, бьют, как сказано, своих слуг и служанок. *Смерть грешников люта* (Пс. 33:22), но особенно — для нечестивых служителей Церкви. Она внезапно придет к неверному рабу — *в час, в который он не думает*. Господь по возвращении Своем *рассечет его и подвергнет его одной участи с неверными* (Лк. 12:46). Он окажется во тьме кромешной, вне общения верных.

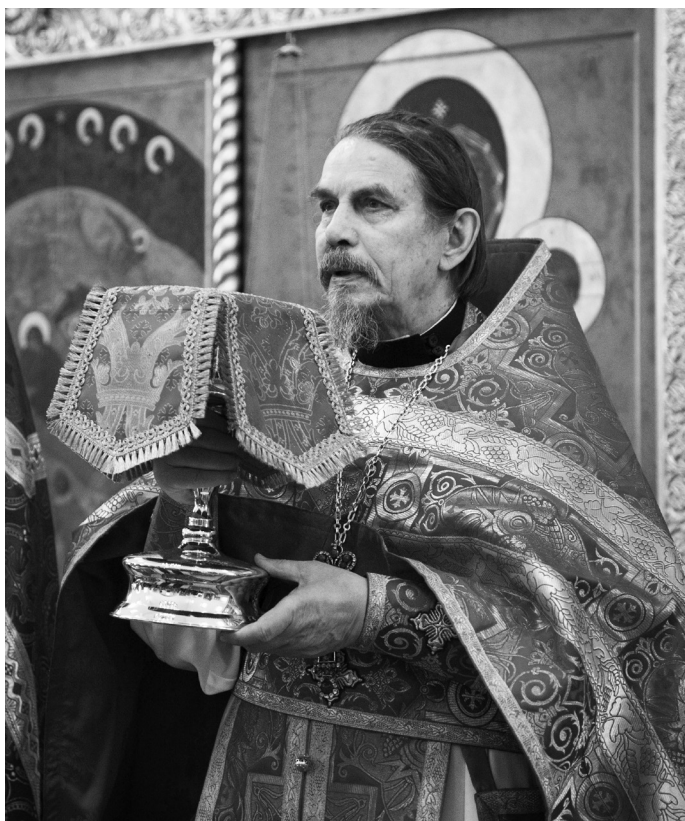
Господь говорит, насколько большим будет наказание для тех, кто сподобился в таинстве Тела и Крови Христовых сугубой благодати, кто знал свой долг и не исполнял его. *Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше* (Лк. 12:47–48). Кто не знает волю своего господина и делает что-либо достойное наказания, будет бит, потому что ему следовало знать свои обязанности лучше. Но он будет бит мало — его неведение делает его поступок извинительным — частично, но не полностью. А знание долга усугубляет наш грех. В этом случае наказание будет более суровым. Грех — вдвойне грех для того, кто лучше знал. Наше поражение вдвойне обличает нас, если у нас были все возможности для победы. Совершение греха вопреки знанию заповеди свидетельствует о презрении грешника к воле Божией.

Господь призывает всех к верности. Верность — это подлинная вера. Верность — это бодрствование, ибо ничто так не опасно, как ложная безопасность. Верность — это мужество. Верность — это любовь. Только подлинная любовь может все претерпеть и не отчаиваться, что бы ни происходило. Полюбить на самом деле кого-то однажды — значит только ждать того часа, когда возлюбленный придет. Как открывает нам каждый день Божественная литургия и возвещает Апокалипсис: *Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22:20).

Об авторе

Протоиерей Александр Шаргунов более сорока лет служит в храмах города Москвы и многие годы преподает в Московской духовной академии и семинарии. Доцент кафедры библеистики. Член Союза писателей России и Академии российской словесности. С 1990 года является настоятелем храма Святителя Николая Мирликийского в Пыжах.

В серии «Проповеди в храме» вышли книги отца Александра «Рождественский пост» (1998), «Великий пост» (1999), двухтомник «Воскресные проповеди» (2001), «Двунадесятые праздники» (2007), «Великая тайна причащения» (2011, 2013), «Крест и Воскресение» (2012), «Пред Крестом и Евангелием» (2012), трехтомник «Перед Пасхальным Судом Слова» (2014), «Время Великого поста» (2017). Из других изданий наиболее известны: «Проповеди и выступления» (1995), «Чудеса царственных мучеников» (1991–1995), «Подвижники Марфо-Мариинской обители милосердия» (2000, 2001, 2007), «Православная монархия и новый мировой порядок» (1999), «Последнее оружие» (2004–2014, пять изданий), двухтомник «Евангелие дня» (2008, 2010, 2018), «Миражи любви и Церковь» (2009, 2014), «Миражи любви и мир» (2010, 2011), «Вчера и сегодня» (2011), «Царь» (2013, 2018), «Культура и антикультура» (2014), двухтомник «Неувядаемый Цвет» (2016), а также ряд брошюр

по актуальным церковным и общественным вопросам. Под редакцией отца Александра выходили сборники «Антихрист в Москве» (1994–1997), посвященные проблеме нравственного возрождения России. Постоянный автор журнала «Русский Дом» и православной радиостанции «Радонеж». Кроме того, выходят диски с записями проповедей отца Александра.

Содержание

Предисловие	7
Не существует другого пути спасения	9
Святые Дары	9
Мы — люди Нового Завета.....	13
Каждый христианин — дарохранительница.....	17
Тело Христово	22
Христос — без Церкви?	25
Как часто нужно причащаться.....	27
Молитва хвалы и благодарения	30
Об утраченной благодати.....	33
Обыденная трапеза и Евхаристия.....	38
Не существует другого пути спасения	45
Евхаристия и некрещеные	49
Как готовиться к причастию.....	53
«Не хотите ли и вы отойти?»	53
Причащение невозможно без покаяния.....	57
Об исповеди перед Святым Причащением.....	60
Во оставление грехов	64
«Первое примирился ты опечалившим»	67

О молитве перед Святым Причащением	72
Чего нам по-настоящему недостает	76
Великий пост и Евхаристия.....	79
Бодрствовать в ожидании Господа.....	79
Богослужение особой духовной красоты.....	82
Три измерения Евхаристии.....	85
Самое опасное — привыкание к святине	89
Лучшее приготовление к причастию	93
Когда христианство утратит свое бывшее имя	95
Вопросы Великого поста	99
Страстная седмица и Евхаристия	104
Новая седмица нового творения.....	104
Великая Среда.....	106
Предательство Иуды	106
«Один из вас предаст Меня».....	114
Любовь и сражение со злом едины	122
Предательство и верность	125
Великий Четверг.....	134
Церковь — слуга всех по образу Христа.....	134
Начало последней войны	137

В стене Церкви открылся пролом	140
Разделение	150
О достойном причащении.....	153
Недостойное причащение	157
Какой праздник мы ждем?	159
На Тайной Вечере	162
«Яко разбойник исповедую Тя»	168
Идти до конца, чтобы иметь часть со Христом.....	179
Знамена любви Христовой.....	184
Самая великая тайна любви и нашей свободы	187
Умовение ног на Тайной Вечере	190
Этот день Господень всегда нам дан.....	195
Тело Христово — Хлеб преломляемый	200
«Помни, Израиль!».....	203
Благодарим Господа	207
После Тайной Вечери	210
Причащение — это слово и действие	213
Великая Пятница	216
«Се, Раба Господня».....	216
Кто может устоять у Креста Христова	222
Великая Суббота	225
«Да молчит всякая плоть человека»	225

Пасха Господня и Евхаристия	230
Среди пасхального ликования	230
Победа Христова предлагается всем.....	232
Мы перешли из смерти в жизнь	232
Евхаристия — семя нашего воскресения	235
 Двунадесятые праздники	
и Евхаристия	240
Вход во Святое святых	240
О Небесном Хлебе	244
Родиться со Христом.....	247
Воплощение Слова Божия в Евангелии	253
Божия Мать и Евхаристия	257
Вода Крещения и вино Евхаристии	261
Сретение — принять, чтобы отдать	264
Пророчество праведного Симеона	
и молчание Божией Матери.....	267
Слово о причащении	
и об истинном богословии	
в праздник Вознесения.....	278
Дух Святой совершает Евхаристию	282
 Евангелие о Евхаристии	285
Царство Небесное подобно Евхаристии	285

Притча о званых на брачный пир	288
Царский духовный пир.....	288
Никто не может скрыться от Господа	294
Облечься во Христа.....	300
Что значит эта таинственная трапеза.....	303
Чудо умножения хлебов	308
Евангелие от Иоанна	
о Хлебе жизни.....	312
Тайна, превосходящая всякое разумение.....	312
«Старайтесь не о пище тленной»	315
«Я есмь Хлеб жизни».....	318
«Я воскрешу его в последний день».....	320
«Ядущий Хлеб сей будет жить вовек».....	324
«Какие странные слова! кто может это слушать?».....	326
«Это ли соблазняет вас?».....	330
Воскресное Евангелие	
об эммаусских путниках	333
Третий Путник.....	333
Главное знамение Христово присутствия	339
Литургия слова и Евхаристический канон	343
Изгнание торговцев из храма	347
Куда ведет дорога Илии.....	353

Дар самого себя	359
Как нам возвратиться к Богу	364
Божественная литургия	371
Литургия слова	371
Великий вход	374
Символ веры	375
Приношение «о всех и за вся»	378
«Отче наш»	382
Заамвонная молитва	385
Литургия святителя Василия Великого	389
Евхаристия и священство	397
Таинственная жизнь Церкви	397
Кто может произносить эти слова	404
Кто может совершать литургию	408
Реальность таинства не зависит от совершающего его	411
Два рода священства	414
Отдать то, что нам дороже всего	418
Евхаристия и проповедь	422
Память о Втором Пришествии Господа	432
Об авторе	438

Духовно-просветительское издание
Серия «Современное благовестие»

Протоиерей Александр Шаргунов

СВЯТЫЕ ДАРЫ

МОЖЕТЕ ЛИ ПИТЬ ЧАШУ, КОТОРУЮ Я ПЬЮ?

Редактор монахиня *Иулиания (Самсонова)*
Художественное оформление *Марии Тараканниковой*
Корректор *Ольга Грецова*
Компьютерная верстка *Игоря Цупа*
Технолог *Михаил Мыскин*

Подписано в печать 19.06.2020 г.
Формат 84x108/32. Объем 14 п.л. Тираж 5000 экз.
Печать офсет. Бумага офсетная. Заказ № 421
Адрес издательства Сретенского монастыря:
107031 г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Отпечатано с готовых файлов
издательства Сретенского монастыря
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14
Интернет-магазин: **www.sretenie.com**
Книжная торговля Сретенского монастыря:
(495) 628-82-10; 621-86-40
Магазин «Сретение» (495) 623-80-46

Приглашаем вас посетить крупнейший православный магазин «Сретение», что находится неподалеку от Московского Сретенского монастыря на улице Большая Лубянка. Здесь вы сможете найти интересующие вас товары в следующих отделах:

- ❖ **Книжный:** крупнейший православный магазин в России, насчитывающий более 7000 наименований. Богослужебная, святоотеческая, учебная, историческая, детская и художественная литература, ноты, диски, периодические издания.
- ❖ **Церковная утварь:** большой выбор церковной утвари — свечи, ладан, подарки, церковные облачения.
- ❖ **Иконная лавка:** разнообразие писаных икон разных иконописных школ. Иконы на заказ, антикварные иконы.
- ❖ **Ювелирные изделия:** лучший выбор ювелирных изделий православной тематики, антикварные изделия.
- ❖ **Продуктовый магазин и монастырская косметика:** натуральные продукты от монастырей России и российских фермеров, продукты из Греции.
- ❖ **Магазин игрушек и развивающих игр:** деревянные игрушки, развивающие и настольные игры, рекомендованные преподавателями Воскресной школы Сретенского монастыря.
- ❖ **Магазин одежды:** большой выбор православной одежды и платков на любой вкус.

Ждем вас по адресу:

Москва, ул. Большая Лубянка, д. 17, стр. 1.

**5 мин. от м. «Тургеневская», «Чистые пруды»,
«Кузнецкий Мост».**

Оптовый отдел издательства Сретенского монастыря

Мы успешно работаем на книжном рынке с 1995 года. Сотрудничаем не только с епархиальными управлениями, приходами, православными магазинами, семинариями, монастырями, частными лицами, но и с крупнейшими светскими магазинами.

Заказать книги нашего монастыря и продукцию других издательств вы можете:

❖ по прайс-листам: <http://www.sreteniem.ru/prices>

❖ по электронной почте: opt@pravoslavie.ru

❖ по телефону: **8 (495) 628 82 10**

Для крупных оптовых покупателей, а также епархиальных управлений, семинарий и монастырей предусмотрена гибкая система скидок!